

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»
Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России

Научно-художественный журнал
№ 16 – 2016

П Е Р Е В О Д Ч И К

Чита
Забайкальский государственный университет
2016

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-Ш 407
П 8.3

Научно-художественный журнал «Переводчик»
(Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России)

Главный редактор

О. В. Стельмак канд. филол. наук, доц. каф. европейских языков
и лингводидактики ЗабГУ, председатель Забайкальского
регионального отделения Союза переводчиков России

Редакционный совет:

Л. О. Гуревич президент Союза переводчиков России;
Т. В. Воронченко д-р филол. наук, проф., директор НИИ филологии
и межкультурной коммуникации ЗабГУ;
М. В. Константинов д-р ист. наук, проф. каф. истории ЗабГУ

Редакционная

коллегия: О. В. Ушникова, И. Н. Силицкая, И. Н. Костина, И. А. Боброва

Научно-художественный журнал «Переводчик» (Печатный ор-
ган Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков Рос-
сии). Вып. 16 / гл. ред. О. В. Стельмак ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита :
ЗабГУ, 2016. – 254 с.

Журнал «Переводчик» предназначен для филологов, лингвистов, а также для тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения. Он знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы. Раздел «В студенческой лаборатории» представляет студенческие работы по переводу. Специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. д-р филол. наук, проф. Т. В. Воронченко). Разделы «В копилку переводчика» и «Лексикография» предназначены для переводчиков-практиков. Краснедам Забайкалья адресован раздел «Земля Даурская» (ред. канд. филол. наук, доц. О. В. Ушникова). Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов», «Конкурсы, конкурсы!!!», «Новинки» и др.

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-Ш 407

© Забайкальский государственный
университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ

Пленум Правления СПР (23 марта 2016 года) о подготовке к IX съезду СПР.. 5

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

Современная исландская поэзия. Сигурд Паульссон. Лирика. Перевод с исландского Ольги Маркеловой	7
Джованни Пасколи. Цикл стихотворений «Восторги поэта». Вступительная статья и перевод с итальянского Татьяны Берфорд.....	16
Старинные английские баллады (XV-XVI вв.). Вступление и перевод с английского Евгении Славороссовой.....	22
Теофиль Готье. Лирика. Предисловие и перевод с французского Андрея Кроткова.....	26
Станислав Л. Яшовский. Вступительное слово Александра Труханенко. Перевод с польского стихотворения «Пушкин». Владимира Семибратова...	34
Редьярд Киплинг. Стихотворения. Перевод с английского Евгения Фельдмана.....	36
Батожаргал Гармажапов. Лирика. Перевод с бурятского Виктора Балдоржиева.....	44
Звучащая палитра: лирика О. Уайльда и Дж. Джойса. Вступительная статья и перевод с английского Галины Стручалиной.....	46
Сара Т. Тисдейл. Лирика. Предисловие и перевод с английского Ольги Стельмак.....	51
Франсуа Вийон. Баллада «От жажды умираю над ручьём». Вступительная статья и перевод с французского Валентины Герасимовой.....	59
Кристина Д. Россетти. Стихотворения. Перевод с английского Валентины Брилевой.....	66
Дугарма Батоболотова. Стихи. Вступительное слово и перевод с бурятского Бориса Макарова	69
Михаил Лермонтов. «Мцыри» (отрывок из поэмы). Перевод на английский Екатерины Коржовой	75
Уильям Шекспир. Вступительная статья Гамлета Мирзояна. Перевод с английского отрывка из трагедии У. Шекспира «Ричард III» Ашота Сагратяна.....	79

Проза

Современная исландская проза. Оулавур Гуннарссон, Кристин Марья Балдурсдоттир, Сьоун. Перевод с исландского Натальи Демидовой.....	98
Гарма Цырендашиев. Рассказ «Дулмадэ». Перевод с бурятского Виктора Балдоржиева.....	113

Франциск Локателли. Московитские письма. Заключительное письмо и послесловие редактора в переводе с французского Николая Епишкина.....	117
Монгольские пословицы и поговорки – кладёз народной мудрости. Вступительное слово Геннадия Васильева. Перевод с монгольского Геннадия Васильева и Алтанхуяггина Баярсайхана.....	134
В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ	
Екатерина Иванова. О некоторых трудностях перевода художественной литературы с английского на китайский язык; перевод имен собственных....	143
Анастасия Русина. К вопросу об особенностях перевода китайских реалий на русский язык.....	148
АМЕРИКАНА	
Гертруда Ф. Х. Атертон. Роман «Калифорнийцы». Глава II. Предисловие «Страницы истории» и перевод с английского Татьяны Воронченко.....	151
Мария А. Р. де Бёртон. Роман «Скваттер и Дон». Глава II. Перевод с английского Елены Гладких.....	158
В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА	
Анна Булдыгерова. О китайских знаках препинания.....	166
Итоги Открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» – 2016.....	173
ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ	
А. П. Чехов о Забайкалье. Перевод на китайский Анны Булдыгеровой.....	190
Виктор Балабанов. Озеро Кенон. Из книги «Строкой и памятью отмечено...». Перевод на немецкий Ирины Бобровой.....	191
УГОЛОК ПОЭТОВ	
Ашот Сагратян. Лирика. Вступительная статья Гамлета Мирзояна.....	193
КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ...!!!	
XXI Межрегиональный конкурс молодых поэтов-переводчиков.....	200
ЛЕКСИКОГРАФИЯ	
Словарь-минимум прецедентных имён китайского культурного пространства. Часть I. Составитель Николай Воропаев.....	216
Дрё дю Радье. Словарь любви. Часть II. Перевод с французского Николая Епишкина.....	225
Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова	235
НОВИНКИ	
Сайт Евгения Фельдмана.....	246
Сведения об авторах.....	247

ИНФОРМАЦИЯ

Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of
Russia

*Общероссийская общественная организация
«СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)
член Международной федерации переводчиков (ФИТ)*

Россия, 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, МИЛ, офис СПР
тел./факс +7 (495) 616-36-10 эл. почта gurutrus@yandex.ru

Исх. № 8-П от 28.03. 2016 г.

Членам Правления СПР,
руководителям региональных отделений,
секций Московского отделения СПР

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

О подготовке к IX СЪЕЗДУ СПР

Уважаемые коллеги информируем Вас о том, что пленум Правления СПР от 23 марта 2016 года одобрил, согласно Уставу СПР, порядок подготовки и проведения IX съезда СПР. Информация о решениях пленума опубликована на сайте СПР.

Предсъездовская конференция и съезд состоится в Москве с 27 по 29 мая 2016 года, в помещении гостиницы Парк-отель «Велес» РОСНОУ (м. Планерная, ул. Вилиса Лациса, д. 6, корп.1). Гостиница находится в 7-9 минутах ходьбы от м. Планерная, в 30 минутах (15 км) от аэропорта «Шереметьево».

До аэропорта «Шереметьево»:

Автобус № 817 метро «Планерная» – Аэропорт «Шереметьево» – терминал В.; Маршрутка № 948 метро «Планерная» – Аэропорт «Шереметьево» – терминал В.

Делегаты имеют возможность забронировать номера в гостинице по телефонам: +7 (495) 494-20-03 и +7 (916) 212-90-65

Пленум разрешил участие в съезде по скайпу при наличии соответствующих технических условий.

Напоминаем, что установлена следующая квота избрания делегатов на съезд: 2 делегата от регионального отделения (московских секций) и 1 делегат от отделений, насчитывающих меньше 10 членов. От Санкт-Петербургского отделения – 4 делегата. Члены действующего Правления, члены Ревизионной комиссии СПР, главный редактор «Мира перевода», члены Президиума НМС СПР – делегаты съезда по должности.

Председатель оргкомитета О. Ю. Иванова сформирует оргкомитет в ближайшее время.

Зарубежные члены СПР и члены СПР, находящиеся в длительных зарубежных командировках, образуют специальную секцию для избрания делегатов при Московском региональном отделении.

Пленум согласился с предложением президента СПР и поручил ведение съезда члену Правления, руководителю Приморского регионального отделения Е. В. Тереховой.

В связи с подготовкой к съезду, напоминаем руководителям отделений СПР:

- необходимо представить до 15 мая электронные копии протоколов собраний отделений и секций по выборам делегатов съезда, а также электронные копии доверенностей делегатов;
- каждому отделению к 15 мая доложить в Секретариат Правления СПР об участии своих делегатов на съезде и о бронировании мест в гостинице;
- отделениям, не сдавшим до сих пор списки своих членов, необходимо это сделать до конца апреля;
- до первого мая сообщить об ассоциированных членах, не обновивших договоры с СПР;
- до первого мая сообщить в Секретариат данные о задолженности по членским взносам;
- до 15 мая представить свои предложения на выдвижение кандидатов на звание Эксперт СПР, почетный член СПР;
- до 15 апреля сдать отчеты о деятельности отделений и приеме новых членов за отчетный период для специального номера «Мира перевода».

Президент СПР Л. О. Гуревич

Поэзия

СОВРЕМЕННАЯ ИСЛАНДСКАЯ ПОЭЗИЯ

СИГУРД ПАУЛЬССОН (род. в 1948 г.)

Сигурд Паульссон – поэт, прозаик, драматург. В 1976-78 гг. – возглавлял «Alliance Française», в 1984-88 гг. – председатель Профсоюза писателей Исландии. Творчество Сигурда неразрывно связано с современными течениями в литературе и искусстве континентальной Европы, особенно Франции, где он жил много лет и изучал литературу, театральное искусство и кинорежиссуру. Экспериментальные стихи Сигурда переведены на многие языки, в т.ч. французский, болгарский и китайский. На русский язык переведена пьеса Сигурда Паульссона «Не в теме». Вышла в книге «Пять исландских пьес»¹

МОЙ ДОМ

Чего не хватает моему дому?

– Всё на месте, всё есть.

Почти всё.

Не хватает трубы

Ничего, привыкнем

Стен нет

И картин на стенах

Ну, ничего не попишешь.

В моём доме

Почти всё на месте, почти всё есть.

Трубы не хватает

Тогда пусть пока дым не идёт

¹ «Пять исландских пьес», М., «Три квадрата», 2013. (Пер. О. А. Маркеловой).

Стен не хватает
И окон
И дверей

Зато мой дом
Уютный
Проходите, садитесь
Не бойтесь
Мы сейчас перекусим
Преломим хлеб, пригубим вина
Зажжём камин

Посмотрим
Точнее, полюбуемся
На картины
На стенах

Добро пожаловать
Проходите в двери
Или в окна
А может, сквозь стены

ЕДИНСТВЕННЫЕ КОРОЛИ ИСЛАНДИИ

Нам птицы укажут тропу, что давно заросла,
под дёрном сокрылась, – и плотный ветер
качает стебли – где раньше были
сгинувшие хутора и заросшие дороги.

А птицы укажут нам путь по заросшему дёрну,
по сгинувшим хуторам; на них короли
сидели – писали: короли стиха и рассказа
на маленьких хуторах – а в головах весь мир.

Нам птицы укажут светлым полётом
путь, что ведёт лишь вверх и вперёд,
путь, что ни время, ни тленье не тронет,
путь по строкам, что короли записали.

Рухнули хутора; нет больше дорог.
Лишь путь стиха и рассказа для всех открыт.

БОРХЕС

И мало-помалу погасли
огни в окнах дома.

Лишь один огонёк
долго-долго смотрел на звёзды
из мансарды ослепшего дома.

Но вот
огонька не стало.

Свет вернулся домой

и ярко сияет на звёздном небосклоне
библиотеки.

ДИЛАН ТОМАС

Золотистые отсветы падают
на бутылки виски, стоящие стройно в ряд
в таверне «White Horse», где Дилан Томас
поник головой.

Они говорят
грубым мужским басом:
Вот перед нами ноль!

Они не знают:
его тут нет,
он всё-таки выбрался
из шахты, где добывают словесную руду.

И там его ждал
белый конь из света.

МЕСЯЦЕСТИШЬЯ

АПРЕЛЬСКОЕ

Вот и прошло
Время медленного сна
Время беспамятства
В затвердевшем мерзлосёме.

Пора решаться!
Да будет берёза берёзой
Тысячелистник тысячелистником
Телёнок телёнком
Пусть растёт всё – на что посеяли!

Продолжать тот поход.
в который ты уже вышел,
Пусть даже то, к чему стремишься –
явно на другом пути,
в других местах
другой жизни.

Лучше поторопиться: везде навести красоту –
А то потом прилетят крачки,
чтобы на нас орать.

МАЙСКОЕ

Без тебя растут деревья и кусты, без тебя пробуждается весна, –
говорится в старых стихах, которые я уже совсем не помню.

Кусты растут, аккуратно разводя зелёную краску, а деревья у садовой беседки берут кисточку побольше.

Я помню: эта изящная рука тянулась за бокалом за столом возле танцплощадки, а весенний вечер вплетал музыку и весёлый гам в сумерки.

Но тут изящной руки нет, ведь без тебя растут деревья и кусты –
повторение старых стихов, которые я уже совсем не помню.

ИЮньСКОЕ

Уже не ясно:
То ли мы вращаемся вокруг солнца,
То ли оно вокруг нас.
А всё остальное абсолютно ясно.

Ведь сейчас
Ничто не спит.
Более того:
Всё пробуждается.

Оживают видения бывшего
Вот она снова идёт
Навстречу мне
На аэродроме в городе Акюрейри
Смеется вышеописанным
«омутовзорым смехом».

Вокруг неё футляр
Из нежного дождя

На улице – солнце в три накала
смертельная опасность
к счастью, не миновала

ИЮльСКОЕ

Луна – ярко-жёлтый сыр
В глубокой тарелке июля
А вино такое синее
как море в бокале Гомера

И вот она идёт
Вобрав в себя дневную жару

По кофейному тротуару
Вобравшему в себя дневную жару

Волны норовят выйти на сушу
Чтобы поцеловать её
Люди такое вытворяют:
Учитель танцев вызвался
Подвезти её до дома
Учитель вождения
Приглашает её на танец
Всё вертится
Вокруг неё

А она садится к Гомеру
Они едят луну
Пьют море

В звёздной тишине
Они с ним обмениваются дарами
Неба и земли.

СЕНТЯБРЬСКОЕ

Ягодно-голубой
шепчущий покой
среди алого вереска

Серебристо-седой
пастух
стоит у зияющего пустотой загона
без собаки

Конь быстро вскидывает голову,
смотрит на пустой горизонт,
вздрагивает

Плётка-семихвостка
северного ветра

занесена для удара
за слепящим
сентябрьским солнцем.

ПЕРЕПАД НАСТРОЕНИЯ

Знаю, знаю.

Снорри Стурлусон – это такой составитель программ из Рейкьявика, Рейган – такой балтиморский сапожник, а Наполеон – это такой коньяк.

Я знаю.

«Франсуа Вийон» – это обувной магазин на улице Бонапарта в седьмом районе Парижа, «Ван Гог» – это ресторан в Арле в южной Франции, а «Ленин» – это судовой верфь в Гданьске в Польше.

Да, я знаю.

Виктор Гюго – это название проспекта, а Сигурд Паульссон – это водитель грузовика из Рейкьявика; вот оно как; всё течёт, всё изменяется, и мировая история – это отлаженный шейкер в руках обезумевшего бармена, который всё никак не угомонится. Никому не ведомо, пьёт ли кто-нибудь все эти коктейли; очевидно, и в баре-то никого нет, кроме придурка официанта, у которого во рту привкус крови.

Да знаю я,

Мне страшно, ведь я суеверный, а сейчас на дворе пятница тринадцатое. Напряжение растёт: ведь до сих пор ещё ничего не произошло, и скоро ты сам учинишь какую-нибудь катастрофу, лишь бы не томиться.

Да,

Я рад, что дождь такой дождливый, а песня по радио такая нейтральная. Флейта фальшивит, онемела на сквозняке из полуоткрытой балконной двери.

Я знаю,

Те события, которых я боюсь в этот день, живут своей жизнью за чудовищными стенами из обширного молчания. Как события мировой истории. Всё живёт своей жизнью, кроме тебя самого. Люди

живут своей жизнью, а каждый из нас, взятый в отдельности, корчит, как червяк в безнадёжной схватке с воробьём или рыбаком. Живёт несамостоятельно.

Да-да, вот именно, я знаю,

Дружба – двустороннее разоружение, а мир и мировая история за полуоткрытой балконной дверью разоружаться не собираются. Сегодня просто неподходящий день для принятия мер. Сегодняшний день не подходит ни для того, чтобы изменить мир, ни для того, чтобы его постичь, ни для того, чтобы его взорвать. Да и как совершить это последнее, не имея в своём арсенале достаточно мощного оружия?

Знаю,

Я перепуган, а испугом делу не поможешь. Против испуга есть сотня справедливых аргументов, да ни один на него не действует. Хотел бы я быть зверем или сверхчеловеком. Тогда я был бы настолько безмозгл, что у меня не хватало бы ума бояться. Не пора ли часам пробить полночь?

Ух ты,

Кажется, сирены завывли. Внутри меня пожар? Или они просто будут ждать под балконом с поролоновыми матрасами? Вот там опять захлопали досками – так, что от всех домов отдаётся. Кто-то явно что-то строит. И день, и ночь кипит работа. А потом выдёргивают гвозди, их тянут гвоздодёрами, молотками, так рьяно, что отчаянные вопли этих гвоздей пробирают до костей или как там говорится.

Знаю,

это ожидание невыносимо; оно будто положило на меня чёрную телефонную трубку своих дум и приговорило меня к сомбреро молчания.

И к проблемам с электричеством-отоплением-водой-бензином-телефонными счетами.

Подумать только, как нелепо кончается этот двадцатый век: в конце прошлого века все эти вещи только-только изобретали.

А теперь за них платят.

Ну да,

а за что сейчас не приходится платить. Я уж молчу про кислотные дожди, гибнущие водоёмы и озоновый слой. Лучше о них не вспоминать в такой день. Пятница тринадцатое. А то помру со страху. Может быть, мы живём в какой-то непрекращающейся бесконечной пятнице. Тринадцатом. Надо над этим подумать. Водоёмы гибнут. Страшные слова, правда? Я думаю о живой воде.

Знаю,

я рыдаю как дурак. А они всё ещё выходят на охоту – старые тигры морей, и кого-то тошнит на палубе. Птицы орут, побратимы поют, и киты, очевидно, тоже поют, хочется спросить: а кто, собственно, не поёт? Поёт и вопит. Ну вот зачем? Чтобы дать о себе знать? Граница между мной, и миром, и тобой. Угроза? Любовь? Не знаю. Невтерпёж им, как сказал бы один старик, с которым я когда-то был знаком. Невтерпёж.

Ну да. Одно сплошное пение. Без передышки. Старый тигр сам, видимо, не поёт, но внутри него что-то поёт. Что есть мочи.

Знаю, знаю;

Сейчас я вспомнил, что мне недавно пришло в голову: они же на полном серьёзе стали искать нефть в северо-восточной части Исландии. В моём подсознании. Нефть! Да такое было бы просто у всех на устах в те времена, когда я однажды, нет, многожды, проехал по той земле на тракторе «Фэрмал Каб», вцепившись в руль. Подумать только, подо всем этим нефть! Неудивительно, что по временам ты становился таким странным.

Да,

Я знаю. Кому-то невтерпёж. Поют. Вот и я сейчас запою. Ей-богу, запою. Облекусь личиной мужества. И нрав мой, и разум неколебимы. Я дам о себе знать. И плевать на эти сирены. Я дам знать о том, что есть граница между мной и миром. Угроза? Любовь?

Не знаю.

(Из сборника «Стиховластие»)

Перевод с исландского Ольги Маркеловой

ТАТЬЯНА БЕРФОРД

ДЖОВАННИ ПАСКОЛИ (1855-1912)

ВОСТОРГИ ПОЭТА

Подобно циклу «Радости», опубликованному в предыдущем номере журнала, цикл «Восторги поэта» входит в первый поэтический сборник Пасколи «Тамариски» (1891-92), где тоже имеет свою пару – цикл «Муки поэта».

«Восторги поэта» затрагивают вечную тему творца и творчества, в трактовке которой Пасколи предстаёт и продолжателем традиций, и вполне оригинальным художником. Поэт у него уподобляется доброму чародею, который упорядочивает и украшает хаотичный мир, попутно наделяя даром видения тех, кто изначально видеть не способен. В то же время творец у Пасколи напроочь лишён учительного пафоса, бессодержательного эстетства и стремления к славе, чем резко отличается от современных поэту воззрений на человека искусства и его роль в социуме.

Цикл наполнен множеством аллюзий, которые приносят в генеральную идею дополнительные смыслы.

Игра смыслов заключена уже в названии (*le gioie* означает не только «восторги», но и «драгоценности», «сокровища»). Отсюда в цикл проникает мотив драгоценных камней (см. часть II «Помановенью» и часть V «Контраст»), неявно апеллирующий к XXXIV песни «Неистового Роланда», где один из героев, Астольф, взлетает на гиппогрифе на гору земного Рая, луга которой сравниваются с золотом и самоцветами:

*Zafir, rubini, oro, topazi e perle,
e diamanti e crisoliti e iacinti
potriano i fiori assimigliar, che per le
liete piaggie v'avea l'aura dipinti:
sì verdi l'erbe, che possendo averle
qua giù, ne fôran gli smeraldi vinti...*¹

*Как топаз, рубин, сапфир, жемчуг, золото,
Хризолит, гиацинт, диамант, –*

¹Ariosto L. Orlando Furioso / A cura di E. Sanguineti e M. Turchi. Milano: Garzanti, 1964. P. 1184.

*Были здесь цветы, распещенные
Добрый ветром по радостным холмам.
Зелень трав
Зеленее была земного смарагда...¹*

Пасколи знал поэму Ариосто с детства, о чём свидетельствует его автобиографическое стихотворение «Романья», открывающее цикл «Воспоминания»:

*Era il mio nido: dove immobilmente,
io galoppava con Guidon Selvaggio
e con Astolfo; o mi vedea presente
l'imperatore nell'eremitaggio.*

*E mentre aereo mi poneva in via
con l'ippogrifo pel sognato alone,
o risonava nella stanza mia
muta il dettare di Napoleone...*

*О дом родной, гнездо моё! Бывало,
склонившись над раскрытою страницей,
с Астольфом я бродяжничал удаю,
врагам Гвидона воздавал сторицей,*

*на гиппогрифе, устали не зная,
взмывал под облака в пылу азарта,
иль оглашалась комнатка немая
речами громовыми Бонапарта* (перевод наш. – Т.Б.).

Название первой части («Чародей») отсылает к названию аллегорической поэмы друга Пасколи, поэта и литературного критика Северино Феррари, который, как и он, был учеником Джозуэ Кардуччи. Названием же поэмы Феррари, в свою очередь, послужило прозвище ещё одного поэта из круга Кардуччи – Уго Брилли, сравнившего себя в одном из юношеских стихотворений с Мерлином.

Есть в цикле и отсылка к «Божественной комедии». В четвёртой части («Слава») Пасколи, отвечая на обвинения Кардуччи в лености, уподобляет себя Белакве из IV песни «Чистилища». Приятель Данте, флорентиец Белаква (согласно некоторым источникам, его настоящее

¹Ариосто Л. Непостоянный Роланд: Песни XXVI-XLVI / Перевод свободным стихом М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1993. С. 177.

имя – Дуччо ди Бонавиа) был мастером по изготовлению струнных щипковых инструментов. Он слыл большим лентяем, отвлекаясь от ничегонеделанья только, чтобы поесть или поспать. Для оправдания своей лени Белаква как-то в присутствии Данте сослался на аристотелевский тезис «в сидении и покое душа делается мудрой», на что поэт заметил ему: «Ежели мудрецами становятся от сидения, нет большего мудреца, чем ты»¹.

Для поддержания своего имиджа заядлого лентяя Пасколи «лениво» заимствует из «Божественной комедии» слова Белаквы:

*Ed elli: «O frate, andar in su che porta?
ché non mi lascerebbe ire a' martiri
l'angel di Dio che siede in su la porta»².*

*И он мне: «Брат, что толку от похода?
Меня не пустит к мытарствам сейчас
Господня птица, что сидит у входа...»³*

При этом он повторяет и «ленивую» тавтологическую рифму, посредством которой Данте характеризует своего приятеля. В процессе перевода пришлось полениться столь же усердно: процитировать соответствующие строки в переводе М. Л. Лозинского, сохранившего тавтологичность Дантовой рифмы. Кроме того, в русской версии сохранена и одна из рифм самого Пасколи, которая не только по-итальянски, но и по-русски очень напоминает кваканье лягушек.

Отдельного упоминания заслуживают используемые Пасколи поэтические формы. Большинство частей цикла представляет собой различные варианты малой баллады. Во второй части («По мановенью») особую изысканность этой форме придают диссонансные рифмы, словно раскрашивающие, в соответствии с содержанием, каждую строфу в тот или иной цвет. Итог же всему подводит сонет «Лоза и Кочан», который оригинальным образом соединяется с жанром басни.

На русский язык цикл переведён впервые.

¹Alighieri D. Divina Commedia / Introduzione di I. Borzi, commento a cura di G. Fallani e S. Zennaro. Roma: Newton & Compton Editori, 1996. P. 256.

²Ibid. P. 257.

³Алигьери Д. Божественная комедия / Перевод, вступительная статья и примечания М. Л. Лозинского. М.: АСТ, 2008. С. 220.

I ЧАРОДЕЙ

«Зардейтесь, розы! Возликуйте, птицы!»

Изрек – и зеленеют сухостои,
и слился птичий щебет в звучном хоре.
Мудрец, он знает счастье простое –
ни гордости, ни зависти во взоре.
Он шлёт гонцов к застенчивой Авроре,
и на челе корона золотится.

II ПО МАНОВЕНЬЮ

И чудо – очи мёртвые узрели!

Узрели: в поднебесье мостовая
из мраморно-сквозистых облаков;
белёные соцветья осыпая,
трепещут крылья белых мотыльков;
курится хуторок в молочной дали.

Узрели: мох на камне изумрудный;
лоснятся шелковистые луга;
зелёный лист – челнок на глади прудной;
вихор зеленоватый тростника;
лягушек танец в тинистой юдоли.

Узрели: бирюзовые потоки
ласкают дол среди сапфирных гор;
глаза озёр задумчиво-глубоки;
холмы покрыл фиалковый ковёр,
и волны их купаются в лазури.

Узрели: розоватыми лучами
украсил крыши огненный закат;
дома сияют блёстками-очами;

предместья дымкой трепетной блазнят –
златой, как пышноцветие ванили.

Покой погоста факелы смутили;
на ветках – стая вестников ночных;
в домах больших и малых, как в могиле,
вблизи кроватей, чёрных и немых,
безмолвные чернеют колыбели.

III ВВЫСЬ

Стрижам златое небо воссияло.

Когда б обрёл я дерзостные крылья,
от сей земли в веселии великом
я б оттолкнулся плавно, без усилия
и к небу поднялся с победным криком...
Пока же в равнодушии безликом
глядит оно, как я влачусь устало.

IV СЛАВА

«На гору с нами не идёшь, Белаква?»

Нет, не иду – что толку от похода?
Далёк да пылен путь к преддверью Славы,
а добредёшь – придётся ждать у входа.
Куда милее малые забавы:
цикадный смех на солнце у канавы
да причет лягушачий «асqua, асqua!»

V КОНТРАСТ

1.
Возьму я кварц, добавлю кремнезёма,
нагрею, подарю своё дыханье;

и вот стекла прозрачная истома
фиалом дивным – чашей мироздания –
предстала вам в лазоревом сиянье.
Взгляните – я ль не мастер, не артист?

2.

Бреду один дорогою заветной,
немотно о несбыточном тоскуя,
в пути найду песчаник неприметный,
подчищу, подточу и отшлифую;
кто я – неважно, славы не ищу я.
Возьмите – вот рубин, вот аметист!

VI

ЛОЗА И КОЧАН

Внемлите безыскусному рассказу.
От сизого бокастого Кочна,
сермяжностью его уязвлена,
Лоза-гордячка удалилась к Вязу.

И вот уже гроздьём, отрадным глазу,
отягчены молодые рамена,
и кубок для весёлого вина
запенился по княжескому приказу.

Но всё ж толика славы на столе
достанется и овощу простому
в одежде из бесчисленных заплат, –

когда вода витийствует в котле,
и добрый пахарь, идучи до дому,
густой похлёбки чует аромат.

Перевод с итальянского Татьяны Берфорд

ЕВГЕНИЯ СЛАВОРОССОВА

СТАРИННЫЕ АНГЛИЙСКИЕ БАЛЛАДЫ (XV-XVI вв.)

Жанр баллады (ballad) существовал в Англии с давних пор. К нему относились народные повествовательные песни лирико-эпического характера. В XV-XVI веках они уже имели широкое хождение. Баллады, вошедшие в сборник Томаса Перси «Памятники старинной английской поэзии» («Reliques of ancient English poetry») (1765) и в собрание шотландских баллад Вальтера Скотта (1802), оказали значительное влияние на развитие не только английской, но и других литератур. В Англии баллада имеет своеобразный колорит мрачной таинственности. Сама природа (особенно в Шотландии) внушала бардам тревожное настроение, отразившееся в изображении кровавых битв и ужасных бурь.

Баллады делятся на два вида: героические и любовные. В первых воспеваются подвиги героев. Персонажи лирических баллад действуют во имя любви или под влиянием негативных чувств – ненависти, ревности. Для баллад характерны повторы, рефрены. Фрагментарная форма придаёт им особый эмоциональный накал. Повествование часто ведётся в виде диалога, вопросов и ответов, что усиливает его динамику. Глубина переживаний, сила страстей, острота ситуаций создают напряжённую драматическую атмосферу. Баллады окрашены в зловещие тона, предвещающие роковой исход. Жестокость тех времён порождала сомнение в том, что в реальном мире возможна счастливая любовь. Поэтому в балладах сильны мотивы любви потусторонней, не знающей преград. Символ её – цветы на могилах влюблённых, сплетающиеся друг с другом. Старинные народные баллады обращены к совести человека, способности его различать добро и зло. Они трагичны, но не однозначны и открывают простор для воображения читателей. Нередко баллады несут и комическое начало, ведь люди смеются, несмотря на все тяготы жизни. Но и здесь присутствует трагический оттенок.

Вальтер Скотт, Бёрнс, Стивенсон, Саути, Кэмпбелл и другие английские классики создали получившие признание баллады. Английские баллады всегда имели большой успех у русских поклонников романтизма.

САДОВНИК

Садовник видит поутру,
Что юбками шурша,
По саду девушка идёт,
Как роза, хороша.

«Красавица, ты мне мила! –
Кричит садовник ей. –
Ты краше всех девиц вокруг,
Невестой будь моей.

Пшеница – волосы твои,
А очи – васильки.
Сорву тебе я на чулки
Левкоев лепестки.

А из ромашек я тебе
Рубашек надарю.
Пойдут фиалки на фату –
И станем к алтарю.

Пусть платье будет из гвоздик,
Что украшают сад.
А для накидки подойдёт
Зелёный кресс-салат.

Для шляпки очень хороши
Капустные листья.
В таком наряде щеголих
Затмишь собою ты!»

Но говорит ему сквозь смех
Красавица в ответ:
«Хоть я тебе милее всех,
Но ты не мил мне. Нет!»

ЛОРД ЛОВЕЛ

Лорд Ловел в дальний уходил поход,
Но белый конь стал гривую трясти.
Тут Леди Нэнси вышла из ворот,
Чтоб пожелать счастливого пути,
Ему сказать: «Счастливого пути!»

– Куда, Лорд Ловел, держите Вы путь –
В зелёный лес, в бескрайний океан?
– О, Леди Нэнси, мне тревожит грудь
Дыханье странных чужедальних стран,
Тревожат ветры чужедальних стран.

– Когда ж, мой друг, вернётесь Вы ко мне,
Изведав все далёкие края?
– Год, два иль три промчатся, как во сне,
И я вернусь, прекрасная моя,
Я к вам вернусь, любимая моя.

Но через год, промчавшийся, как день,
Из дальних стран поворотил он вспять.
Легла на сердце беспокойства тень,
Он Леди Нэнси жаждал увидеть,
Свою любовь желал он повидать.

Его домой дорога повела,
И в Лондон он с утра примчался вскачь.
Но услышал: звонят колокола,
Как будто раздаётся чей-то плач,
Надрывный, непрерывный, горький плач.

«Но почему звонят колокола?» –
Спросил он, к дому прискакав чуть свет.
«Да потому, что Леди умерла», –
Сквозь звон в ушах услышал он ответ.
Его любимой в мире больше нет.

И он велел открыть тяжёлый гроб
И перед ней склонился весь в пыли,
И в губы целовал её, и в лоб,
А слёзы тихо по лицу текли,
А слёзы горя мучали и жгли.

Вчера в печали Нэнси умерла,
Сегодня Лорд закончил дни свои.
Она тоски безмерной не снесла,
А он скорбящей горестной любви,
В душе горящей горестной любви.

Она в могилу раннюю легла,
И он не ждал от жизни ничего.
Из сердца Нэнси роза проросла,
И вереск вырос из груди его,
Поднялся вереск из груди его.

И смотрят в небо нежные цветы,
На облака и на церковный шпиль.
Они навек в объятии слиты
И о любви нашепчут эту быль,
Нашепчут о любви великой быль.

ЛОРД РОНАЛЬД

— О, где, мой Рональд, где ты был опять?
Мой сын прекрасный, поскорей ответь.
— Был на охоте. Постели мне, мать.
Я так устал, что хочется мне лечь.

— А где ж еду ты там сумел сыскать?
Мой Рональд славный, поскорей ответь.
— Обедал с милой. Постели мне, мать.
Устал я слишком и мне нужно лечь.

— А что ты ел там, можешь мне сказать?
Мой Рональд милый, поскорей ответь.

– Суп из угря. О, постели мне, мать.
Как я устал, как хочется мне лечь!

– А где собаки, ты забыл их взять?
Мой Рональд бедный, поскорей ответь.
– Все там издохли. Постели мне, мать.
Нет больше сил, и хочется мне лечь.

– Так ты отравлен, больше слов не трать.
Отравлен Рональд, горя не стерпеть!
– Да, я отравлен. Постели мне, мать.
Душа болит и призывает смерть.

Перевод с английского Евгении Славороссовой

АНДРЕЙ КРОТКОВ

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ (1811-1872)

Если бы после Теофиля Готье не осталось никаких сочинений, кроме романа «Капитан Фракасс» и сборника стихов «Эмали и камеи», то и тогда имя Готье навсегда вошло бы в историю французской и европейской словесности. Первоначальный состав сборника включал 18 стихотворений. В окончательной редакции их стало 47. Над отдельными стихотворениями из «Эмалей и камней» трудились многие выдающиеся русские поэты-переводчики. Даже неполный список имён впечатляет: В. Бенедиктов, О. Чюмина, В. Брюсов, А. Эфрон, Б. Лившиц, В. Левик, М. Миримская, В. Микушевич, С. Петров.

В 1914 году появилась авторская русская версия «Эмалей и камней» – весь сборник целиком перевёл Николай Гумилёв. Гумилёвская работа стала в своём роде канонической, часто воспроизводится и переиздаётся, более ста лет русские читатели знакомятся с шедевром Готье, в основном, по ней. Однако как переводчик Гумилёв имеет высокую репутацию далеко не у всех филологов-галлицистов и знатоков французской поэзии – его перевод «Эмалей и камней» подвергают небезосновательной критике. Соответственно, не прекращаются попытки новых переводческих версий отдельных стихотворений из знаменитой книги. Одна такая попытка предлагается читательскому вниманию.

ПОСМЕРТНОЕ КОКЕТСТВО

Умру – не сразу в гроб кладите,
Не забивайте гвозди в грудь;
Сурьмой мне веки подведите,
И нарумяньте хоть чуть-чуть;

Как в день любовного признанья,
Хочу возлечь в могильной мгле
Предвечной розой мирозданья
С печатью жизни на челе.

Не надо саван ткани тонкой
Набрасывать на плоть мою;
Пусть обрядят меня девчонкой –
В муслин, шифон и кисею.

Да будет прошлому укором
Сей легкомысленный убор;
Он освящён любимым взором –
Я не ношу его с тех пор.

И в изголовье не кладите
Подушку, влажную от слёз;
Цветов не надо; затопите
Волной распущенных волос

С постели думку кружевную –
Её касаясь в пол-лица
И распаляя страсть ночную,
Мы целовались без конца.

А в руки, сложенные кротко,
И исхудалы, и бледны –
Опаловые дайте чётки,
Что папою освящены.

По ним отсчитывать я стану
Сквозь непробудный вечный сон

Слова любви, что неустанно,
Как «Отче наш», твердил мне он.

К РОЗОВОМУ ПЛАТЬЮ

Ты в платье розового цвета –
Глубокий вырез на груди;
Так ловко им полураздета,
Что и не хочешь, а гляди!

Свежее сердца розы чайной,
Нежней пчелиного крыла –
Твою красу воздушной тайной
Ткань розовая облекла.

И вспышки серебристой дрожи,
Проскальзывая и биясь
На шёлке розовом и коже,
Дарят им чувственную связь.

Ты из какой соткался плоти –
Наряд, что с телом заодно,
Чьей ткани в плотном переплёте
Сливаться с розой суждено?

Быть может, на заре багровой,
Груди цветеньем смущена,
Явилась ты Венерой новой,
Явила новые тона?

А если понял я превратно,
И то – стыдливой розы цвет?
О нет; примерка многократна,
И в нём – тебя прекрасней нет.

Отбросив тяжкие покровы –
Мечта художника смела, –
Княжной Боргезе для Кановы
Позировать бы ты могла.

Изнемогая от желаний,
Зов губ не в силах побороть,
Хочу одеждою лобзаний
Облечь сверкающую плоть.

КАРМЕН

Худа; на омуты похожа
Глазниц глубоких желтизна;
И мрачен цвет волос, и кожу
Сам дьявол выдубил сполна.

Судачат женщины: уродка!
А всех мужчин сжигает пыл.
И сам архиепископ робко
Пред нею мессу отслужил;

Движеньем рук распустит смело
С затылка волосы свои –
И, словно плащ, укроют тело
Их шелковистые струи.

И, облик оттеня бледный
Огнём наперченных острот,
Звучит смуглянки смех победный,
И алой кровью пышет рот.

Взглянула – жаром окатила,
Надменны красота и стать!
Любой пресыщенный кутила
Воспламеняется опять.

Есть в неказистости цыганской,
Что вызывающе глядит,
Горчинка соли океанской –
Той, что рождает Афродит.

ДЫМОК

Среди деревьев, словно в нише,
Лачужка ветхая видна;
Порог замшел, просела крыша,
И набок валится стена.

Окно без ставней, но хибара
Не брошена и не пуста;
Она полна тепла и жара,
И дышит ровно, как уста.

А из трубы, синяя, вьётся
Винтом закрученный дымок.
Душе несладко здесь живётся –
Пускай о том узнает Бог.

СЛЕПЕЦ

Едва-едва душою в теле,
Как филин, скрылся в уголок;
Отверстия своей свирели
Наощупь отыскать не мог;

Нашёл; повёл мотив фальшивый,
Невозмутим и нелюдим;
Его приятель – пёс паршивый, –
Казался призраком дневным.

Лишённый света, одинокий
Во тьме – гляди ли, не гляди;
Невидимая жизнь – далёкий
Поток, шумящий позади

Глухой стены; лишь Богу ведом
Путь, что прошла душа темна;
Какие вырезаны следом
На ней загадки-письмена?

Так узников тюрьма калечит:
Собой владея не вполне,
Они гвоздём увековечат
Слова слепые на стене.

Лишь дуновением негромким
Загасит смерть светильник тот –
Душа, привычная к потёмкам,
В могиле ясность обретёт!

РОДНИК

Мечтая стать большим потоком
И вдаль помчаты на сотню лиг,
В тени у валуна под боком
Пробился маленький родник.

Он рад: «В пещерах под землёю
Так непроглядна тьма была –
А нынче небо голубое
В мои глядится зеркала;

Роняет незабудка слёзы,
Бросая мне прощальный взгляд,
И длиннохвостые стрекозы
Вдоль берегов моих шалют,

И утоляют жажду птицы...
А впереди простор такой,
Что я – как знать? – смогу разлиться
Широкой вольною рекой.

Я вышью пеной кружевною
Быки мостов и кромки вод,
И в море вынесу волною
Шумливый дымный пароход».

Ничуть не опасаясь сглаза,
Родник беспечен и болтлив...

Но прочно сдерживает ваза
Воды бунтующей разлив.

От колыбели и до гроба
Легла тропа недалеко –
Лесного озера утроба
Сглотнула грёзы родника!

МИР ЗОЛ

Мир зол. С упорством иноверца,
Ехидно щерясь, он ворчит:
В твоей груди стучит не сердце –
Обычный маятник стучит.

То ложь. В часы, когда со мною
Ты вместе, страсти не тая –
Морской кипящею волною
Грудь воздымается твоя.

Мир зол. Твердит он без запинки:
Движенья глаз твоих мертвы,
И направляют их пружинки
Внутри картонной головы.

Он лжёт. Слезой едва приметной
Твой взгляд застелен иногда –
То жемчуга росы рассветной,
А не стоячая вода.

Мир зол и желчен бесподобно,
И про тебя он говорит:
Мои стихи понять способна
Ты много меньше, чем санскрит.

Полны уста не речью колкой –
Они как алый цвет живой,
И с них понятною пчёлкой
Слетает смех прелестный твой.

Мир этот злобный не исправишь –
Возненавидь его сполна.
В тот день, как ты меня оставишь,
Все скажут: «До чего умна!»

ПЕРВАЯ УЛЫБКА ВЕСНЫ

Толпу замучила одышка,
Толпа стремится по делам –
А март, насмешливый мальчишка,
Приход весны готовит нам.

Он, втайне делая попытки,
Цветка не тронув забытьё,
Расправит венчик маргаритки,
Раскрасит золотом её.

Пуховкой лёгкою и смелой
По виноградникам пыли,
Попутно изморозью белой
Припудрит ветки миндаля.

Над запустелым садом сонным
Неслышно пролетая, он
Тончайшим бархатом зелёным
Оденет розовый бутон.

Под звуки переливов нежных,
Внимая птичьим голосам,
По рошам выгонит подснежник,
Взрастит фиалки по лесам.

У заводи кристально чистой,
Где пьёт олень из родника,
Обронит ландыш серебристый
Его незримая рука.

Чтоб голову не напекало,
Велит кудрявиться листве,

И россыпь земляники алой
Он разбрасает по траве.

И только убедаясь на деле,
Что всё завершено сполна,
Он, место уступив апрелю,
Промолвит: «Приходи, весна!»

Из сборника «Эмали и камеи»

Перевод с французского Андрея Кроткова

АЛЕКСАНДР ТРУХАНЕНКО

СТАНИСЛАВ ЛЮБИЧ ЯШОВСКИЙ (1803–1842)

Эпоха романтизма, в отличие от предшествующей классицистической, обратила литературу и искусство к фольклорным истокам творчества. Однако романтизм означал не только новую эстетику, свободную от нормативных предписаний, а нечто большее – вообще свободу мысли.

Очень ярко это выразил всей своей деятельностью один из пионеров романтического движения в австрийской Галиции Станислав Любич Яшовский. В истории польской литературной критики ему принадлежит место первого по времени автора, опубликовавшего развёрнутую статью о молодом русском поэте Александре Пушкине¹. Станислав Яшовский ныне забыт, но имя это ещё встречается в современных энциклопедиях, прежде всего, конечно, польских.

При жизни Яшовский находился в сфере если не господства, то постоянного присутствия немецкой культуры, поднявшей над Европой флаг романтизма. Начинаящий львовский поэт и критик, появившись в печати, сразу заявляет о своём выборе романтической модели для построения новой галицко-польской литературы.

С 1817 года во Львове (Lemberg'e) выходило популярное польскоязычное издание «Rozmaitości» («Всякая всячина»), литературное приложение к местному официозу «Gazeta Lwowska». В 1824 году именно в «Rozmaitości» Яшовский поместил свою критическую за-

¹Poklewska K. Galicija romantyczna (1816–1840). – Warszawa, 1976. S. 59.

метку о Пушкине¹. В основу её была положена статья в прошлом директора Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардта, только что выступившего в немецкой печати с популяризацией творчества своего бывшего воспитанника². Впоследствии Яшовский – и не он только – многократно упоминал о великом русском поэте на страницах «Rozmaitości»³.

В 1837 году в своём альманахе «Sławianin» Ст. Яшовский опубликовал сонет «Пушкин»⁴. Стихотворение, однако, было написано годом или двумя годами раньше и вошло в цикл сонетов, посвящённых выдающимся деятелям славянского возрождения. Оригинал звучал так:

PUSZKIN

W krainie lodu, z sercem walkami wrzący
Martwych słuchaczy budzisz ognistymi słowy
I w dzikich puszczech prorok pojawiony nowy,
Stępy śnieżyste duszy roztopiasz gorącym.

Rozpływasz po kurhanach czuciem bolejącym,
Echa puszcz z uniesieniem słuchają twej mowy,
A pieśń twoja ras słodkiej czarownej osnowy,
To znowu, zgrozą nieszczęść igra z sercem drżącym.

Czyta cię Piotrogradu salonowy panek,
Czyta kupiec wiodący do Chin karawany,
I Baszkir zbrojny łukiem, i Tatar nabrzmiały;

Czyta cię w smętnej chacie u podnóża skały
Kamczadalin, futrami soboli odziany,
Tranem ryby samotny nalawszy kaganek.

До сих пор известно всего несколько подстрочных переводов этого сонета на русский язык. За авторством Сергея Сокурова в интернете появилось недавно рифмованное переложение, резко подчёркивающее близость текста Яшовского к «Памятнику» («Я памятник

¹Rozmaitości. 1824. № 49. S. 390–391.

²См.: Literatur Blatt. 1824. 13 Aug. (№ 65).

³См.: Труханенко А. Роман с Европой. Имя Пушкина во львовских «Rozmaitości». – Львов, 2011.

⁴[Jaszowski Stanisław]. Sonety ku czci uczonych Sławian. IV. Puszkini. Sławianin, zebrany i wydany przez Stanisława Jaszowskiego. Tom I. – Lwów, 1837. S. 9.

себе воздвиг...») Пушкина, совершенно случайную и удивительную¹. По тону ближе к оригиналу звучит перевод Владимира Семибратова, известного поэта из г. Кирова.

Хороши обе поэтические транскрипции сонета Яшсовского, но вторая – более адекватная.

ПУШКИН

В стране, где лёд, алкает битв твоя душа,
Ты словом огненным усопших пробуждаешь,
Из диких чаш на верный путь их направляешь,
Пророка даром души грешные круша.

Ты проплываешь над землёю в небесах,
Лесное эхо твои речи отражает,
А песнь твоя сердцами нашими играет –
Она то радует, то нагоняет страх.

Твой стих читает юный пан из Петрограда,
Купец, к Китаю устремивший караваны,
Башкир воинственный, упитанный татарин,

В мехах собольих камчадалский парень,
Живущий у подножия вулкана
И рыбьим жиром полнящий лампаду.

Перевод с польского Владимира Семибратова

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ (1865-1936)

В 2016 году исполняется 80 лет со дня смерти великого английского поэта Редьярда Киплинга, который приобрел всемирную известность и прославился своей армейской поэзией («Казарменные баллады»), сказками для детей, книгами «Маугли», «Ким» и многими другими произведениями.

¹Сокуров С. О «Романе с Европой», или Как встретились за одним столом Пушкин, Яшовский и Труханенко (Записки случайного свидетеля).

http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=6251

От переводчика. В прошлом году в моей творческой биографии произошло важнейшее событие: вышла книга Р. Киплинга «Бремя белого человека»¹. Составление книги доверили мне. И хотя материала было предостаточно (Киплинга-поэта я, по моим подсчётам, перевёл чуть более 44%), многое невозможно было включить по техническим причинам: объём книги был задан заранее. В данной публикации на суд коллег представляются работы, которые были опубликованы слишком давно и однажды, а также переводы, не публиковавшиеся никогда.

Евгений Фельдман

В ЭПОХУ НЕОЛИТА 1895

Сколь в эпоху неолита
Было мной людей побито
Ради пищи, ради славы и шерстистых конских кож!
Я, у клана в услуженье,
Воспевал его сраженья
И, будя воображенье, вызывал восторг и дрожь.

То провидец, то кудесник,
Пел я Ключ, Земли ровесник,
Растопивший лёд бискайский, обступавший материк.
Гномы, гоблины и тролли
Были здесь на главной роли,
Я без них тогда – и ныне – обходиться не привык.

Но соперник из Солютра²
Стиль облаял мой. В то утро
Злобный гавк я томагавком диоритовым пресек,
Сжил я мастера со света
Мамонт-ального портрета
И на землю моментально пал Гренелльский Человек.

¹Киплинг Р. Бремя белого человека: стихотворения / Редьярд Киплинг; пер. с англ. Р. Дубровкина, С. Степанова, Е. Фельдмана. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 336 с. – (Азбука-классика). ISBN 978-5-389-09912-8. Тираж 3.000 экз.

²Речь идет о Солютрейской культуре (18-15 тысячелетия) до н.э. (Прим. пер.).

С критикана и гравёра
Скальпы снял, швырнул их своре,
Зубы выбил и развесил аккуратнo на тесьме.
«Я – лишь светлых истин кладезь, –
Петь о вечном приналадясь,
Я подумал, – остальные пусть лежат в могильной тьме».

Вдруг раздался гул, – ой, кто там? –
Засвидетельствовал Тотем
Мой позор, когда услышал я в ночи перед собой:
«Сочинять легенды просто,
Ибо способов есть со сто.
Нету способов неверных – верен каждый и любой!»

* * * * *

Тихо было, как в могиле...
Боги плоть мне оживили,
Но втройне старше прежней плоть я свыше получил.
Указало пальцем Время,
Вновь пошёл я славить племя.
В список так-себе-поэтов Генри Трейлл меня включил!¹

И опять, храня обычай,
Ухожу я за добычей
И за зубрами охочусь близ утёсистых каверн,
Где не держит секретаршей
Аллоброг,² над всеми старший,
Где селенья при озёрах образуют город Берн,

¹Генри Дафф Трейлл (Henry Duff Traill, 1842-1900) – английский писатель и влиятельный журналист своего времени. В марте 1892 г. опубликовал статью, в которой утверждал, что у Альфреда Теннисона, тогдашнего поэта-лауреата, нет достойных наследников (лорд Теннисон, 1809-1892, получил это звание в 1850 г.). В доказательство Трейлл привёл список из полусотни авторов, обладавших кое-какими талантами, но не сравнимых с Теннисоном. В послесловии к статье Трейлл принёс извинения читателям и присовокупил к списку 51-го автора, 27-летнего Киплинга, особо отметив его «Балладу о востоке и западе» (1889 г.). В 1895 г., написав балладу «В эпоху неолита», Киплинг, зная цену своему таланту, иронически отозвался об этом «событии». В 1907 г. Киплинг получил Нобелевскую премию по литературе, став самым молодым её лауреатом: ему было всего 42 года. (Прим. пер.).

²Аллоброги – кельты, проживавшие на территории современной Франции и современной Швейцарии близ Женевского озера. (Прим. пер.).

Где глядит на предков хмуро
Христианская культура:
Выпивохи и пройдохи, плохи древние отцы.
Охи, блохи и дерюги,
Лишь плутяги и ворюги,
Лишь бродяги и тварюги – не трудяги, не творцы!

Мир громадней всех фантазий,
Всех Европ, Америк, Азий
И реалий всех Австралий, – и народов в нём не счесть.
Есть маньяки и в Нью-Йорке,
И на острове Майорке,
Есть преступники в Пекине и в Берлине – тоже есть.

С той эпохи саблезубой
Жив я мудростью сугубой,
Буди жив и ты, – и в нуже, друже, ближним подскажи:
«Сочинять легенды просто,
Ибо способов есть со сто.
Нету – способов – неверных – все – верны – и – хороши!»

«СТОЯТ ДЕРЖАВА, ГРАД И ТРОН ...»

Стоят Держава, Град и Трон
в глазах у Времени не доле,
Чем те цветы, что каждый день
цветут и умирают в поле.
Но вновь и вновь они цветут
для молодых, счастливоликих,
И Грады вновь и вновь растут
на землях брошенных и диких.

Цветёт Нарцисс и мыслит он
в пределах нынешнего лета.
А где предшественники? Он
не слышал и не ждёт ответа.
О мире знания – на нуле,
зато отвага – на пределе,

И только вечности самой
его равняется неделя.

Мы слепы той же слепотой,
но Время, что от нас ни шагу,
Не поскупилось и для нас
на безоглядную отвагу.
И вглядываясь в свой конец,
в жерло бездонного колодца,
Мы говорим: «Прервёмся мы,
деянье наше – не прервётся!»

КАЗАРМЕННЫЕ БАЛЛАДЫ

ШИЛЛИНГ В ДЕНЬ

Зовут меня Билли.
Мне трубы трубили,
Когда я на Ниле
Заканчивал тур.
Бывал я в Канпуре,
Бывал в Сингапуре
И в прочих местах
С окончанием «-пур».

И смерть, и страданье,
И недоеданье
Мне щедрою данью
Платили за труд.
Мне 6 шиллинг в денёчек
Да без проволочек.
Лихой был молодчик,
Да высох, как трут.

Хор: Шиллинг, ребята, –
Добрая плата,
И на день как раз бы
Хватило солдату!

Всё в прошлом, а всё же –
Мурашки по коже,
Как вспомню я рожи
 Проклятых Газі.
О жизни и смерти
Не думал я, верьте.
Мы бились, как черти,
 В песке и грязи.
Жена в услуженье,
А мне вспоможенье –
От вас порученье
 Доставить пакет.
Вы в «Гранд Метрополе»
И в сыте, и в холе.
Ужель к моей доле
 Сочувствия нет?

Все хором:

Ему вспоможенье –
От вас порученье.
Любая монетка
Имеет значенье.
Обед ему нужен,
И завтрак, и ужин,
А он –
С нищетой-попрошайкою
Дружен.
Придумайте,
Как нищету побороть.
Ну, словом, –
ХРАНИ КОРОЛЕВУ, ГОСПОДЬ!

«ВОЕННОСЛУЖАЩИЙ»
Англо-Бурская война, 1899 г.

Ты «Томми» был, когда война
 Случилась на чужбине.
«Военнослужащим» страна
 Тебя зовёт отныне.

В морях, где плещется волна,
В горах и на равнине
«Военнослужащим» страна
Тебя зовёт отныне.

И в Йорке ты – величина,
И в Симле, и в Пекине.
«Военнослужащим» страна
Тебя зовёт отныне!

ДВА МЕСЯЦА

ИЮНЬ

Сомкнулись грозовые облака,
И всё ж Светило мрачное дневное
Пробилось через них; потоки зноя
Терзают Город, грудь его, – пока

Ночь не надвинется, как смертный грех,
Что мы изгнать из памяти не в мочи,
Когда Луна бесслёзно-злые очи
Вперяет в рощи; свет её, как смех

Над муками деревьев. Тяжкий гром
Земле рокошет, трижды обожжённой,
Что он несчастен, словно прокажённый.
И тщетно блещут молнии кругом.

И мы ни в чём надежды не обрящем,
И день грядёт – тиран с мечом горящим.

СЕНТЯБРЬ

Зашелестели рощи на Заре.
Покрылся рябью сонный пруд зеркальный.
Пророчит ветер, тихий и печальный:
«Похолодает скоро на дворе!»

И понапрасну Солнце попыталось
Поджарить почву, как бывало встарь.
Так дряхлый собирает Государь
Империю, которая распалась.

Бунтует год и сердит небеса,
И опадает лотоса краса.
Зима сказала: «Умирает Лето,
И у людей – великая тоска.

Но я к ним тороплюсь издалека,
Иду на помощь, – пусть запомнят это».

ДЖЕЙМСУ УИТКОМУ РАЙЛИ¹

1890

На получение его книги «Стихи для детей»

Ведёт на Запад ваш достойный путь,
Моя тропа – бежит в мои края.
Меж нами океаны пролегли,
И вашего лица не вижу я.

Но прочитал я книгу, и о вас
Я мнение своё составить смог,
Поскольку этот мир в сердцах детей
Не делится на Запад и Восток.

Добра иль зла фортуна будет к ним,
Но матери на трон их возвели,
Прижав к себе и этим возвестив,
Что наши дети – наши короли.

И для детей секрета в этом нет, –
Черны ль они, белы или желты, –
Когда они собираются в ночи,
И с ними – их невинные мечты.

¹Райли, Джеймс Уитком (1849-1916) – американский поэт, уроженец штата Индиана. Его стихи отличались необычным, причудливым юмором и пользовались огромной популярностью. Многие из них Райли написал на диалекте родного штата. (Прим. пер.).

Чумазенькие, пляшут босиком,
Бегут к луне – попробуй, догони!
И нету в мире, нету никого,
Кто ближе был бы к Богу, чем они.

Ведёт на Запад ваш достойный путь,
А мой – приводит на моё крыльцо.
Меж нами океаны пролегли,
И вы моё не видите лицо.

И хорошо! – Зачем кому-то знать
О том, что кто-то очень одинок?
Но если я зову вас «Дым-в-Глаза»,
Понятен вам мой дружеский намёк.

Перевод с английского Евгения Фельдман

БАТОЖАРГАЛ ГАРМАЖАПОВ (род. в 1950 г.)

Батожаргал Гармажапов – выпускник Литературного института им. М. Горького, член Союза писателей России. Работает собкором газеты «Буряад үнэн» по Агинскому округу, главным редактором Агинского окружного радиовещания. Автор поэтических сборников «Шэнэ үльгэр» («Степная песня», 1983), «Найдалай хүлдэ» («Символ надежды», 1987), «Мүшэдэй хатар» («Танец звезд», 2000). В 1986 г. в Иркутске вышел сборник стихов «Под доброй звездой». Стихи Батожаргала Гармажапова опубликованы на страницах газет «Агын үнэн», «Буряад үнэн», «Литературная Россия», «Комсомольская правда», журнала «Байгал», альманаха «Сибирь».

БУРЯТ

В тяжелейшие годы разрухи
Добродетелью только богат,
Комара не обидит и мухи,
Так живет настоящий бурят.

Он хозяин зимою и летом
Плодородных степей, в душе рад

Всей окраске степи. Каждым цветом
Дорожит настоящий бурят.

Станет лидером он без расчёта,
Среди множества – каждому брат,
И не вскружится вдруг от почета,
Так живет настоящий бурят.

Первым чаем рассветы встречая,
Исполняя старинный обряд,
И молитвою путь начиная,
Так живет настоящий бурят.

И в глазах его узких зеницы,
Всё вбирая, спокойно глядят.
И в душе его мир не теснится...
Это он – настоящий бурят!

ВОПРОСЫ

Что случилось с родным языком,
Чем мы корни сегодня питаем?
У ребят я спросил на родном,
Возвратили на русском: «Не знаем...»

Значит, болен язык мой родной,
И охвачены корни недугом,
Мы усвоили говор чужой
И общаемся чуждо друг с другом.

Сбережем ли мы корни и род,
Где язык и отцовское имя?
И каким это будет народ,
Что не связан с корнями своими?

«РАСТВОРЯЯСЬ СРЕДЬ БЛИЖНИХ В ПЕЧАЛИ...»

Растворяясь средь ближних в печали,
Жизнь минует в тоске и тревоге.

Путь наметим мы – горы и дали,
И – вперед.

С нами совесть в дороге.

Свары дальних людей отвергая,
Закалимся душою и телом.
Свет мерцает в пути, помогая
Путь осилить

и мыслью, и делом.

Есть судьба, может рок или воля –
Меж проклятьем, желанием блага,
Там узрей равновесия долю.
И – вперед.

Не покинет отвага.

Перевод с бурятского Виктора Балдоржиева

ГАЛИНА СТРУЧАЛИНА

ЗВУЧАЩАЯ ПАЛИТРА: ЛИРИКА ОСКАРА УАЙЛЬДА И ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА

Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд (1854-1900) – ирландский писатель, поэт, драматург, философ и эстет. Автор романа «Портрет Дориана Грея», пьес, среди которых «Саломея», «Веер леди Уиндермир», «Идеальный муж», «Как важно быть серьезным», рассказов, эссе, сказок, поэм, стихотворений (в том числе в прозе). Дебютировал в 1881 году со сборником стихотворений, который он затем корректировал и дополнял при переиздании; полное собрание поэтических сочинений Уайльда вышло лишь посмертно, в 1908 году.

Джеймс Августин Алоизиус Джойс (1882-1941) – ирландский писатель и поэт, представитель британского модернизма, автор сборника рассказов «Дублинцы», романов «Портрет художника в юности», «Улисс», «Поминки по Финнегану» и др. В первый поэтический сборник Джойса «Камерная музыка», стилизованный под любовную лирику прошлых веков, вошли стихотворения 1901-1904 годов.

Оскара Уайльда и Джеймса Джойса принято ставить в один ряд,

когда речь идёт, во-первых, о британских авторах ирландского происхождения, во-вторых, об авторах, успешно демонстрирующих яркий литературный дар и в прозе, и в поэзии. Более того, находящих возможность органичного сочетания обеих форм в творчестве и посредством этого обогащающих собственный стиль и манеру письма. Наряду с именами Уайльда и Джойса вспоминают Р. Л. Стивенсона, Т. Гарди, Р. Кипплинга, хотя и до, и после есть примеры совмещения англоязычными авторами ипостаси поэта и прозаика.

На этом, как правило, разговоры о сходстве заканчиваются: слишком уж сильны в читателях стереотипы, созданные историей литературы, и слишком уж разнятся впечатления от прозы писателей.

Но обращение к стихам О. Уайльда и Дж. Джойса приводит к наблюдению сходства поэтик и – говоря строже и конкретнее – поэтических техник обоих авторов. Это при том, что между написанием «Впечатлений» (Impressions) Уайльда и «Камерной музыки» (Chamber Music) Джойса существует приблизительно двадцатилетняя разница. Публикация уайльдовского мини-цикла «Impressions», куда входит «La mer» («Море»), совпадает с годом рождения Джойса (1882). Цикл же «Камерная музыка» Джойса, в числе стихотворений которого представленное читателям журнала «The twilight turns from amethyst», будет написан в первые годы XX столетия, а в печати появится в 1907 году.

Каковы же общие авторские средства выразительности, объединяющие стихотворения двух выдающихся представителей английской литературы? Первое, на что обращают внимание как исследователи творчества Уайльда и Джойса, так и рядовые читатели – это музыкальность лирики.

С одной стороны, она проявляет себя обобщённо, в виде обращения к теме музыки как искусства. Стихотворение является впечатлением от звучания голоса или музыкального инструмента (как, например, у Джойса в «The twilight turns from amethyst»). Часто используются слова с «музыкальной» семантикой: *песня, танец, музыка, звуки, петь, звучать* и т.п. Название стихотворения нередко содержит указание на тот или иной музыкальный жанр и аллюзию на присущие этому жанру особенности; таковы «Серенада», «Симфония в жёлтом», «Канцона», «Баллада Редингской тюрьмы» О. Уайльда, весь цикл «Камерная музыка» Джойса.

С другой стороны, музыкальность проявляется как сознательное достижение средствами поэзии эстетического и психологического эффекта, подобного тому, что возникает при прослушивании музыкального произведения. Осуществляется это различными приёмами,

например, общим для двух видов искусств созданием образа и эмоционального состояния посредством соединения метроритмики, акцентуации, интонации. Созданием формы путём введения необходимого «рисунка» цезур, повторов, лейт-мотивов. А также специфическими, «языковыми», техниками: рифмой, ассонансом, аллитерацией, звукоподражанием и т.д.

И у Уайльда, и у Джойса ассонанс и аллитерация образуют фоническую фактуру текста: текст – и того, и другого – практически целиком построен на гармоничном чередовании различных по долготе гласных (что задаёт ритмический рисунок) и повторах в пределах одной строки, строфы и четверостишия согласных.

Повтор согласных также вносит организующее начало в звучание и весьма разнообразен: он возникает в двух соседних словах, например: *deep and deeper, lamp fills* у Джойса, *shattered storm* у Уайльда, и по краям фразы или, соединяя то и другое, чередование согласных и гласных, вместе: *A wild moon in this wintry sky; Float on the waves like ravelled lace* (Уайльд); *The lamp fills with a pale green glow* (Джойс).

В представленных стихотворениях доминирует ямб (хотя Джойс меняет размер во втором четверостишии, что типично для трёхчастных песенных форм или рондо). Строка у обоих авторов подразумевает наличие в середине цезуры, это создаёт общую музыкальную двудольность при внутреннем ритмическом разнообразии каждого стихотворения.

Деление строки (и строфы) на две части – нередкое явление в поэзии, в разные времена и в разных культурах. Если говорить о кельтских поэтических традициях, сохранившихся в разных областях Соединённого Королевства, деление строки в сочетании с различными комбинациями ассонанса и аллитерации является основным техническим и выразительным средством валлийской поэзии (этот способ организации звучащего текста именуется кинханед, валл. *cynghanedd*).

Английский текст стихотворений обоих поэтов, конечно, не выстроен по законам древних валлийской или ирландской поэзии, но стилизация под фонический узор старины присутствует; заметим, что Джойс в молодости увлекался ирландскими песнями и балладами, а позднее английской мадригальной поэзией и музыкой XVI века. Обладая приятным голосом, он накопил изрядный репертуар вокальных произведений, с которыми выступал перед публикой.

Создание цикла «Камерная музыка», с его песенностью и любовной тематикой, решённой в изящном и возвышенном романтическом ключе лирики бардов, как раз относится к этому периоду в биографии

писателя.

Музыкально-песенные ритмы и интонации поэзии Уайльда можно трактовать как следствие общего эстетического развития и образованности в сфере искусств, хотя стоит вспомнить, что родители поэта принимали активное участие в возрождении традиций, языка и культуры Ирландии, интересовались, в частности, и ирландским фольклором: отец литератора собирал в молодости народные напевы и сказания, опубликовал труд «Ирландские народные суеверия», а мать посвящала Ирландии и её истории поэтические опусы и известна как автор книг «Древние обряды, заклинания и медицинские обычаи в Ирландии» и «Старинные ирландские легенды».

Влияние национального фольклора на сказочные и фантастические произведения Уайльда очевидно. Можно предположить, что и на раннее творчество и Джойса, и Уайльда, то есть на творчество поэтическое, традиционная музыкальная культура Ирландии оказала своё воздействие.

Другим отличительным свойством стихов и Джойса, и Уайльда является их ориентированность на визуальный образ, красочность, эстетика зримости. Уайльд творил, когда импрессионизм только входил в моду, Джойс — когда он уже стал классикой. Исследователи творчества обоих поэтов указывают на влияние Верлена. И действительно: «О музыке на первом месте!» и «Одни оттенки нас пленяют./ Не краски: цвет их слишком строг!» из верленовского «Искусства поэзии» (*Art poétique*, пер. В. Брюсова) можно усмотреть за строками стихов мэтров английской литературы.

Однако поэзия Уайльда и Джойса в своей живописности более реалистична (Уайльд был одним из учеников Джона Рёскина, теоретика прерафаэлитов). Характерен интерес обоих поэтов к фактуре и цвету: будь то мерцающий драгоценный камень или полированная сталь в недрах парового двигателя, жёлтые клавиши старого фортепиано или желтая пена поверх волн после шторма.

Есть ещё один аспект, в котором «визуальные» стратегии Уайльда и Джойса (и художников-импрессионистов) сближаются: это попытка удержать ускользающий момент. Удержать его можно только как моментальный снимок, как цельное восприятие, иначе в следующую секунду, изменившись в какой-то из своих деталей, оно породит уже иной оттенок чувства в созерцателе.

Это стремление удержать разрозненные мимолётные впечатления выльется у Джойса в технику «потока сознания» — но в прозе, и позднее, пока же мы наблюдаем блестящую технику «визуального поэтического монтажа»: в пределах строки или строфы в фокусе обычно

два визуальных объекта, между которыми образуется связь (иногда по сходству, метафорическая, иногда – основанная на контрастном сопоставлении).

Цельный образ, картина собирается из деталей, и последовательность появления их в «поэтическом кадре» тщательно продумана. Усиливает впечатление от прочтения синтаксический параллелизм конструкций.

Оба поэта помещают человека в мир природы и растворяют в нём; начальные и конечные четверостишия обоих стихотворений окружают, поглощают персонажей, как поглощают сумерки музицирующую девушку, ночное море – плывущий корабль и рулевого, стоящего на вахте во мраке.

Увы, не секрет, при переводе некоторая часть авторских выразительных средств утрачивается. Однако осознание, понимание и сохранение их для читателя всегда остаётся задачей переводчика, а сохранение выразительных средств в объёме, близком авторскому, без разрушения смысловой составляющей – неизменно являет собой идеал поэтического перевода, к которому хочется стремиться.

ОСКАР УАЙЛЬД

МОРЕ

Седой туман как пелена,
Из рыжих туч – из львиной гривы,
Как глаз голодный и тоскливый,
Мерцает зимняя луна.

В бушлат укутан рулевой,
Он сам как тень во тьме кабины.
А в сердце паровой машины –
Неутомимый шток стальной.

И пена жёлтая – следы
Разбушевавшейся стихии,
Плывёт, как нити кружевные,
На тёмном куполе воды.

Из цикла «Впечатления»

ДЖЕЙМС ДЖОЙС

Темнеет вечер-аметист
До синей глубины.
Аллеи зеленью огней
Едва озарены.

Рояля в воздухе ночном
Мажор нетороплив.
Она — над клавиш желтизной,
Головку опустив.

Серьёзен, скромн этот взгляд,
Движенья рук легки.
Темнеет вечер-аметист,
Мерцают огоньки.

Из цикла «Камерная музыка»

Перевод с английского Галины Стручалиной

ОЛЬГА СТЕЛЬМАК

САРА ТРЕВОР ТИСДЕЙЛ (1884 – 1933)

Сара Тревор Тисдейл родилась в городе Сент-Луис штата Миссури. Ее предки эмигрировали в США из Англии в 1792 году. Известно, что состоятельная семья будущей поэтессы отличалась религиозными устоями, ее дед был баптистским священником. Сара росла хрупким, болезненным ребенком, до девяти лет получала домашнее воспитание, а затем училась в частной школе для девочек. Биографы отмечают, что она была чрезвычайно мнительной натурой и всю свою жизнь боялась инсульта, болезни, которая приковала к инвалидному креслу ее старшего брата. Решив, что ей угрожает та же беда, Сара добровольно ушла из жизни в 1933 году.

Несмотря на то, что некоторые критики относят Сару Тисдейл к поэтам второго плана, ее творчество было очень популярно при жизни

автора. Свидетельством признания творчества Тисдейл ее современниками явилась Пулитцеровская премия, которую она получила в 1918 году за стихотворный сборник Love Songs. Среди наиболее известных книг Сары Тисдейл также можно отметить Rivers to the Sea (1915), Flame and Shadow (1920), Dark of the Moon (1936), Stars Tonight (1930), Strange Victory (1933).

Представляется, что манера поэтического письма Сары Тисдейл относится к классическим образцам. Многие стихи лаконичны и просты по форме, но сложны по своему внутреннему послылу. Тематика ее произведений позволяет сделать вывод о том, что в душе поэтессы всегда присутствовал некий разлад даже тогда, когда ее лирическая героиня, казалось бы, была совершенно счастлива и в жизни, и в любви. Ее преследовало одиночество в мире людей. Эта мысль прослеживается в стихотворении «Одиночество»:

*Одиночество, несмотря на любовь.
Несмотря на то, что беру, отдавая взамен.
Несмотря на всю твою нежность,
Жизнь порою – безрадостный плен.*

Стихотворное творчество Сары Тисдейл – зеркало души поэтессы, отражающее особенным образом эмоциональный мир её бытия. Мир, в котором живет ее лирическая героиня, свидетельствует о противоречивости мировосприятия Сары Тисдейл, он насыщен стремлением обрести заветный покой, но в то же время читается невозможность наслаждаться покоем и созерцательным отношением к жизни. В этом смысле примечательно стихотворение «После любви». Приведем последнюю строфу этого произведения:

*Укрыта я от всех штормов
И не грозит прилив волной,
Но горче моря во сто крат
Такой покой.*

Ключ к пониманию характера лирической героини, на наш взгляд, дает стихотворение «Облако», где создается образ дерзкого, свободолюбивого и своенравного существа, которое находится в постоянном движении и не подчиняется общепринятым нормам и законам бытия.

*Ничто не может приручить меня –
Я – ветра бессердечного дитя.*

Значительное место в лирике поэтессы занимает тема смерти. Мучительный страх перед неизбежным, преследовавший Сару Тисдейл до конца ее дней, звучит во многих лирических произведениях. Стихотворение «В море» замыкают такие строки:

*Жизнь и смерть – в бесконечной борьбе
Со страхом, что грудь мою болью пронзает.*

Как и всякий поэт, Сара Тисдейл размышляет о природе поэтического творчества, мечтает создать высокое творение человеческого духа. Стихи часто рождаются в мучительных поисках нужного образа, слова, и здесь одиночество, страдания души и тела – ее верные помощники. Они оправданы, если в итоге получается стих, прекрасный, «*Как краткий миг звезды летящей // Средь ночи зимнею порой*». Об этом стихотворение «Вознаграждение».

И сейчас, спустя много лет со дня смерти Сары Тисдейл, в нашем стремительно меняющемся мире можно найти немало поклонников ее поэтического таланта. Стихи Сары Тисдейл дарят истинное эстетическое наслаждение. В них – не затертая временем яркая образность, боль, страдание тонко чувствующей женской души, житейская мудрость и подкупающая искренность. Предлагаем вниманию читателя подборку новых переводов этого автора.

БЕДНОЕ ЖИЛИЩЕ

Мир и Надежда мимо прошли –
Миновали злосчастный дом.
Юность, Здоровье тоже ушли,
И Любовь не осталась в нем.

А жильцы проливали слезы
На горький хлеб своей доли.
Одни стары, другие безумны,
А третьи – страдали от боли.

Увидала Смерть то жилище
И тоже мимо прошла. –
Сказала: «Они и не жили,
Знать пора моя не пришла».

Ты надел на меня сандалии,
Хлеб с вином в дорогу добыл
И отправил бродить по свету –
Мир моим без остатка был.

Умоляю – сними сандалии.
Если б знал ты мои мечты!
Целый мир лишь в твоих объятьях
Мои звезды и солнце – ты!

ДАР

Что могу подарить тебе, мой господин,
Тебе, кто весь мир отдал мне,
Показал, как светло и радостно жить
На цветущей, прекрасной земле?

Я имею лишь то, что ты подарил.
Передаривать вновь не годится.
И душе твоей не достанет сил
Перед зеркалом жизни моей томиться.

Что тебе подарю, милый мой господин?
То, что сердце мое навсегда разобьет:
На рассвете однажды проснешься один
И поймешь – я ушла... и свобода ждет.

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество, несмотря на любовь.
Несмотря на то, что беру, отдавая взамен.
Несмотря на всю твою нежность,
Жизнь порою – безрадостный плен.

Одиночество, словно одна я стою
На вершине, где мира уставшего твердь.

Над моей головою – безбрежность небес,
А вокруг только снег-круговерть.

И не видно ни неба, не видно земли,
Только гордый мой дух витает –
Не дает мне нарушить покой других,
Тех, кто таинство смерти знает.

ПОСЛЕ ЛЮБВИ

Нет больше магии – прошла.
И мы встречаемся как все.
Уже не даришь мне чудес,
И я их не дарю тебе.

Была я морем – ветром ты.
В восторги я уже не верю.
Я – заводь тихая теперь,
И рядом берег.

Укрыта я от всех штормов,
И не грозит прилив волной,
Но горче моря во сто крат
Такой покой.

ПОСЛЕ ПРОЩАНИЯ

Любовь рассеяла свою –
Ее повсюду он найдет.
Она разбудит среди ночи,
Как воздух тихо обоймет.

Я тень отправила вдогонку,
Тень, окрыленную желаньем,
Днем будет облаком она,
А ночью – молний полыханьем.

БЕССМЕРТНАЯ

Жизнь из тела однажды уйдет
В этом мире бренном, людском.
Пусть страдает оно сейчас,
Но уснет скоро вечным сном.

О, душа, только ты – бессмертна,
Не уснуть тебе никогда,
Как листок, подгоняемый ветром,
Как забывшая берег волна.

МУДРОСТЬ

Когда устану ломать свои крылья,
В попытках исправить мир я,
Научусь терпеливо ждать
И в закрытую дверь не стучать,
Когда жизни узнаю суть
И постигну мудрости путь,
Жизнь откроет всю Правду мне,
Взяв взамен мою юность себе.

ПОНИМАНИЕ

Других прекрасно понимаю,
Все мысли их доступны мне,
Как водоросли, что всплывают
При свете дня в морской воде.

Но вот тебя – не понимаю.
В тебе есть тайна, словно золото,
Что на испанском галеоне
Навек на дно ушло когда-то.

СЕТЬ

Тебе я песни ПОСВЯЩАЛА,
Но все же не смогла понять,

Как будто сетью своих слов
Звезду пыталась я поймать.
Как будто я своей ладонью
Синь моря зачерпнула,
Но поняла, что синева
Меня невольно обманула.

НО НЕ ДЛЯ МЕНЯ

Апрельская ночь тиха и сладка
Деревья цветом манят.
И поступь покоя дивно легка,
Но не для меня.

Мой покой уснул на его груди,
Где мне не увидеть себя.
Любовь приходит ко всем другим,
Но обходит меня.

МОНЕТКА

В сокровищницу сердца,
Монетка упадет,
Что не отнимет время
И вор не отберет.
О, лучше, чем чеканка
Монет при королях,
Сокрыта моя память
О самых лучших днях.

ЛАСТОЧКИН ПОЛЁТ

Люблю я ветер, белый свет,
Люблю людей глаза и лица,
Когда душе преграды нет —
Что в небе ласточкой резвится.

ВОЛШЕБНЫЙ ЛЕС

Волшебный лес мерцал
Под кремовой луной.
Хор трав нам напевал
Мотив волшебный свой.

И в мягкой тишине
Хрустальны ветви спали
И сквозь росинок слезы
Свой белый цвет роняли.

БОЛЬ

ВОЛНЫ – белые дочери моря.
Дождевые капли – дети дождя.
Оттого ль мое тело в печали,
Что Страдание – мать моя?
Ночка – мать сияющих звезд,
Белой пены родитель – ветер.
Мой удел – оставаться дома,
А ведь мир так красив и светел.

В МОРЕ

Ветер свищет, стою одиноко на палубе
Корабля, что в высоких волнах ныряет.
Только дикая ночь, и вода подо мною,
Разъяренная штормом, зовет, завывает.
Все враждебно: земля и морская пучина,
Почему я ищу, где покой пребывает?
Жизнь и смерть – в бесконечной борьбе
Со страхом, что грудь мою болью пронзает.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

Я буду СЛАВИТЬ одиночество,
Часы мучительных борений,

Усталость сердца, жажду плоти,
Боль неизменных повторений,
Коль дух мой явит миру песню
Прекрасную, как свет дневной,
Как краткий миг звезды летящей
Средь ночи зимнею порой.

ОБЛАКО

Я облако в небесной выси,
И звезды для меня зажглись.
Неугомонная, люблю свободу я,
Бросаю тень на холмы и моря.
Но почему же сосны на горе,
Вкусить покой внушают мне?

Свой плащ я на луну бросаю
И солнце среди дня скрываю.
Ничто не может приручить меня –
Я – ветра бессердечного дитя.
Но почему же сосны на горе,
Вкусить покой внушают мне?

Перевод с английского Ольги Стельмак

СВЕТЛАНА ГЕРАСИМОВА

ФРАНСУА ВЬЙОН: ПРИНЦИП АДЖОРНАМЕНТО В ПЕРЕВОДАХ И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЕ

Илья Эренбург в переводе знаменитой «Баллады поэтического состязания в Блуа» Франсуа Вийона использовал старинный принцип аджорнаменто. Ибо чем, как не осовремениванием, как не вписыванием в контекст Советской эпохи, стали такие строки, как:

*Из рая я уйду – в аду побуду, – или:
Долина слез мне радостнее рая.*

Благодаря принципу аджорнаменто на картинах старых мастеров апостолы и святые одеты по моде то поздней готики, то Возрождения. Этот принцип присущ Боттичелли, Рафаэлю и Леонардо. Не осовременивая, древности не увидишь.

У Ильи Эренбурга получился почти сверхчеловек. Атеистически настроенный, он готов повторить вслед за Гагариным, что в небе Бога не видел. Трагизм бытия, самоутверждение и ирония прихотливо переплетаются в шедевре Эренбурга.

Но, стирая века, можно увидеть, как в оригинале Вийона готов проступить совершенно иной контекст, благодаря которому балладный герой Вийона превращается из ироника – в юродивого, ибо именно юродивый живет, видя сквозь абсурд земного бытия – небесную гармонию.

Небесной гармонии у Вийона нет, хотя он и жаждет катарсиса, а вот земного абсурда – предостаточно.

Об изначальной сакральности средневековой категории абсурда свидетельствует знаменитое изречение, приписываемое Тертуллиану: *Credo quia absurdum*. Это латинское изречение восходит к труду Тертуллиана *De Carne Christi* («О плоти Христа»). Однако дословно такой цитаты у Тертуллиана нет, поскольку звучит она несколько иначе: «Сын Божий рожден [распят] – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно». [1]

Эта идея Тертуллиана опирается на изречение св. апостола Павла: «Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор., 1:22-23).

Для иудеев Откровение – соблазн, так как в отличие от языческого мира, они не знали идеи антропоморфного божества, ибо Бог непостижим, незрим, трансцендентен. Для римлян Откровение – абсурд, поскольку с идеей антропоморфного божества они знакомы, но боги не умирают.

В признании абсурдности Откровения нет отрицания его истинности, – скорее есть признание его сакральности и того, что оно остается умонепостижимым. Действительно, разум не отражает всего спектра возможностей человека, который способен постичь абсурдную истину иными средствами: в данном случае – верой.

Вийоновский мотив нищеты в богатстве опирается на новозаветный текст – на послание ап. Павла: «... нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а

мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы **ничего не имеем, но всем обладаем**» (2 Кор., 6:8-10).

Нищета в богатстве – форма свободы от пространства. Поднебесная полна сокровищ – но бороться за них также нелепо, как завоевывать то, чем и так обладаешь. Свобода во времени и пространстве – дар небес человеку, который может принять эти дары, если вспомнит о небе. Так, св. Симеон в третьем гимне («Кто есть монах, и какое его делание, и на какую высоту созерцания взошел этот (святой отец)») воспевае идеального монаха:

*Владея многим – остаюсь я беден,
Среди обилья вод – томлюсь я жаждой.* [2, с.50-55]

У св. Симеона: абсурд мира устремляет душу к неземной гармонии, у Вийона – к Дионису, поэтому у св. Симеона парадоксы разрешаются в священном безумии, а Вийон оказывается замкнут исключительно в круге земном, произрастившим ему тернии, парадоксы и абсурд, устремленный к катарсису, но до времени не обретающий его. Аскет, жаждущий земного блага, насыщен у св. Симеона – небесным. У Вийона же жажда катарсиса и исцеления от жажды – неисполнимы, а потому мертвящи. В результате преображенному небесному Дионису св. Симеона противостоит мертвый Дионис Вийона, даже в дне видящий ночь – царицу сна, символически соотнесенного со сном смертным, заставляющим распластаться на земле:

*Желать «покойной ночи» днем привык,
Лег спать – боясь упасть, к земле приник.*

Лирический герой баллады утратил естественное представление о времени, ибо «желать «покойной ночи» днем привык». – И этот мотив сближает текст Вийона с розыгрышем из комедии «Укрощение строптивой» Шекспира, где при свете луны Катарина говорит:

*Достойнейший отец, прости ошибку.
Глаза мои так ослепило солнцем,
Что до сих пор все кажется зеленым.
Теперь я вижу – ты почтенный старец.
Прости мне эту глупую оплошность.*

Аналогичный мотив встречается и в 6 сцене III акта «Короля Лира», в которой шут заявляет, что ляжет спать в полдень.

Приводящая к абсурду, утрата памяти изначального смысла времени может быть восстановлена при помощи библейского текста, в котором дни Шестоднева состоят из вечера и утра, а не наоборот: «И был вечер, и было утро: день один» (Быт., 1:5).

Таково библейское и литургическое время.

Пространство и время, в которых живет человек, могут реализовать на символическом уровне принцип духовной свободы личности от мира. Сакральный человек возвышается над дионисийски естественным временем. Но для Вийона естественное время – данность желанная, но утраченная. У Шекспира же анахронизмы – комический или трагический абсурд. Да и сама естественная способность желать становится у Вийона противоестественной.

Если говорить в категориях средневекового номинализма, то в балладе Вийона он проявляется в том, что видимая форма предмета и данное ей имя утратили связь с субстанцией, с сущностью: друг ведет себя, как враг; белый лебедь оказывается вороном, то есть вийоновский мир – мир мнимостей и обмана, мир иллюзий. В споре номиналистов и реалистов Вийон явно на стороне первых, ибо слово не дает ключа к постижению сущности – в результате поэт погружается в мир абсурдных иллюзий. Приведу строку, ключевую для понимания всей баллады: «Все, что я слышал – только не постиг», – говорит о себе Вийон. Следовательно, абсурд его баллады стремится обрести код, благодаря которому абсурдное обретает смысл сакрального. Но Вийон сам исключен из мира сакральных смыслов, он много знает, но знание не стало ступенью посвящения (инициации).

Интересно, что, несмотря на атмосферу абсурда, в балладе Вийона, нет такого дионисийского мотива, частого у вагантов, как наслаждение вином. Балладный герой мыслит абсурдно, хотя не пьян; страдает – хотя не оставлен женщиной. Словом, в балладе вообще нет никаких дионисийских мотивов: вместо любви – появляется мотив изменчивой, как любовь, дружбы; вместо священного безумия – мотив тоски. Абсурд Вийона – это абсурд на трезвую голову, поэтому-то он и вызывает не экстаз, а опустошенность, граничащую с отчаянием. Все дионисийское оказывается чуждо поэту.

Концептуальная метафора Диониса в творчестве Вийона архетипически близка образу падшего Адама, страстного, но живущего естественными страстями. Демонические страсти разрушают естественную страстность Диониса или Ветхого Адама, поэтому даже они воспринимаются как недостижимое благо, к которому стремится лирический герой.

Абсурд загадочной речи может быть проверкой статуса героя: яв-

ляется ли он посвященным, постигающим загадку, кажущуюся лишь абсурдным набором образов. И Вийон свидетельствует о своем статусе: к посвященным он не относится. Абсурд и внутренняя противоречивость изъели душу балладного героя: Адам пал и разбился, цельная душа раздробилась на осколки, для которых сама память о прежней цельности стала абсурдной, виртуальной мнимостью.

Виртуальность художественного мира не является изобретением литературы постмодернизма. Структурирование личного космоса – не заслуга структурализма. Структурированием личного космоса занимался и Вийон.

Однако, как показывает У. Эко, человек постмодернизма живет не просто на пепелище космической библиотеки, но в виртуальном мире, который постоянно строится из семиотических обломков предшествующих культур по законам, предложенным этому миру самим автором, – но он и сам постепенно утрачивает свободу по мере построения виртуальной конструкции. Виртуальное пространство или виртуальный художественный мир писателя становится развернутой метафорой его сознания. В постмодернизме не сознание отражает мир, но мир, во всяком случае – художественный, отражает сознание.

«Верю, ибо абсурдно», – эта сентенция продолжает структурировать художественные миры и в литературе Нового времени. Своеобразной перифразой изречения Тертуллиана стали тютчевские строки «умом Россию не понять...» Семантическое пространство данного стихотворения структурировано тертуллиановскими категориями, то есть категорией сакральности (ее план выражения – Святая Русь), категорией веры, которой открывается сакральный план бытия, и категорией глухого к нему разума, для которого Россия абсурдна.

Утратив средневековую культуру абсурда, современность сохранила архетип абсурда – переживание возможности перейти из абсурдной ситуации к метафизическому постижению сакральных корней бытия. Интересно при этом, что одно из доказательств номиналиста Оккама вторичности имен по отношению к субстанциям, – основанное на указании различия имен предметов в разных языках, – лежит в основе «Лысой певичцы» Ионеско, где Смиты – это Мартены, а Мартены – это Смиты.

Драма абсурда не дает переживания постижения метафизических корней бытия, они заменены темной иррациональной стихией, в которую погружена действительность.

Итак, современная культура утрачивает средневековый катарсис абсурда – искусство, отталкиваясь от абсурда земного, обретать метафизическое небо. Научный прогресс, требующий все новые и новые

объемы памяти, вытесняет память архетипическую, сакральную, преобразующую абсурдное – в прекрасное, и оставляет сознание наедине с деструктивным абсурдом, утратившим свое «верую».

Использованный И. Эренбургом принцип аджорнаменто, лишая абсурдность баллады Вийона трагизма, наполняет ее пафосом грядущих побед и социалистических достижений. Перевод стал выдающимся памятником, отражающим дух советской эпохи. Целью моего перевода было наметить архетипические глубины баллады Вийона, по возможности убрать сознание современного человека, но, не исключено, спустя век, скажут, что и этот перевод отразил лишь безвременье начала миллениума...

Литература

1. Тертуллиан Квинт Септимий Флорент. О плоти Христа// Тертуллиан Квинт Септимий Флорент. Избранные сочинения / под. Ред. А. А. Столярова/ Тертуллиан. – М.: Прогресс, 1994. – 448 с. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.e-reading.by/bookreader.php/96869/Tertullian_-_O_PLOTI_HRISTA.html свободный. Дата последнего посещения 30 декабря 2015.
2. Симеон Новый Богослов, Преподобный. Приди, Свет Истинный, избранные гимны / пер. с греческого епископа Илларион (Алфеева)/ Симеон Новый Богослов. – СПб: Издательство Олега Абышко, 2008.
3. Пропп В. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки/ В. Пропп. – М.: Лабиринт, 1998.
4. Помяловский Н. Г. Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы / Сер.: Классики и современники/ Н. Г. Помяловский. – М.: Художественная литература, 1988г. – 487 с. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/p/pomjalowskij_n_g/text_0030.shtml свободный. Дата последнего посещения 30 декабря 2015.
5. Токарев Д. В. Абсурд как категория текста у Д. Хармса и С. Беккета/ Д. В. Токарев. – М.: НЛО, 2002.

ФРАНСУА ВИЙОН

ОТ ЖАЖДЫ УМИРАЮ НАД РУЧЬЕМ

Смертельно сохнут губы у фонтана,
Хоть ничего морозней жара нет.
Чужбина – дом, не варварские страны,
Я у костра продрог, хоть я согрет,
Я наг, как червь, как кардинал одет.
Я вер с неверьем, слёз и смеха стык.
Родит отрада безотрадный крик,
Я хохочу, тоскую, плачу в пляске,
Я всемогущ, колеблясь, как тростник,
Я всем изгой, но принят я по-царски!

Лишь от абсурда я не жду обмана,
Меня обманывает виденный предмет,
Я знаю: верить фактам – крайне странно,
Но я готов поверить в странный бред,
Я в проигрыше средь больших побед,
Желать «покойной ночи» днем привык,
Лег спать – боясь упасть, к земле приник,
Нет ни гроша, но есть достаток барский,
Тьма царств – я не наследник сих ковриг,
Я всем изгой, но принят я по-царски!

Наскучило мне все, что мне желанно,
Желанна – скука, суета сует.
Лишь добрым словом мне наносят рану,
Кто бьёт – тот мне желаннейший сосед,
Мне лучший друг, кто верит мне, хоть рьяно
Заспорю: «Лебедь – ворона двойник», –
Кто мучит, уверяя напрямик,
Что если гонит – то дарует ласки,
Я всё стерплю – иссякнул чувств родник,
Я всем изгой, но принят я по-царски!

Добрейший принц, готов изречь язык
Все, что я слышал – только не постиг,
Обетом связан – вольным стал к развязке,
Подайте ж, Христа ради, золотник.
Я всем изгой, но принят я по-царски!

Перевод с французского Светланы Герасимовой

КРИСТИНА ДЖОРДЖИНА РОССЕТТИ (1830 – 1894)

От переводчика. Сто двадцать лет назад брат Кристины Россетти Уильям издал сборник произведений сестры, не публиковавшихся при её жизни. Наверное, это было и данью памяти, и знаком надежды на то, что новые поколения читателей не обойдут вниманием творчество талантливой поэтессы. Предлагаемые ниже переводы стихотворений Кристины Россетти могут быть в какой-то мере продолжением начинания Уильяма Россетти.

Валентина Брилёва

СОНЕТ

Если б вспомнить первую встречу,
Первый час, первый миг могла,
Солнце ль светило, висела ли мгла,
Лето стояло или зима? Мне и ответить нечего.
День ускользнул незамеченным,
А видеть, предвидеть – была я слепой,
Не знала, что чувства, как древо весной,
Цветеньем бывают увенчаны.
Если б вспомнить знамение дня!
День, казалось, ушёл в никуда,
(Так давний снег не оставил следа),
Но теперь главным стал для меня.
Если б первый миг вспомнила я,
Как коснулась руки рука... Знал только Он всегда!

«СПРАВЛЯЙСЯ С ТРУДНОСТЯМИ»

Холодный ветер в ветвях терновника
Распустится помочь им готов,
Осыпая живую изгородь
Хлопьями белых снегов.

В утешенье принёс ветер издали
Милым сердцам жемчуг слов,
Что в ненастье там издавна
На терновнике больше цветов.

«НЕ СУДИТЕ ПО ВНЕШНЕМУ ВИДУ»

Открывай нам, Господь, глаза на простое,
Чтоб в семечке видели древо живое,
Гордую птицу – в сиянье яйца,
В коконе – бабочку, всюду – Тебя.

Пока не научимся видеть простое:
Только с Тобой неразрывно земное,
И слушать нежное слово Творца,
И слышать: «Не бойтесь, это есть Я».

МОГИЛА У МОРЯ

Равнодушен к розам усталый жнец,
Равнодушен к шипам. Ему благодать:
Он тихий покой обрёл наконец,
Сумел урожай свой собрать,
А мне до утра лишь дано отдыхать!

Холодный, как стужа, как дни декабря,
Застывшие скорбной порой,
И только одна его помнит, любя.
Не вспомнят иные о нём, кто такой...
Забудется всеми он, кроме одной.

АМИНЬ

Окончено. Окончено что в этот час?
Нет, а окончено сколько на деле?
Дни жатвы. Для них все старались; у нас
Снопь ладно связаны, как и хотели.
В амбары зерно заложить мы успели.

Завершилось. Что завершилось?
Завершается много всегда:
Чья-то жизнь завершилась иль сократилась;
Не засеяно поле; бесплодны года.
Этим почкам не видеть весны никогда.

Достаточно. Чего достаточно?
Всего в достатке, если верен взгляд:
Ещё лёд не тает, но весна сроки знает;
Ежевика и розы – всяк кустик рад
Яркому солнцу. Мне чудится лад...
Ветерок тихий веет, и царственный сад
Ароматным цветеньем блистает.

ГОРЕЧЬ ВМЕСТО СЛАДОСТИ

Нас лето покинуло с нежными розами,
Солнцем, цветами и ароматом,
Ливнями, грозами. Перед закатом
Осень волнует сад лёгким морозом.

Нет той чудесной хрустальной прохлады,
Холод зимы всё смелей и смелей.
Стелется изморозь. Будет больней
Последним бутонам поникшего сада.

ХОЛОД

Что надо делать ягняткам
Ночью морозною? Сладко,

Свернувшись у шерсти мягкой,
Спать рядышком с мамой – овцой.

Что делать маленьким пташкам
В росе серебристой, ночной?
Спать крепко под крылышком мамы,
Пока не придёт час иной.

И если бы в поле, на древе ли я
Прелестных созданий увидеть могла,
Представила б радостно, что там для сна
Уютное место есть для меня.

Перевод с английского Валентины Брилёвой

БОРИС МАКАРОВ

ДУГАРМА БАТОБОЛОТОВА

СЧАСТЛИВЫЙ ДАР УСЛЫШАТЬ ТИШИНУ

Минувший 2015 год, год литературы, для агинской, забайкальской поэтессы, члена Союза писателей России, Дугармы Батоболотовой ознаменовался выходом в свет ее новой, четвертой книги – поэтического сборника «О чем молчит степная тишина» в переводе Бориса Макарова. В него вошли около 50 стихотворений и поэма, давшая название книге.

Сборник открывается в традиционном ключе, присущем многим бурятским поэтам, стихотворением-молитвой «Просьба».

С подобными просьбами-молитвами обращались к Богам, к родному языку, родной земле многие известные забайкальские поэты. Из родной земли, из славной истории своего народа черпали они силу своих слов, своих стихов и поэм. Стержневой же темой для большинства агинских поэтов является тема любви к родине, к своему народу, желание принести своим творчеством радость читателям и слушателям, показать им красоту Агинского, Забайкальского края, воспеть дружбу и братство народов, живущих и работающих на этой суровой, но прекрасной земле.

Дугарма Батоболотова следует лучшим традициям бурятской

литературы. Она дочь родной земли. С детских лет слышит музыку родного языка, хотя и русский язык тоже может назвать родным.

Она училась и у поэтов-ветеранов Ц. Жамбалова, А. Жамбалона, Д. Ринчинова, Д.-Х. Цынгуевой, и у своих сверстников Б. Гармажапова, В. Балдоржиева, Б. Шагдарова, старалась перенять опыт и у русских забайкальских поэтов Г. Граубина, Р. Филиппова, Г. Головатого, М. Вишнякова и других.

Молодая поэтесса делает свои первые шаги в большую литературу в начале 80-ых годов. Ее заветные тетради и сегодня хранят сотни, тысячи стихотворных строк. Лучшие из них постепенно, неспешно, как цветы по весне в оживающей под теплыми лучами солнца агинской степи, прорастают, расцветают на страницах ее книг.

В 2004 году в издательстве «Поиск» (Чита) выходит в свет первый поэтический сборник Дугармы Батоболотовой «Вселенная женщины, полная нежности». В него вошли стихи на родном бурятском языке. В 2010 году Читинское «Экспресс-издательство» порадовало любителей поэзии новой книгой этого автора «...И не хочу судьбы другой» в переводе Бориса Макарова. Спустя два года в 2012 году на полках книголюбов появился еще один поэтический сборник уже признанной поэтессы «Звезда моей судьбы» на бурятском языке в издательстве «Агын Унэн» в пос. Агинское.

И все эти годы совершенствуется не только поэтическое, но и педагогическое мастерство Дугармы Батоболотовой. Ее имя вошло в ежегодную энциклопедию «Лучшие люди России 2006 года», в 2010 году она получила звание «Заслуженный работник образования Забайкальского края». Творчество Дугармы Батоболотовой находит все-российское признание. Она является членом Союза писателей России. Недавно вышедшая в свет книга ее стихов «О чем молчит степная тишина» – книга тонких, солнечных стихов и глубокой объемной поэмы. Каждая строка этой книги – от сердца и, как солнечный луч, проходит сквозь сердце. В каждой строке – яркая звездочка таланта поэтессы, таланта щедрого и доброго.

...Красиво село Сахюрта. Широкие степные просторы радуют взор и окрыляют душу. Рядом с селом старинным серебряным блеском блещет Белое озеро. Белый цвет у бурятского народа – символ чистоты, доброты, любви, символ добрых стремлений и надежд. Над озером гордо высится гора Сахюрта, она отражается в воде озера. Рядом с ее отражением – отражения синего неба, облаков, алых вечерних и утренних зорь.

На берегу озера в тихие вечерние и утренние часы в любое время года часто можно увидеть женщину, любующуюся красотой род-

ной земли, напряженно вслушивающуюся в степную тишину, которая голосами предков рассказывает ей об истории родной земли, родного народа, о доброте и силе, о миролюбии и мужестве его.

И строка за строкой рождаются новые стихи. Пожелаем нашему другу, талантливой поэтессе новых творческих успехов и новых книг.

ПРОСЬБА

Бурятский язык – мой язык –
Дар великих Богов,
Ты, как и они,
К нам пришел из далеких веков,
Чтоб людям помочь
Избежать неприязни, вражды –
Тяжелой и самой опасной
Смертельной беды.
Чтоб мы понимали
Друг друга
Везде и всегда.
Чтоб радости знали
Единства,
Любви
И труда.
Чтоб песни слагали,
Дарили друг другу тепло.
Родной мой язык,
Подари мне
Жемчужины солнечных слов.
Я их нанизую
На тонкую музыки нить,
Чтоб песню на счастье
Всем людям свою подарить.

ИСТИНЫ

Тепло напрасно солнце льет,
Лучами бьет в упор.
Не тает ледниковый лед
На острых пиках гор.

Коль зол, надменен человек,
Завистлив, глуп и груб,
В его душе и лёд, и снег,
И места нет добру, –
Ему словами не помочь,
Хоть будто свечи те.
Он сам себя уводит в ночь,
Хоронит в мерзлоте.
А тот, кто свет в душе хранит
И свет другим несёт, –
Любые беды победит
И счастье обретёт.
Простые истины...
Да жаль –
Рождённые в веках,
Они не в памяти лежат,
А в пыльных сундуках.

ПРИТЯЖЕНИЕ РОДИМОЙ ЗЕМЛИ

Сильнее богатырских рук,
Сильней аркана натяженья,
Сильней преград,
Сильней разлук
Земли родимой притяженье.
Люблю я родину за то,
За что и небо любят птицы.
Нас с ней связало тоонто¹,
И я земли родной частица.

МОЯ ЖИЗНЬ

Во всех космических глубинах,
Куда не просто заглянуть,
И у планет, и у пылинок,
Своя судьба – особый путь.

¹Тоонто – место рождения (Прим. пер.).

Дни пролетают косяками.
Необратим их вечный бег.
Промчатся и оставят с нами
Лишь только память о себе.
Порой грущу – осталась юность,
В недостижимой дали,
Где пели моринхура¹ струны
О первой солнечной любви.
Не всё свершила, что хотела,
А день удачу мне сулил, –
То не сумела,
Не успела,
То отступила,
Не посмела,
То просто не хватило сил.
... Я знала горькие потери.
Умею счастьем дорожить.
Не разучилась и теперь я
Жить и любить,
Любить и жить.
Мой путь неторный,
Трудный, длинный.
Но с честью я его прошла.

... Я в бездне космоса –
Пылинка,
Частица света и тепла.

ДУША НЕ СТАРЕЕТ

В тёплом гнездышке души,
В глубине ее,
Дремлет, крылышки сложив,
Чувство светлое моё.
Чувство нежное любви
С возрастом не тает,
И в волшебный чудный миг

¹Моринхур – музыкальный инструмент, скрипка степняков. (Прим. ред.).

Крылышки расправит.
Взмает, выси не страшась,
Сердце обогреет.
... Как прекрасно, что душа
Наша не стареет.

МЫ И ПРИРОДА

Нам передали наши предки
Журчанье чистых родников,
Плоды на яблоневетках,
Лазурь цветочных лепестков.
Всю красоту родной природы
Должны потомкам мы вручить,
А потому уже сегодня
Детей нам надо научить
Любви и к дереву, и к птице,
К земле и солнышку над ней.
Оно доверчивой
Жар-птицей
На отдых вечером
Садится
В ладони любящих людей...

ВЕЧНАЯ МУЗЫКА

Тихий шелест дождя
И беззвучие легкого снега,
Рокот грома и радуги розовый свет...
Это всё величавая музыка неба,
И богов, и миров неизвестных
привет.
Еле слышный щелчок
Чуть раскрывшейся почки,
Жавороночьи трели вблизи и вдали,
Звон бубенчиков рос
На бутонах цветочных...
Это музыка нашей родимой

земли.
Сердца стук и мелодия слов
 долгожданных
Вдохновения всплеск, –
 успевай лишь
 пиши.
Речь любимого,
Голос немеркнувшей мамы...
Это вечная музыка
 нашей души.

Перевод с бурятского Бориса Макарова

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ (1814 – 1841)

МЦЫРИ

175 лет назад перестало биться сердце одного из самых замечательных поэтов России – Михаила Юрьевича Лермонтова. Всякого любителя русской словесности не может не поражать наследие великого русского поэта. Почетное место в этом наследии занимает поэма «Мцыри». Интересна история создания этого произведения¹. Ещё в 1830-1831 годах у Лермонтова зародился замысел создать образ юноши, рвущегося на волю из монастыря или тюрьмы. В 1830 году в незаконченной поэме «Исповедь» он рассказал о молодом испанском монахе, заключённом в монастырскую тюрьму. По своему характеру созданный здесь образ близок Мцыри. Но поэма не удовлетворила Лермонтова и осталась незаконченной. Однако замысел создать такой характер не исчез у поэта. В одной из заметок от 1831 года находим: «Написать записки молодого монаха 17 лет. – С детства он в монастыре... Страстная душа томится. Идеалы...».

Но прошло несколько лет, прежде чем Лермонтову удалось осуществить этот замысел. В 1837 году, странствуя по Военно-Грузинской дороге, он в Мцхете встретил старика-монаха, который рассказал поэту историю своей жизни. Родом он горец; в детстве был взят в плен войсками генерала Ермолова. Генерал вёз его с собой, но мальчик по дороге заболел и был оставлен в монастыре на попечение

¹<http://www.testsoch.info/istoriya-sozdaniya-poemy-mcyri-analiz-lermontov-mixail-yurevich/>

монахов. Здесь он и вырос, но долго не мог привыкнуть к монастырской жизни и неоднократно пытался бежать в горы, на родину. Последствием одной из таких попыток была долгая и тяжёлая болезнь, после которой молодой горец примирился со своей судьбой и остался в монастыре.

Этот рассказ старого монаха-горца напомнил поэту о прежнем замысле и дал ему реальную, взятую из жизни сюжетную основу. Определилось и место действия: Кавказ, окрестности Мцхета, монастырь при слиянии Куры и Арагвы.

Описание блужданий Мцыри в лесу в поисках пути на родину дало возможность Лермонтову насытить поэму картинами кавказской природы, которую он великолепно знал, и использовать фольклор народов Кавказа.

THE GEORGIAN EREMIT

1

Not many moons and suns ago,
Wherein, uproaring, interflow,
Are cuddling, like two sisters are,
Streams of Aragva and Kura,
A cloister sat. The mount afar
Till now can show to any mate
The pillars, those of ruined gate,
The towers and the dome, once great;
But ne'er smoke henceforth beneath
Its fragrant censers, ne'er wreath,
One cannot hearken vesper chant
Of monks who pray for us who can't.
Now just an aged with hoary head,
The debri's sentinel half-dead,
Forgotten by the crowd and doom,
He sweeps the dust off any tomb,
Whose epitaphs just mourn and croon
On bygone glory – on renown
Of him, dejected by his crown:
Of tsar who had on certain date
To cede to Russia Georgian fate.
And God Almighty saved and blessed
The Georgian land! She effloresced
Since then in umbrage of her blows,

Not apprehending all her foes,
She is whom guard would not expose.

2

One day some Russian man of arm
To Tiflis went from mountain farm;
He convoyed child, the captive boy,
That soon fell ill, could not enjoy
Hard trip that he a long while bore;
He seemed the child of six or more,
Like mountain chamois, shied and hid,
Was weak and pliant like a reed.
But his keen anguish deep inside
Transformed to fortitude and might
Of ancestors. Without complaint
He withered, even moan though faint
Nor came from lips to ask for balm,
On food he nodded "no" and "none",
At face of death was proud and calm.
A tender-hearted coenobite
Left ailing youngster by his side,
Thus, walled in custody remained,
He was with amity sustained.
But, far from childish pranks-and-tricks,
At first he shunned for days and weeks,
He roamed forlorn in still and mist,
And just was pining for the east,
Fatigued with vagueness of lament
On his forsaken native land.
But later fell the use to teach:
He came to get the alien speech,
He was baptized by Father soon,
And, not concerned with mundane boon,
He was disposed in his heyday
Monastic vows with heart to say,
But once he proved to evanesce
By autumn night. Woods, deep and dense,
Spread on the mounts in spanless gloom.

The whole three days could not illume
The search of him, but sun or moon
Still found him fainted in the field:
Thus was his cloistral life rebuilt.
He was then pallid, gaunt with soil
And lax, as if some long-time toil,
Disease or famine he had tried.
When got required, nor replied,
And day by day distinctly dried.
And was approaching then his end;
The monk then came to lend him hand
With exhortation and "Pray!"— will;
He proudly hearkened and, deep ill,
Took up all vigour that still had —
Below are all the words he said:

3

"To take my pain, to see me such
You've hither come, I'm thankful much.
At least just someone I could find
To vent my soul, to ease my mind;
But there's no one whom I hurt,
That's why my deeds of any sort
Do little use for you to know, —
And heart how can I tell or show?
I lived scant life, the captive swain.
And one such life or even twain
For one but full with frightening mood
I'd truck forever if I could.
One thought had reigned within me fast,
The only one — but flamy lust:
As if the worm that came to rot,
Devoured soul and left it hot.
It razed my day-dream from the spot
Of prayers and of stifling cells
To battle, its wondrous fighting wells,
Wher' deep in clouds are hiding cliffs,
Wher' breast like eagle free upheaves.

This lust had in the dead of night
I nursed with grief and tear's bite;
At face of all the Soil and Height
My soul I'm ready to outpour,
And of forgiveness don't implore.

Перевод на английский Екатерины Коржовой

ГАМЛЕТ МИРЗОЯН

**АШОТ САГРАТЯН – ПОЭТ, КЛЯТВЕННО ПРЕДАННЫЙ
АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Интервью (Часть I)

В течение двух лет читал я поэтические переводы Ашота Сагратяна с языка Шекспира. По выходе в свет каждой из девяти переведенных им пьес, объединенных в «Библиотеку шекспировских трагедий», мы встречались с Ашотом Сагратяном, с которым дружили более 15 лет, и имели продолжительные беседы. И вот серия, выстраданная до каждого слова, подошла к концу.

Это необычное интервью¹ сложилось у меня из диалогов с автором перевода, действительным членом Академии педагогических и социальных наук, обладателем «Золотой Пушкинской медали» за свежую трактовку путевых заметок А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум».

Гамлет Мирзоян:

– Насколько мне известно, о Шекспировском центре в Армении мечтал еще академик Иосиф Орбели. Тогдашний директор Института искусств шекспировед Рубен Зарян дал ему жизнь. Стараниями дипломата Ованеса Масеяна и писателя Хачика Даштенца народ наш сегодня имеет в прекрасных переводах всего Шекспира. К чему было переводить его на русский, да к тому же стихом рифмованным, если они уже есть, его переводы на русский в изложении таких мастеров, как Михаил Лозинский и Борис Пастернак?

¹Интервью газете «Ноев Ковчег» <http://www.noev-kovcheg.ru/mag/2015-20-21/5232.html>

Ашот Сагратян:

– Начнем с того, что именно в армянах больше всего Гамлетов, Офелий, Эдгаров, Джонсов, Мавров и даже Ричардов. Ни одна нация не присвоила себе столько шекспировских имен, и мало кто может похвастать шекспировской библиотекой и своим Шекспировским центром. Еще в 1998 году, выступая на всероссийской Шекспировской конференции с докладом «Как понимать Гамлета?», я имел смелость упомянуть о том, что яд, приготовленный Гертрудой, влит был не в ухо спящему отцу Гамлета, а в наследное право Принца. Не отсюда ли берут начало метания Гамлета и все его так называемые «безумства». А ведь всем со времен Шекспира известно, что ухо по форме напоминает положение плода в материнской утробе.

– Положим, с Принцем душевной смуты все ясно. И это Ваше наблюдение крайне важно для понимания величия Шекспира. Должно же быть какое-то объяснение тому, что Вы взялись за стихотворный перевод остальных трагедий?

– Во-первых, трагедия в стихах много доходчивей, во-вторых, она доступней пониманию. К тому же большинство пьес Шекспира переводились в разное время разными переводчиками, и появился известный разнобой в прочтении оных. Да и осмысление Шекспира как гения пришло много позже. Ведь Быть принцем в короне зубчатых стен родового замка – значит Не Быть королем никогда. Это-то Принц понимал, как никто другой. Недаром великий Ованес Туманян оставил нам провидческие строки: «Шекспир превратился в мерило для определения степени развития нации. Если какой-либо народ не переводит Шекспира – значит, он невежествен, если не понимает – значит, не развит, если какой-либо язык не может владеть им – значит, он немощен».

– Вы что, всего Шекспира перелопатили?

– А вы думали, нет? Первые переводы из Шекспира относятся к XVIII веку. Об Отелло и Шейлоке в своих мемуарах упоминает Иосиф Эмин, известный армянский публицист и этнограф. Не исключено, что армянам Шекспир дорог еще и тем, что в трагедии «Антоний и Клеопатра» Шекспир упоминает об армянском царе Артавазде II, авторе многих пьес, и культурном расцвете при нем. А ведь это было еще в I веке до Рождества Христова. К середине XIX века известность Шекспира растет. В 1832 году его переводит уроженец Нор-

Нахичевана Саргис Тигранян. Студент Московского университета, он публикует историю мировой драматургии от античных времен до начала века. Первые его массовые переводы из Шекспира относятся к 20-м годам. Сперва то были отдельные сцены из комедий, после пошли целые отрывки. С 50-х того же XIX века стали появляться пьесы Шекспира целиком: в Смирне Арам Текеян перевел «Комедию ошибок». В ряду переводчиков Шекспира значатся Геворк Чмшкян, Ари-стакес Каскандилян, Сенекерим Арцруни, лингвист Степанос Малхасян. Последний подошел к творчеству Шекспира как ученый. Позже подключились к этой работе Геворк Башинджагян и Вардгес Суренянц. Не владея английским, они пользовались переводами на немецкий, французский, русский. В переводчики творений Шекспира вышли Амиран Мандилян, Ованес Абелян, Армен Арменян, Ваан Текеян, Гарник Финклян, Месроп Нубарян, Матильда Багдасарян, Ваан Тотовенц, Ваграм Терзибашьян, Ваграм Папазян. Аршак Чопанян писал о Папазяне: «От рождения богато одаренная натура, Папазян сумел дополнить и усовершенствовать элементы искусства лучших итальянских, французских и русских мастеров сцены, слить, объединить их в едином органическом стиле, в собственной эстетике. Романтизм и реализм, лиризм и суровая правда, наблюдательность и чувство меры слились в его искусстве, что так необходимо для исполнения ролей Шекспира, что уже составляло тайну высокого обаяния искусства Петроса Адамяна». Адамян был едва ли не самым ярким исполнителем шекспировских ролей в том времени.

Вы спросите, почему у армян Шекспир запел своим голосом? Тому были веские причины. Арам Хачатурян пишет музыку к спектаклям «Макбэт» и «Король Лир», музыку к фильму Юткевича «Отелло». Сурен Кочарян создает композицию «Во имя родины», монтируя ее из произведений Шекспира, и ездит с нею в Великую Отечественную войну во фронтовые бригады. Выдающийся архитектор Александр Таманян на арене цирка оформляет декорации к трагедии «Макбэт». На подмостках Московского экспериментального театра трудится Георгий Якулов, оформляя сцену под пьесу «Мера за меру». Его же оформить сцену под «Венецианского купца» приглашает Первый государственный театр в Ереване. Поддерживают эту традицию братья Арутюняны – Манвел и Саргис. Без музыки Александра Спендиарова «Отелло» просто немыслим. В конце XIX – начале XX века вплотную занимались Шекспиром литературоведы Арутюн Сурхатян и Ваграм Терзибашьян.

Стоит ли говорить, что в 1840 году за перевод пьесы «Буря» великого англичанина на русский язык берется Матвей Гамазян и удостаивается похвалы самого Виссариона Белинского, известного литературного критика. В те же годы Тигран Карапетян принимается за перевод «Сонетов». А это сотни любовных посланий.

– Знаю, что «Гамлет», первый из масеяновских переводов, появился в 1894 году. Но, как известно, Ованес Масеян скончался в 1931 году, оставив после себя 12 пьес. Последний перевод «Гамлета» с комментариями, насколько мне известно, представил недавно с подробным комментарием литературовед Арам Топчян.

– Дело Масеяна продолжил мой наставник Хачик Даштенц, поэт, блестящий прозаик и переводчик. Он же надоумил меня взяться за перевод шекспировских пьес, за их свежее прочтение.

– Что и говорить, стихотворный перевод девяти трагедий останется за Вами. Но что лично Вы открыли для себя в них? Ведь Шекспир как автор читан-перечитан.

– Читан, да не прочитан. В этом я убедился, работая над переводом двухтомника воспоминаний Ваграма Папазяна. В пьесе «Джюльетта и Ромео» Шекспира я переставил героев в названии пьесы местами исключительно потому, что там все крутится вокруг душевных терзаний Джюльетты. Она – главный движитель действия. Возможно, Шекспир одобрил бы такой мой шаг. Там все подчинено единой идее – чистоте нравственного облика Джюльетты. Да и концовка отлична от общепринятой (у Лозинского с Пастернаком: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о «Ромео и Джюльетте»): «К чему тачать двуспальные гробы? Не лучше ль быть в любимцах у судьбы?»

– А «Король Лир», к чему Вы взялись за него? Ведь это сложнейшая из его пьес. Дань этой пьесе отдал и Ваграм Папазян. Не раз перевоплощался он и в старика Лира, обманутого коварными дочерьми.

– Там важно было, как вывести на чистую воду лживых дочерей Лира, так и вернуть Эдгару, родному сыну графа Глостера, черты, коими автор обделил Гамлета. Да и биометрический анализ речи дочерей Лира-сумасброда как-то сам собой выпрастывался. Недаром Лир призывает на помощь силы природы. Художница Сона Бабаджанян –

кстати, моя бывшая студентка в творческом семинаре Литинститута им. А. М. Горького – в облике Лира показала все сумасбродство бывшего короля.

– Почему на рисунке Соны Бабаджанян леди Макбэт выведена лунатичкой? И верно ли я понял, что Макдуф держит под мышкой отрубленную голову Макбэта?

– Шекспир, поборник высоких моральных принципов, осуждает противоправные действия Макбэта. Если в борьбе за власть Макбэту положено пасть, Шекспир воздаст каждому по заслугам. Лишь распознав автора «Сонетов», раскусив его, начинаешь понимать, что «Сонеты» по сути своей – мини-трагедии и мини-драмы. Недаром я в «Гамлете», в первом выпуске серии «Библиотека шекспировских трагедий», пишу: «Талант Шекспира в бесконечности граней. Да и не всех к себе он подпускает. Шекспир – алмаз, каких в природе мало, и ценность вся его в огранке смысла, в глубинах постижения интриг, нам анатомию души познать дающих». «Гамлет» – не просто краеугольный камень его творчества, но и призма, сквозь которую преломляется тайна его необоримого обаяния. О «Гамлете» мы уже говорили. Как и о тоbizme, философском направлении, откровенно не явленном Шекспиром, но оказавшем влияние и на философию англичанина Фрэнсиса Бэкона, и на просветителей Европы.

– С «Венецианским купцом» разобрались Вы основательно. Жид Шейлок у Вас вынесен на всеобщее обозрение. Жиду Вы так и не дали насладиться местью – вырвать фунт мяса из живого человека – венецианского купца, к тому же не пролив ни капли христианской крови... Так ли важен был Ваш комментарий к трагикомедии?

– Если Вы заметили, образ Шейлока дан полно и вполне тактично. Ведь судьба дочери Шейлока – Джессики – и ее потомства зависит теперь от многих составляющих. Не случайно обратил я внимание читателя и на Иакова, первого, по сути, программиста во времени (ведь именно пастух Иаков бросил под ноги овцам резные ветки, чтобы получить от них приплод курчавыми ягнятами). Возможно, армянский читатель найдет в библейской притче кое-что полезное и для себя.

– Замыкаете Вы свою «Библиотеку шекспировских трагедий» пьесой, написанной почти в одно и то же время с «Гамлетом». Чем лично Вас заинтересовал Брут? Он же не был душой заговора?

– Да, не был. Трагедия «Юлий Цезарь», по сути, кончается в час, когда дочь Катона, Порция, она же жена Брута, наглотавшись горячих углей, убивает себя. Это кульминация пьесы. Цезарь в момент своей гибели задается одним лишь вопросом: «А ты, Брут, с ними как? Ведь я тебе не враг?» Решать вопрос о преданности Брута принципам высокой морали Шекспир оставляет на совести читателя...

Как бы то ни было, но там, где Англия теряла свои колонии и доминионы, именно Шекспир своим талантом и масштабностью мышления возвращал ей утраченное сторицей <...>.

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР (1564 – 1616)

РИЧАРД III

(отрывок из трагедии)

АКТ III

Сцена I

Улица в Лондоне. Доносятся звуки труб. Входят принц Уэльский, Глостер, Бекингем, и кардинал Борчер.

Бекингем

Добро пожаловать, принц, в отчие пенаты!

Глостер

Я рад тебя приветствовать, кузен! Устал с дороги? Что-то грустен.

Принц Уэльский

Я не сказал бы. Путь хоть и занял дни, но тягостней прибытие мне было. Ужель ты здесь один из всей родни?!

Глостер

Ты молод, принц, и вряд ли искушён в перипетиях жизни здешней. Людей она обманчивая внешность. Лишь Богу ведомо о том, что мог в себя вместить бы этот дом. От встреч со злобною роднёю тебя для жизни новой Бог уберёг, от вероломства спас. Все узнают друзей в урочный час!

Принц Уэльский

О, Боже! Утоли мои печали! Как помню, зла они мне не желали.

Глостер

Мэр Лондона с поклоном к вам идёт.

Входит лорд-мэр со свитой.

Лорд-мэр

Король да будет Господом храним, как и во благе всем нам жить под ним!

Принц Уэльский

Приёмом тёплым тронут от души. (*к свите мэра*) И вам в любви, доверии к нам жить. (*Лорд-мэр со свитою уходит*) Надеялся, что с братом мать придут меня любимого встречать. Их Гестингс мог бы известить, что скоро буду.

Входит Гестингс.

Бекингем

А вот и он. Как лёгок на помине! Знать, гнал, что запыхался весь и взмок.

Принц Уэльский

Приветствую вас, лорд! Где королева-мать?!

Гестингс

Сам ничего не в силах я понять. Она укрылась в храме с юным принцем. Со мною к вам пойти не пожелал. Мать не пустила. За него боится.

Бекингем

До неприличия всё это как-то странно! Лорд-кардинал, идите к королеве и скажите, что герцог Йорк обязан к брату выйти. А будет препираться, с дитём своим не пожелав расстаться, себе позвольте силу применить.

Кардинал

Светлейший Бекингем когда б позволил, я королеву словом уломал, хоть голос мой и слаб, и мал. Но упаси нас Бог поправить его чертог! А

на душу греха, упрётся коли, я не возьму: то против Божьей воли.

Бекингем

Вы то ли суеверны, то ль упрямы, милорды! Тоже драма! Хотя у приверженцев спросите старой веры, нет в том греха, чтоб принца привести. Тому есть и в истории примеры. Убежище к чему, скажите, принцу? Кого ему бояться здесь, таится? Изъяв его из храма, ничьих не оскорбите прав. С годами набирает силу нрав.

Кардинал

Милорд, меня вы убедить сумели. Лорд Гестингс, вы б со мной по смели?!

Гестингс

Пожалуй, кардинал. Не откажусь.

Принц Уэльский

Вас с нетерпением буду дожидаться. *(Кардинал и Гестингс уходят)*
Дано ли знать мне, дорогой мой Глостер, до коронации где с братом будем жить?

Глостер

Где пожелать изволите, мой сударь! По мне вам лучше б в Тауэре быть: там дух перевести и присмотреть себе дворец. Я это говорю вам, как отец.

Принц Уэльский

А Тауэр для нас не мрачноват? При Цезаре ещё заложен, да и не век назад.

Глостер

Он заложил. Закончен замок позже.

Принц Уэльский

О том, как возводилось это зданье, известно только из преданья?

Бекингем

В предании всё выглядит сурово.

Принц Уэльский

А в древних книгах нет о том и слова. Потомкам знать то было б инте-

ресно.

Глостер *(про себя)*

У тех, кто глуп, всегда короче песня.

Принц Уэльский

Вы что-то говорили, не расслышал?

Глостер

История преданиями дышит. *(про себя)* Кто как поймёт, того я знать – не знаю. О чём я грежу, то и изрекаю.

Принц Уэльский

Кузен наш Бекингом хотел тебе сказать, что в славе жить – умом своим блистать. Гай Юлий Цезарь подвигами славен. Смерть забирать к себе таких не вправе.

Бекингом

Чего к своим достоинствам привить бы желал сегодня юный наш правитель?

Принц Уэльский

На Францию я двину, возмужав, отъявшую землю британских. Вернусь с победою или паду по-царски.

Глостер *(про себя)*

У весны, идущей ярким светом, короткое лето.

Входят малец герцог Йоркский, Гестингс и кардинал.

Бекингом

А вот и герцог собственной персоной.

Принц Уэльский

Как поживает мой малыш, мой Ричард, брат?

Герцог Йоркский

Тебя приветствовать, наш повелитель, рад!

Принц Уэльский

Прискорбно, милый брат, что тот угас, кто одарил высоким смыслом

нас. Так будем пребывать с тобой в надежде, что и придётся править тут, как прежде.

Глостер (*к маленькому принцу*)
Могу ли знать, как поживает герцог?

Герцог Йоркский
Ты говорил, как в рост чертополох. Меня брат старший в этом перемог.

Глостер
Тебя, признать я должен, он повыше.

Герцог Йоркский
По-твоему, мы – просто сорняки?

Глостер
От дерзости твоей другой бы скис.

Герцог Йоркский
Ты и любить нас, что ли, перестал?

Глостер
Душа чиста. Ты просто родич близкий мне, кузен. А брат твой старший, мне он – суверен.

Герцог Йоркский
Ты б, дядя, подарил мне свой кинжал.

Глостер
Тебе он приглянулся? На, бери!

Принц Уэльский
Когда ты только научился кланяться?

Герцог Йоркский
Нельзя заполучить его иначе.

Глостер
Кузену запал на эту на игрушку? Его отдам за милую я душу!

Герцог Йоркский

И меч отдашь, коль очень попрошу?

Глостер

Тебе тяжёл он будет. Поношу.

Герцог Йоркский

Ты, дядя, видно, щедр на всё, что мало весит.

Глостер

Мой меч тебя, малыш наш, перевесит. Ты, что, и впрямь, носить мой меч лелеешь?!

Герцог Йоркский

Держал в руках мечи потяжелее.

Принц Уэльский

Шутить пострел наш никогда не бросит, а дядя Глостер их покорно сносит.

Герцог Йоркский

Мой старший брат вышучивает вас. Я хоть не больше обезьяны ростом, а вот на плечи взять меня не просто.

Бекингом

Малыш и впрямь горяч на язычок. Ему попрёки наши нипочём. Не по годам умён и как сметлив! Имеет над собой трунить мотив.

Глостер

Принц, с лордом Бекингом мы к вашей матушке идём – просить, чтоб в Тауэр пришла приветить вас. А вы туда пока идите и нас там ждите.

Герцог Йоркский

К чему нам в Тауэр идти, мой старший брат?!

Принц Уэльский

Придётся делать, что нам говорят.

Герцог Йоркский

Мне в замкнутом пространстве плохо спится.

Глостер

Чего пугливый наш малыш боится?

Герцог Йоркский

Что дядя герцог Кларенс там зарезан, я знаю с бабушкиных слов. Там
тень его и нам не видеть снов.

Принц Уэльский

Я не привык бояться мертвецов.

Глостер

Вам и живых не должно опасаться.

Принц Уэльский

Оно и правда. В путь пора пускаться, хоть и пугает Тауэр громадой.
Но коли надо, братец, значит, надо.

Бекингем

Сынок дерзить не матерью ль обучен? Уколов явных шуточки не
лучше.

Глостер

Светлейший, что и говорить, вы правы. Ум рода перенял и нравы.
Куда хитрее он, чем старший брат. Пошёл в породу матери до пят.

Бекингем

До времени помедлим, до поры.

Входит Ктисби.

Бекингем

Сюда поди-ка, Ктисби, добрый друг. В доверенных введён ты нами
круг. Ты клялся свято тайны тайн хранить и быть нам верною подмо-
гой. Коль посвящён, скажи мне, ради Бога, будь Глостер возведён на
трон, по всем статьям достойный герцог, посмеет ли наш Гестингс
упереться, на то своё согласие не дать?!

Ктисби

Был предан прежнему правителю, как знаю. И вряд ли принца супро-
тив пойдёт.

Бекингем

А Стенли? С нами иль куда пойдёт?

Ктисби

Как знаю, смотрит Гестингсу он в рот.

Бекингем

С тебя довольно. К Гестингсу спеши, сомнений наших узел развяжи. Издалека прощупывать начни. Как отнесётся к нашей он идее? И что намерен будет делать? Да в Тауэр придёт пусть на совет. И на коронованье намекни. Легонько к мысли нашей подтолкни. Насторожится – прекрати беседу. О разговоре жду тебя к обеду. И помни, наш бесценный друг: нам без твоих не обойтись услуг!

Глостер

Привет мой лорду Виллиаму передай, заверь – в Помфретском замке завтра прольётся кровь его врагов. Пусть поцелуем мистрисс Шор одарит...

Бекингем

Да поскорее, Ктисби, обернись.

Ктисби

Поставлена моя на карту жизнь!

Глостер

Ты думаешь, что к ночи дашь ответ?

Ктисби

А выхода у нас другого нет.

Глостер

Знай, что ответа в Кросби будем ждать.

Ктисби уходит.

Бекингем

Лорд Гестингс заартачиться не может? Тогда Господь нам разве что поможет.

Глостер

Нам будет мало головы его лишить. Мне в короли бы надо поспешить.

Моя британскою короной увенчана как будет, голова, на графство Гирфорд предъяви права: всё, чем владел правитель наш покойный, тебе перепадёт, друг, преспокойно.

Бекингем

Мне обещаний щедрых не забыть, у ваших ног вассалом вечным быть!

Глостер

Сам буду рад, что обещал, исполнить, но и об ужине неплохо б с вами помнить.

Уходят.

Сцена 2

Утро. Перед домом лорда Гестингса. (входит гонец)

Гонец *(колотит в дверь)*

Я к вам, милорд, прошу, откройте!

Гестингс

Кто там стучит? Кого там принесло?

Гонец

От лорда Стенли вам посланье.

Гестингс *(из-за двери)*

В такую рань? Который час?

Гонец

Сейчас пробьёт четыре, сударь.

На пороге появляется Гестингс.

Гестингс

Хозяин твой никак утратил сон.

Гонец

Сперва милорду шлёт он свой привет, а там и к порученью ждёт ответ.

Гестингс

И что ещё поручено сказать?

Гонец

Ещё мне велено вам, сударь, передать, что нынче ночью вепрь ему приснился, клыками с головы был сорван шлем. И передал, что ждут вас на совете, где ждут присутствия известных лиц – принять решение. Тревогою объят, бежать границ он приглашает вас. Как бед набегает чует каждый час.

Гестингс

Вертайся к господину своему. Не раз мы в тех советах заседали. Там Ктисби, верный друг. Грози опасность, все бы мы точно знали. Страшиться смысла никакого нет. Подумаешь, ещё один совет! А с вепрем сон – за зверем значит гнаться! Его, дразня, возможно лишь бояться... Пусть Стенли сам пожелает сюда. Отсюда в Тауэр отправимся мы вместе. Там вепря и удостоимся мы чести.

Гонец

Милорд, всё – слово в слово – передам.

Убывает. Появляется Ктисби.

Ктисби

Приятный день, мой благородный лорд!

Гестингс

Сегодня ты проснулся что-то рано. Что нового в отечестве, поведай.

Ктисби

Трон пошатнулся в государстве нашем. Пока венцом наш Глостер не увенчан, как разумею, жить не станет легче.

Гестингс

Надеюсь, речь идёт не о короне.

Ктисби

О ней, о ней. О Глостере на троне.

Гестингс

Пока я жив, да ни за что на свете! Не на неё ли, думаешь, он метит?!

Ктисби

Что будет избран королём – уверен. Мне это сообщить тебе доверил. Сказать велел, что все твои враги, вся королевская родня не проживут в Помфрете даже дня...

Гестингс

Враги врагами. В обход наследника прямого помочь на трон мне Ричарду взойти?! Покуда жив, мне с ним не по пути! Да видит Небо!

Ктисби

Иначе б ты самим собою не был. Я за тебя молиться буду Богу, тебе чтоб в грозный час он был в подмогу.

Гестингс

Кто зла желал мне, кончили все плохо. Ну и досталась же с тобою нам эпоха! Я думаю, недели не пройдёт, и снова чья-то голова падёт.

Ктисби

Кто к смерти не готов, её не ждёт, нетвёрдым шагом на неё пойдёт.

Гестингс

Подумать только! Рейверс, Воган, Грэ... Не ждать пощады, думаю, и тем, кто мыслит, будто защищён. И герцог Глостер с лордом Бекингемом друзей недосчитаются ещё.

Ктисби

Ты у обоих герцогов в почёте. *(про себя)* На Лондонском мосту башке твоей – в пролёте!

Гестингс

Я службой честной дружбы их достоин.
Входит Стенли.

Гестингс *(к Стенли)*

Явился без рогатины, дружище? Иль дикий вепрь тебя уже не ищет?!

Стенли

Тебя я, Ктисби, видеть крайне рад. Трунить, бесспорно, бесконечно можно, но два твоих совета просто ложны.

Гестингс

Я, Стенли, тоже жизнью дорожу. Опасностей лихих предвидя жуть, весёлость бы свою давно утратил.

Стенли

Пустившиеся в Помфрет, в путь, не ждали, что случится с ними. Опалы скорой их накрыло нимбом. Ночные страхи не были ль напрасны?! Нам в Тауэр пора: нельзя опаздывать.

Гестингс

Успеется. А те, кого упомянули вы, лишились в Помфрете сегодня головы.

Стенли

Тем, кто сгубил их, не мешало бы сейчас со шляпой головы снести кочан.

Входит рассылный.

Гестингс

Меня не ждите вы, идите. С рассылным только разберусь. (*Стенли и Ктисби уходят*) Ну, как дела твои идут, счастливец?

Рассылный

Ко мне я вашим интересом горд, милорд.

Гестингс

Когда мы виделись в последний раз, меня в тюрьму вели как раз. От ближнего от круга королевы я пострадал. Порочивших меня теперь на свете нет. И мне намного слаще белый свет.

Рассылный

Подобных той и да избежь вам бед!

Гестингс

Возьми себе монетку на обед. (*суёт ему деньги*)

Рассылный (уходя)

Милорд, премного благодарен!

Входит священник.

Священник

Я к вам, милорд, вас навестить пришёл.

Гестингс

Сэр Джон, с тобой мне хорошо. Должок перед тобой за прошлый раз. Сочтёмся в воскресенье иль сейчас?

Появляется Бекингем.

Бекингем

Лорд-камергер о чём с отцом святым? Священник нужен тем, кто в Помфрете лежит. А вам, милорд, быть здраву надлежит.

Гестингс

Священника узрев, о том подумал сам. Вы тоже в Тауэр? Ну точно, по часам.

Бекингем

И без меня там начинают пусть. Я ненадолго, я сейчас вернусь.

Гестингс

А я останусь в замке на обед.

Бекингем *(про себя)*

Похоже и на ужин тоже. Нам пора.

Гестингс

Светлейший, я готов, лорд-камергер двора.

Уходят.

Сцена 3

Помфрет. Площадка перед замком. Под стражей у Ратклифа осуждённые на казнь Рейверс, Воган и Грэ.

Ратклиф

Что возитесь? Скорей их выводите!

Рейверс

Сэр, Ричард Ратклиф, очи долу, я гибну, присягнув престолу!

Грэ

Когда б наследников Господь от вас избавил! Уж он-то вправе!

Воган

Разносчики вселенских бед! Отправят вас, надеюсь, нам вослед.

Ратклиф

Вам головы б держать повыше! Срок жизни вашей, как пойму я, вышел!

Рейверс

О, Помфрета проклятые застенки! Здесь Ричарда Второго дух угас. В твоих преступных стенах мы сейчас горячей кровью твой позор омоем.

Грэ

Проклятья Маргариты взвились роем над нами, кто свидетель был тому, как Эдуарда, сына королевы, проклятый Глостер заколол.

Рейверс

И Бекингом тогда был проклят ею. И Гестингс с Глостером пошли под град проклятий. О, Боже, выжить дай сестре и царственным её потомкам! Судьбу свою ты нашей кровью скомкал. Сам знаешь, что за нами нет вины!

Ратклиф

Довольно будет! Вдоволь накричались.

Рейверс

А мы б перед кончиною обнялись... До встречи там! Вы, Ратклиф, просчитались.

Перевод с английского Ашота Сагратяна

ПРОЗА

СОВРЕМЕННАЯ ИСЛАНДСКАЯ МАЛАЯ ПРОЗА

ОУЛАВУР ГУННАРССОН (род. в 1948 г.)

Оулавур Гуннарссон – поэт, переводчик, драматург, но больше всего известен как романист. В своих произведениях он часто обращается к историческим событиям. Его роман «Топор и земля» (*Óxinn og jörðin*, 2003), посвященный судьбе казненного в 1550 году последнего католического епископа Исландии, был удостоен Исландской литературной премии. За глубокий психологизм его произведений критики иногда называют О. Гуннарссона исландским Достоевским. В данной подборке он представлен мини-рассказом, посвященным памяти Андрея Тарковского. По сути это короткая зарисовка в духе творений легендарного русского кинорежиссера, она открывает вышедший в 2011 году сборник малой прозы писателя (*Meistaraverkið og fleiri sögur*) и задает тон остальным 14 рассказам книги. Произведения О. Гуннарссона переведены на многие языки. На русском языке уже публиковался один рассказ этого автора в переводе Ольги Маркеловой (журнал «Переводчик». – № 13. – 2013).

ПРЕЛЮДИЯ

Памяти Андрея Тарковского

Осень 1938 года. Моей сестре Элизабет 5 лет. А до моего появления на свет – еще целых десять.

Элизабет играет на улице, когда ее окликает мать и посылает в магазин за продуктами. Список того, что нужно купить, написан на листочке бумаги. Пока продавец собирает нужное в пакет, девочка замечает лежащую под стеклом на прилавке шоколадку за двадцать пять эйриров¹. Но купить ее, не спросив разрешения у матери, она не осмеливается. Вернувшись домой, Элизабет вручает матери пакет с покупками и спрашивает, можно ли ей опять пойти в магазин и купить шоколадку. Но мать не разрешает.

Элизабет возвращается на улицу и принимается за свою игру, но шоколадка не выходит у нее из головы – она выглядела такой вкусной! Девочка снова идет к матери, но та ей снова отказывает.

¹Разменная монета Исландии, равная 1/100 исландской кроны (прим. переводчика).

Элизабет играет на улице с лопаткой и ведерком. Мысль о шоколадке становится навязчивой идеей. Девочка снова и снова подходит к матери и просит у нее двадцать пять эйриров, но с каждым разом мать становится все неуступчивей: у них совсем мало денег, и Элизабет должна это понимать, она уже достаточно взрослая, чтобы понимать это – ведь ей уже целых пять лет!

Элизабет играет на тротуаре, черпая песок в ведро. Начал моросить дождь. Хотя улица и не мощеная, между дорогой и тротуаром прорыта канавка для оттока воды. Элизабет строит в ней запруду. Вода бурлит, с силой устремляясь вниз по наклонной улочке, и сколько бы девочка ни сыпала в канавку песка, вода неизменно берет верх, пробиваясь сквозь ее плотинку. Элизабет так хочется шоколада! Никогда в жизни ей ничего так не хотелось!

И тогда она замечает идущего по улице человека. Это пожилой мужчина. У него в руке – упакованная в белую бумагу шоколадка. Он подходит к Элизабет, берет ее на руки и слегка касается лицом ее щеки. Она прижимается к нему. У нее мокрые волосы и щечка – прохладная от дождя. Человек этот – я, ее брат. Мне это снится, но она этого не знает. Впрочем, я тоже этого не знаю, потому что сплю. Мне – далеко за шестьдесят, а она сама – уже давно умерла.

Перевод с исландского Натальи Демидовой

КРИСТИН МАРЬЯ БАЛДУРСДОТТИР (род. в 1949 г.)

Кристи́н Ма́рья Ба́лдурсдо́ттир известна прежде всего своей прозой. Главными героями всех ее произведений являются женщины со сложной судьбой. К. М. Балдурсдоттир – великолепный стилист, в ее текстах буквально каждый слог подобран с учетом созвучия и ритма, и это придает им особую певучесть и образность. Произведения К. М. Балдурсдоттир не раз удостоивались литературных премий, а в 2012 году за выдающиеся заслуги в области литературы она была награждена исландским Орденом Сокола. Ее книги переведены на многие языки мира, однако на русский язык никогда раньше не переводились. Тем не менее, российским поклонникам исландской культуры ее имя может быть знакомо в связи со снятым по ее роману фильмом «Чайки кричат» (*Mávahlátur*). Этот фильм не раз демонстрировался в России с русскими субтитрами.

ТИХИЙ ЧАС

Сестры облачились в передники – им предстояла заготовка на зиму варенья. Спелая красная смородина терпеливо дожидалась своей участи в расставленных на кухонном столе мешочках и мисках, и сестры обводили ее оценивающими взглядами, прикидывая, сколько бы ее могло быть на вес.

– Килограмм двадцать, – наконец сказала моя мать, – значит, банок пятьдесят выйдет.

– Нет, пятьдесят пять выйдет, – ответила моя тетка, которая всегда называла меня «малой».

Сестры никогда и ни в чем не соглашались друг с дружкой, однако уже давно свыклись с таким положением дел и не позволяли разнице во взглядах стать помехой для их ежегодной заготовки варенья. Утром запланированного под варенье дня тетка являлась к моей матери, и они, вооружившись мисками и мешочками, выходили в сад, где до самого полудня без суеты, но быстро орудуя руками, собирали с кустов ягоды. После чего приступали к варке и раскладыванию по банкам варенья, а заканчивалось все это уже ближе к ужину. На кухню же в это время никто и носа сунуть не осмеливался.

Сестры пересчитали открытые, ожидающие наполниться красным варевом банки, расставили вокруг плиты пузатые сахарные пакеты и сняли крышку с огромной старой стальной кастрюли, еще стоявшей холодной на краю плиты. Все было готово к действию, и они прокашливались и прохмыкивались, словно прихожане в церкви перед службой. Мать налила в чашки кофе, тетка добавила сливки, и они, встав бок о бок с чашками в руках, глядели сквозь кухонное окно на издыхающее на улице лето. Смородиновые кусты после сбора ягод выглядели жалкими оборванцами, и сестры с гордостью любовались своей работой. Затем поправили друг на дружке передники.

– Вот мы всегда в этих передниках, ты в зеленом в красный горошек, а я – в красном в зеленый, – начала моя мать. – Твой-то, он больше похож на осеннюю смородину, потому что горошек у тебя красный по зеленому. А я еще помню, когда мы их купили – двадцать пять лет назад! Тогда в каком-то магазине в центре была распродажа, и мы подумали, что это была нужная покупка, потому что как раз собирались закрывать смородину. Наши смородиновые передники...

– А я тоже тот день помню, – сказала тетка. – Мы тогда еще со всей нашей ребятней были: ты с малым в коляске, а доча твоя за коляску держалась, а я вела своих троих – уж не помню, как у меня это получалось. Так и ходили мы гуськом друг за другом по всем магази-

нам и ничего не купили – одни только эти передники, потому что денег у нас тогда не было. Вот уж оптимистки-то были! Собирались ягод на варенье набрать – это с твоих-то кустов! Они тогда совсем малюсенькие были.

– Ну, дак хотелось поддержать домашнее хозяйство заготовкой, а у нас и пустых банок-то под варенье не было, помнишь? Мы их у мамы одолжили. Сколько у нас тогда получилось? Четыре банки?

– Да нет, пять.

– Пять вышло? Ну-ну, зато вот передники пригодились. Оно, может, и не удивительно, что мы теперь почти не пользуемся ими. Женщины нынче вообще передников не носят.

Сестры поставили пустые чашки в раковину, придирчиво, как школьницы, оглядели друг дружку, поправили оборки и крепче подтянули завязанные сзади бантами лямки.

Кран был открыт все время, пока они мыли ягоды, и шум воды сливался с их голосами. В гостиную доносилось звяканье мисок и бряцанье банок, но вдруг внезапно, на едином слове, разговор оборвался, и воцарилось молчание.

– Коньяк?! – наконец послышался голос матери.

– Да, коньяк! Мне тут недавно сказали, что лучше всего стерилизовать банки коньяком. А по мне так оно тоже лучше, это ж невозможно их все время кипятком ошпаривать. Как достанем их из посудомойки – плеснем в них коньяка вместо кипятка. И не нужно будет тогда столько воды кипятить, а одну порцию коньяка можно на несколько банок использовать.

– Мы никогда не пользовались коньяком. Да он и дорогущий!

– Вот сейчас и попользуемся. Коньяк убивает микробы.

– И кипятком убивает.

– Коньяком не ошпаришься! Не будь такой упрямой, иногда полезно попробовать что-нибудь новенькое. Вот мы сейчас и попробуем. Я все равно с собой бутылку принесла.

Тетка вытащила из своей сумки фигуристую бутылку. На кухне было тихо, пока сестры вдыхали поднимавшийся из горлышка аромат.

– Это хороший коньяк, – самодовольно шепнула тетка. – Неси стаканы, я хочу, чтоб ты попробовала.

Они приняховивались и причмокивали, смакуя коньяк, отпивали редкими крохотными глоточками, разглядывая бутылку, привалившись боком к кухонному столу и скрестив на груди руки.

– У нас точно банок пятьдесят получится.

– Нет, дорогая моя, их выйдет не меньше шестидесяти!

Сестры допили из стаканов и осторожно отставили их в сторону.

– Я поставлю мой здесь, возле тостера, – сказала тетка.

Они плеснули понемногу коньяка в несколько пустых банок, закрыли их крышками, хорошенько потрясли, перелили тот же коньяк в другие банки, закрыли, потрясли, согласились, что да, действительно совсем другое дело, что не надо возиться с кипятком, и снова наливали и трясли.

Ягоды взвесили, три килограмма исчезло в большой стальной кастрюле, одна из сестер высыпала туда же три пакета сахара, в то время как другая помешивала в кастрюле большой деревянной ложкой.

Потом включили плиту и приступили к варке.

Готовое варенье процедили через сито в большую миску, оценили на цвет, вкус и, наконец, разлили по проконьяченным банкам.

И церемония повторилась: они наливали, трясли, взвешивали и мешали – и весело бурлило в старой стальной кастрюле.

А у кастрюль есть уши.

– Как там у малого успехи в университете? У него ведь утром какой-то экзамен был? – спросила тетка.

– Да, ему нужно было сейчас, осенью, сдать один экзамен – весной-то он уж слишком загружен был. Он сказал, что хорошо сдал – пришел домой в обед, когда ты еще во дворе была. Ты не видела, когда он пришел? Он сразу в гостиную пошел. Я думаю, он отдохнуть там прилег, бедняга. Всю ночь к экзамену готовился. Да он все лето толком не спал. С утра пораньше шел в библиотеку и сидел над книгами, а домой являлся уже после ужина. Мне все время приходилось разогревать ему, а он поест, и опять к себе в комнату – заниматься. Но это у всех студентов в медицинском так – иначе им экзамены ни за что не сдать.

Тетка слушала, энергично мешая в старой кастрюле.

– Он такой способный, твой малой, – сказала она наконец. – Куда способней, чем дочка. Вот уж верно говорят, что яблоко от яблоньки недалеко падает. Его отцовская родня известна своими способностями.

– Не мешай так сильно! – вдруг сухо отчеканила мать. – Нужно мешать потихоньку и крест-накрест! А что способности у него от меня, тебе никогда в голову не приходило? Я вот читала в газете, что способности к детям от матерей переходят, а не от отцов. Отцы к этому вообще никакого отношения не имеют.

В старой стальной кастрюле никак не закипало, тетка сунула туда нос и в раздумье уставилась на ягоды:

– Читала, значит, ага... Что-то я никогда раньше не замечала у тебя тяги к чтению. Потому и трудноვაо сыновние способности к тебе отнести. К тому же, как мне помнится, ты сама школу-то в семнадцать лет бросила.

Банка с коньяком дрожала в руках моей матери.

– Мне пришлось бросить, потому что я тогда уже дочкой была беременная. И тебе, дорогуша, не обязательно мне об этом напоминать!

– Ну, ладно-ладно, это я пошутила. Слышь, а там в термосе-то еще кофе осталось? Давай еще по чашечке, да с коньячком! Где твой стакан?

Сестры снова налили себе по чашке кофе, отыскиали свои стаканы, плеснули в них коньяка, втянули носами аромат, пригубили, посмотрели в окно, а потом с удовольствием пересчитали уже наполненные, но еще стоявшие открытыми банки – от красной жижи, которая, остывая, должна была превратиться в желе, все еще поднимался пар.

Тетка поправила лямки материного передника, расправила забившуюся под лямку оборку, поддернула обвисшие от времени карманы.

– Теперь редко бывает, что женщины до двадцати лет обзаводятся двумя детьми, как у тебя было. Теперь они раньше тридцати и не начинают. А ты была хорошая мать, хоть и молодая. Да и то не лишне, что Кáлли твой работающий был – умел деньги зарабатывать, хоть и без образования совсем, да и без талантов особых, если уж так разобраться. Немногие женщины в двадцать лет могут похвастаться таким большим домом, как у тебя. Я бы за моим до сих пор замужем была, если бы он умел зарабатывать, как твой Кáлли. Ясное дело, нелегко двадцати лет от роду нянчиться с двумя детишками. Не удивительно, что тебе не до учебы было.

– Да у тебя у самой в двадцать пять уже трое было.

– Ну да, ну да. Только прежде чем обзавестись моим первым, я аттестат получила, а это все дело меняет – можно учебу и позже продолжить.

– Ты забыла включить плиту!

– Ах, вот оно что! А я-то думаю, чего не закипает?

Тетка поставила стакан у тостера, поправила затянутые бантом тесемки, включила плиту и приготовилась мешать, но мать оттолкнула ее от кастрюли, отобрав ложку:

– Я сама помешаю, а ты иди мой ягоды и стерилизуй банки этим своим коньяком!

Тетка удивленно уставилась на мать:

– Но всегда мешаю я.

– А теперь мешать буду я!

– Ну, как хочешь, твоя кухня...

Мало-помалу варево в большой стальной кастрюле стало снова оживать. В воцарившемся долгом молчании доносящиеся из кастрюли звуки действовали убаюкивающе, и у меня в гостиной братишки Сон и Бодрствование затеяли потасовку...

Тетка резким движением открыла кран, вода с грохотом застучала по раковине, ягоды запрыгали, увертываясь от острой струи, и, стучаясь друг о дружку, зазвякали пустые банки. В стальной кастрюле начало побулькивать.

Наконец, тихонько присвистнув, тетка нарушила молчание:

– Нет, ну, ты можешь быть довольна своим малым, он вашей гордостью будет.

Мать, оставив в кастрюле ложку, с напряженно выпрямленной спиной повернулась к большой миске и принялась черпать в проконьяченные банки ягодное варево, не заботясь о том, что оно переливалось через края:

– Прекрати называть его малым!

– Ну? А что такое? Его всегда звали малым.

– Никто не называет его малым, только ты! Говоришь: «мал-л-лой!» – и прямо смакуешь эту «эл», чтобы его принизить. Это тебя зависть гложет. Потому что твои-то дети – непутевые! Во всех забегах завсегда!

На последние слова матери тетка отреагировала мгновенно. Она крутанулась на пол-оборота, вцепилась в грудку материнского передника и завопила ей прямо в лицо:

– Ты моих детей хаять не смей! У них, может, и не все гладко, но они ко мне лучше относятся, чем твои к тебе. Мои дети мне помогают, а твои только: «дай-дай»! И кто это тут рассуждает о том, как мои дети развлекаются? Не та ли, что до того, как забеременеть малым, все ночи напролет на гулянках плясала да с парнями кокетничала! А муж – в командировке! А дома – дите малое! Которого я нянчила!

– Отпусти передник, старая кляча!

И мать треснула сестру поварешкой по голове. Предназначавшаяся банкам приторно-сладкая кроваво-красная жижа выплеснулась тетке на голову и мощными струйками устремилась вниз, за воротник

ее кофты. Тетка от изумления и злости вытаращила глаза. Какое-то мгновение было неясно, отступит она или решит нападать, потом ее мозг, видимо, выдал команду на атаку, она схватила со стола полную банку и опрокинула ее содержимое на голову матери. Та жалобно вскрикнула, когда горячее желе припекло ей спину.

Как только противник ответил на выпад моей матери, началась битва. Банки опорожнялись одна за другой до тех пор, пока передники на них обеих сплошь не покрылись кроваво-красными пятнами. А в старой стальной кастрюле кипело и булькало, ягоды вздувались и с шипением, как извергающийся вулкан, выталкивали на поверхность сахарную пену.

– Я, кажется, обварилась, – вдруг сказала моя мать.

– Подставь руку сюда, под воду, – ответила ее сестра.

Они молчали, пока струя воды охлаждала руку.

– Думаешь, это серьезно? – заботливо спросила тетка.

– Да нет, чуть-чуть в мизинце печет. Я только, кажется, пятно на передник посадила – вот что жаль. Мне уж он как-то и дорог...

Тетка нагнулась, внимательно осмотрела передник своей сестры и, потыкав в пятно средним пальцем, решительно выпрямилась:

– Это отстирается, не волнуйся. А я вот подумала, что мы тут о малом говорили... Я больше не буду называть его малым, обещаю. Кто ж называет будущего врача «малой»? Но вот скажи мне, сестричка моя дорогая, а он сам-то хоть знает, кто его настоящий отец?

Перевод с исландского Натальи Демидовой

СЬОУН (род. в 1962 г.)

Сьюн (наст. имя Сигурйон Биргир Сигурдссон) любим и популярен как в Исландии, так и за ее пределами – его произведения уже переведены более чем на 20 языков мира. Сьюна можно назвать литературным мастером на все руки. Из-под его пера с одинаковой легкостью выходят самые разноплановые произведения – от стихов и драматической прозы до киносценариев, пьес и оперных текстов. Сьюн не раз удостоивался престижных литературных премий, в том числе премии Совета северных стран – за роман «Скугга-Балдур» (*Skugga-Baldur*, 2003) и Исландской литературной премии – за роман «Лунный камень: юноша, которого не было» (*Mánasteinn: drengurinn sem aldrei var til*, 2013). Его произведения никогда не издавались на русском языке.

ИЗ ЦЕПЕЙ

Лето 1953 года. Под низким облачным молочно-серым небом спокойную морскую гладь бороздит черное судно. Короткий узкий корпус судна залегает глубоко в воде, из высокой, красной с белым, трубы густо клубится белый пар, а в корзине на верхушке фок-мачты сидит юнец и бдительно озирает раскинувшееся перед ним морское пространство.

Это новенький флагман исландского китобойного флота «Китобой 5». На его полубаке стоит гарпунщик Самсон Эгильссон и готовит пушку к лову. Он закрепляет в глазке гарпуна линь и уже начинает плотной бухтой укладывать его у основания пушки, когда в окне капитанской рубки появляется сам «дед» и кричит:

– Самсон! Ты стал папой!

– Аллилуйя! – Самсон выпускает из рук линь, сжимает кулаки и наносит воображаемому противнику молниеносный апперкот справа. Но прежде чем Самсон успевает прокричать в ответ капитану и спросить, кто родился, юнец в смотровой корзине вскакивает на ноги и вопит:

– Кит!! Десять часов!

Бесшумный паровой движок врубается на полную мощь, и судно в мгновение ока разворачивается по борту в стрелковую позицию. Гарпунщик Самсон бросается к прицелу пушки, зорким взглядом ощупывая влажно колышущийся перед ним охотничий полигон. И хоть зрачки его в любую минуту готовы сузиться и превратиться в две блестящие дуги – точно как та китовая спина, что вот-вот должна коснуться напоенного кислородом надводного мира, мысли Самсона витают где-то возле мягкого бюста супруги – там, где сейчас уютно посапывает их первенец.

Интересно, парень это или девчонка?

На поверхности показывается кит. Это крупный горбач – на глаз футов пятьдесят. Самсон принаикает к прицелу, однако навести пушку не успевает, и кит снова уходит под воду, но это не беда, потому что теперь, напав на китовый след, они будут преследовать его до самой его последней минуты.

Наконец у поверхности снова забурило. Самсон добавляет в суставы мягкости, чтобы привести в согласие все движения: покачивания человека и корабля, покачивания корабля и моря, покачивания человека и кита. И вот китовая спина разрезает морскую поверхность, выпускает фонтан и плавно заруливает в прицел. В черно-блестящем

китовом глазу одинокий сверкающий прочерк — словно падающая по ночному небосводу звезда.

Самсон нажимает на гашетку. Гарпун устремляется к своей жертве, увлекая за собой линь, со свистом срывающийся с уложенной плотными кольцами бухты, а Самсон замирает на вдохе до тех пор, пока оружие, прорубив кожу зверя и раздвоив драгоценный жир, не утопает в его плоти. В этот момент горбач выдыхает — спешно и мощно, бьет плавником и, с силой рванувшись, уходит под воду. На этом работа гарпунщика закончена, и он с облегчением выпускает из легких воздух.

Внизу, из-под тщательно уложенной линейной бухты, на палубу выбивается петля — она оказалась там, когда Самсон услышал о рождении своего первенца. В самой середине этой петли стоит нога Самсона — она оказалась там, когда прокричали, что по левому борту показался кит. Дела же теперь обстоят так, что раненому киту некуда спасаться, как только в морскую пучину, и он уходит в глубину, унося за собой оставшийся в бухте линь, и когда этот линь весь вытравится, то натянется так, что судно накренится набок.

В тот момент, когда гарпунщик с облегчением выдохнул, перед его глазами снова всплыл образ супруги на ее послеродовой постели, но теперь видение было настолько четким, что не осталось никаких сомнений: новорожденное дитя на ее руках было мужеского рода. И ясновидящий отец, обернувшись через плечо, прокричал капитану в окно рубки:

— Передай им, чтобы его назвали Лео Тор!

И только он это произнёс, как линь натянулся с такой силой, что выбившаяся из бухты петля, подпрыгнув вверх и затянувшись вокруг Самсонова колена, одним махом перекусила ногу надвое. С ударом, сопутствующим распрямлению петли, гарпунера будто кто с неимоверной силой треснул сзади в правое плечо: он крутанулся вокруг собственной оси, развернулся лицом к своим товарищам-китобоям, и последнее, что он увидел, вылетая за борт, — это удивление на их лицах.

Самсон Эгильссон так никогда и не узнал о здоровье своего сына, которому он дал имя Лео, или лев, — в надежде, что это имя вдохнет в его грудь благородной храбрости, и Тор — в честь своего деда, да еще в честь могучего и воинственного скандинавского бога, а дитя родилось таким крошечным, что первые недели его держали уложенным в лучших сортов гагачий пух и кормили через пипетку. Другая странность была в том, что у мальчонки на груди и животе, равномерно расположившись, сидели четыре вполне развившихся соска, а под

ними угадывались еще пятый и шестой – в виде двух слабых пятнышек...

На полубаке, возле пушечной подошвы, лежала нога пушкаря.

Впервые о Лео Торе народ узнал из короткой заметки, опубликованной в крупнейшей в стране газете «Моргунбладид», в разделе «О людях». Корреспонденту газеты было поручено посетить кеплавикскую¹ фабрику по производству рыбной муки и написать о ее современном и высокопроизводительном оборудовании, а особенно корреспондента поразил 23-метровый барабан, потому как штукавина эта поистине была способна смолоть-стереть за раз огромнейший косяк мойвы, да так, что когда из барабана серовато-розовым песком сыпалась готовая мука, ни за что невозможно было представить, что совсем недавно это были тысячи серебряных иголок из рыбьей плоти и крови.

Так вот, в этой командировке газетчик и обратил внимание на невысокого, но с могучим размахом плеч подростка, который вместе с тремя другими рабочими отгружал от расфасовочной машины наполненные рыбной мукой мешки. Каждый мешок весил 250 кило, их складывали по несколько штук на деревянный поддон, а потом автопогрузчиком отвозили на склад. Если же какой-нибудь готовый мешок оставался лежать один, а поддон уже был полностью загружен, то молодой силач как ни в чем не бывало взваливал его себе на плечи, шагал с этими 250 килограммами на склад и укладывал их на положенное им в мучно-мешочной горе место. Корреспондент запечатлел этого совсем еще юного богатыря на снимке, где тот стоял со своей ношей, а под фотографией было написано: «Он долго тренировался на подъеме тяжестей – как правило, поднимая крупные валуны или крупных мальчишек».

Лео Тору тогда исполнилось семнадцать лет, он жил в доме своей бабки по отцу, Саломе, где в полуподвале занимал в свое единоличное распоряжение две комнаты. В этом доме он появился на свет – Самсон и мать Лео, Фрейя, на момент его рождения как раз там и жили, и в этих же комнатах прожили мать и сын три первых года жизни Лео. А потом Фрейя вышла замуж за американца.

Ее нового мужа звали Винсент Хауэлл, он был экс-чемпионом Йосемитского региона по регби и заядлым альпинистом, а в то время – младшим офицером интендантской службы американской военной базы в Кеплавике. Хауэлл этот по долгу своей службы имел доступ ко всякого рода товару – мелкому и покрупнее – такому, который «за во-

¹Кёплавик, город на юго-западе Исландии, исл. Keflavík. (Прим. пер.).

ротами» достать было немыслимо, и, уезжая по окончании службы домой в Америку, он подарил Саломе телевизор. В Исландии это был восьмой по счету телевизор для частного пользования, и ловил он единственную станцию, транслировавшуюся телецентром американской базы: «American Forces Radio and Television Service – Keflavik».

В тот день, когда фотографию Лео Тора напечатали в газете, он вместе с бабушкой как раз отправлялся на кладбище – провести могилу своего деда Эгиля. Рядом с могилой деда было свободное место, Саломе припасла его для себя, и никто, кроме Саломе и ее внука, не знал, что на том месте была зарыта нога гарпунщика Самсона.

С собой на кладбище старая женщина принесла вырезанную из газеты заметку о внуке и, старательно скомкав, втиснула ее под траву над тем местом, где лежали останки ее сына. После этого Саломе и Лео, перекрестив могилы, прочитали над ними морскую молитву – за упокой тех, кто сгинул в морской пучине, и за здоровье тех, кто поверх той пучины плавал. Вернувшись домой, бабка и внук уселись перед телевизором интенданта Хауэлла.

Надо сказать, что Саломе с неослабным вниманием просматривала абсолютно все программы «американского телевидеа» – ежедневно, с раннего утра и до полуночи, не пропуская ни единой минуты, пока шла трансляция. Перед отъездом Фрейя сказала ей, что через телевизор они с Лео могли наблюдать за жизнью в Америке, и Саломе поняла это так, что все, появлявшееся на экране, было не просто реальными событиями – это была прямая трансляция жизни за океаном. И было неважно, представляли ли ее и внука взорам новости или развлекательные программы, документальные фильмы о пигмеях из Габона или вестерны, фильмы о войне или чудовищах – в ее понимании все это на самом деле происходило на новой родине Фрейи. У Саломе на все находилось объяснение, на все, кроме мультфильмов – о них она говорила: «Глупости!».

И хотя Лео, в отличие от Саломе, уже вырос из этих заблуждений, они тем не менее прочертили глубокий след в его сознании. Особенно запал ему в душу фильм «Гудини» с Тони Кертисом в главной роли. Пока шел фильм, Саломе с нетерпением ожидала, что на экране вот-вот появится Йоуханнес Йоузефссон – ее бывший шеф по работе в гостинице «Борг», который на Олимпиаде 1908 года научил весь мир исландской глиме¹. В Исландии же он прославился тем, что, будучи в Америке, встретился в Чикаго с самим Гудини² и вручил тому сагу о

¹Глима – исландская национальная борьба. (Прим. пер.).

²Знаменитый американский иллюзионист. (Прим. пер.).

Греттире сильном¹. Под конец Саломе поняла, что Йоуханнес в фильме так и не появится, и этот факт настолько ее поразил, что она разразилась рыданиями. А маленький Лео был так напуган последствиями обманутых бабушкиных ожиданий, что в голове у него засело убеждение, будто он стал непосредственным свидетелем самых настоящих событий и лично наблюдал за славными подвигами великого Гудини. К тому же было ему тогда всего шесть лет от роду, и он толком не понимал, что для вызволения из своих пут король наручников прибегал не к одной лишь мышечной силе.

К середине восьмидесятых годов о непостижимой силе парня из Сюдурнеса² заговорили по всей Исландии. Рассказывали, будто он поднял двенадцатитонный грузовик «Вольво N88», как ударом кулака свалил взбесившегося быка, как, пользуясь одним только средним пальцем, победил в перетягивании каната девятерых матерых мужиков, ну и так далее, в том же духе. В то время, однако, мало кому за пределами его родного округа довелось увидеть Лео собственными глазами. Все изменилось во второй половине дня 21 июля 1978 года, когда ведущий научно-популярной программы центрального телевидения был вместе со всей съемочной группой вызван к зданию Полицейского управления в Кепплавике. В тот день Лео Тор собирался освободиться от кандалов и вдобавок выбраться из самой надежной в истории Исландии тюремной камеры.

Когда прибывшие на место телевизионщики закончили устанавливать свои камеры, к ним обратился сновавший вокруг них молодой человек, которого те поначалу приняли за одного из любопытствующих зрителей. Молодой человек сказал, что он и есть тот самый Лео Тор, который собирался сегодня избавиться от кандалов и выбраться из камеры, а телевизионщикам это даже и в голову не приходило – так не вписывался Лео Тор в их представления о богатырской силе: он был небольшого росточка, в высоких сапогах на молнии, в терлоновых брюках и в расстегнутой у ворота защитного цвета нейлоновой рубашке.

Как только врач осмотрел Лео, полицейские принялись за дело. Сначала они надели на него три пары самых крепких, какие только нашлись во всей стране, наручников: одну пару – на руки за спиной, а две другие – на ноги. После этого его обмотали тридцатью метрами 5-миллиметровой цепи, а витки ее, по несколько штук вместе, замкнули дужками больших висячих замков. К первой цепи добавили еще три,

¹Силач, герой исландской саги «Grettis saga Ásmundarsonar». (Прим. пер.).

²Регион на юго-западе Исландии, исл. Sudurnes. (Прим. пер.).

но уже 10-миллиметровых, и эти три цепи тоже добросовестно и многократно скрепили замками с первой. Пока полицейские были этим заняты, ведущий взял у силача интервью.

– Что побудило Вас начать тренироваться в этом виде спорта? – спросил ведущий.

– Ну, тренировки – это неправильно сказать, – ответил Лео и добавил, что он никогда специально не тренировался, а был таким сильным от природы, что работал на рыбоперерабатывающей фабрике за двоих, по ночам спал не больше пяти часов, ел приготовленную его бабушкой здоровую пищу и курил сигариллы «London Docks». По причине своего особого положения он уже с детства был вынужден освобождаться от всяких пут. Из-за его физического недостатка местная ребятня прозвала его зверем и частенько забавлялась тем, что привязывала «зверя» где-нибудь на улице или в каком-нибудь подвале. В этих-то испытаниях и обнаружил Лео свою недюжинную силу и понял, что была то не только мышечная сила, но еще и что-то свыше – от Бога.

– А почему Вы решили выставить эти свои способности на всеобщее обозрение?

– А это в память о моем отце – гарпунщике Самсоне Эгильссоне. Как раз сегодня исполняется 25 лет со дня его гибели.

В заключение Лео сказал, что на то, чтобы освободиться от всего намотанного на него железного хлама, а также из камеры, у него уйдет часа три. Эти слова заставили многих из публики усмехнуться – такое его заявление звучало безумием.

Когда полицейские закончили опутывать смельчака, он был в сидячем положении – замotan цепями от шеи до самых пальцев ног и был не в состоянии ни встать, ни шевельнуть ни рукой, ни ногой. В таком застывшем «стальном» положении он и был усажен на деревянные носилки, и четверо полицейских отнесли его внутрь здания – в тюремную камеру. Стальная дверь камеры захлопнулась, и ее еще для пущей надежности закрыли снаружи на несколько железных замков и засовов. Через некоторое время из камеры донеслись звуки, указывающие на то, что там энергично взялись за железо, однако ни охов, ни вздохов усердствовавшего над металлом человека оттуда слышно не было.

Так продолжалось часа два, а потом в дверь камеры изнутри постучали. Многие из любопытствующих зрителей тогда решили, что Лео сдался, однако сошлись на том мнении, что это никак не умаляло его в их глазах, хоть он и не справился с такой сверхчеловеческой задачей. На деле же оказалось совсем другое: из тюрьмы в солнечное

тепло лета шагнул несломленный и на вид совсем не уставший Лео Тор и, объявив, что хотел бы слегка перевести дух, прежде чем он изнутри взламывает запертую камеру, попросил принести ему две бутылки «Thule» и одну сигариллу. А внутри камеры зрителям открылось непостижимое уму зрелище: там валялись разбитые в осколки кандалы, дужки замков были вывернуты, а все цепи порваны на звенья – будто были не из железа, а всего лишь из шерсти.

Пиво и сигариллу принесли без промедления, а потом стальная дверь камеры опять закрылась за Лео. На этот раз внутри приступили к более чем часовому штурму ведшей во двор толстой бетонной, обитой снаружи железом тюремной стены. После двух часов непрерывных ударов, от которых прогибалась вся стена, в малюсеньком тюремном окошке лопнуло пуленепробиваемое стекло – толщиной сантиметров в пять, и на столпившихся у стены пораженных зрителей посыпались осколки. Но только лишь публика успела прийти в себя после такого зрелища, как и все окошко, вместе с рамой, было целиком выбито из бетонной стены, а в узком проеме показалось лицо Лео. Теперь уже невероятной силы удары обрушились на оконный проем, расширяя его, после чего, подтянувшись к окну, Лео стал мало-помалу протискиваться из камеры на свежий летний воздух. Но прежде чем упасть из оконного проема на землю, Лео достал из кармана брюк четырехдюймовый гвоздь, наполовину втиснулся обратно в камеру и, вытянув, насколько удалось, левую руку, нацарапал на потолке камеры свои инициалы: «ЛТ».

Спецвыпуск научно-популярной программы назвали «Самый сильный человек в мире – исландский Хоудини (именно так и написали)», и после этого выпуска Лео Тор стал знаменит на всю страну. В последующие за этим четыре года он был гвоздем программы на всех летних фестивалях, где разрывал цепи и таскал набитые скандирующим народом грузовики. Члены общества тяжелоатлетов прислали ему было предложение сразиться с ними в открытом турнире, но Лео это предложение вежливо отклонил – со словами, что было бы несправедливо по отношению к ним тягаться силами с человеком, в команде которого выступает сам Всевышний.

Зимой Лео разъезжал по городкам и поселкам, устраивал в клубах показы фильма о самом себе, а заодно ломал и гнул железяки, которые приносили с собой зрители. А поскольку фильм длился всего двадцать семь минут, Лео дополнял программу фильмами о безопасности на рабочих местах и дорогах. Когда слава Лео пошла на спад, эти дополнительные фильмы и дали ему идею для нового трюка: его

должны были, как и прежде, заковать в цепи, а потом закрыть в микроавтобусе и столкнуть тот со скалы в море.

Этот трюк он опробовал и при первой же попытке погиб. Когда волны выбросили на берег его тело, на нем не доставало правой ноги до колена. Нogu так и не нашли, и народ поговаривал, что таким образом Лео Тор отдал морю тот долг, что числился за его отцом.

Так что Саломе пережила и своего внука, ему-то и досталось ее место на кладбище в Кеплавике.

Перевод с исландского Натальи Демидовой

ГАРМА АНАНДАЕВИЧ ЦЫРЕНДАШИЕВ (1945 – 2009)

Гарма Цырендашиев вошел в историю Агинского Бурятского округа и всего Забайкалья, как человек высоких принципов и идеалов, настоящий труженик и патриот. Заслуженный работник культуры России, прозаик, журналист, Гарма Цырендашиев был первым председателем Агинской Бурятской государственной телерадиокомпании. Всю свою жизнь он посвятил родному округу и любимому делу – публицистике. Его произведения по праву вошли в золотой фонд бурятской литературы.

ДУЛМАДЭ

Помню жизнь Арангатуйской фермы, суету и шум деревеньки, пересуды и смех доярок, звон подоинок и мычание коров. Мои родители чабанили рядом с фермой. Помню детство своё... Мы, три загорелых, лысых мальчика – Батор, Бадма и я, – не разлучались с нашей сверстницей, немой девочкой Дулмадэ. Мы ещё не ходили в школу и были первыми помощниками старшим. Отец мой одновременно чабанил и был бригадиром полеводцов. Бывало, я заиграюсь, а мои овцы и телята забредут за поскотину на сенокосные угодья или кукурузное поле. Но больше помню игры с друзьями...

Недалеко от фермы была маленькая берёзовая роща. Там мы соорудили уютный балаган из сухих ветвей, выкопали ямку для очага, вычистили старый чайник. Принесём из дома по два-три куска хлеба, Батор, Бадма и Дулмадэ нальют на ферме в чекушку молока, возьмут в железной миске немного сметаны. Хозяйка наша, Дулмадэ, чай разливает. Мы уже большие, в школу скоро пойдём. Разговариваем и хо-

рошо понимаем быстрые жесты и гыканье нашей весёлой Дулмадэ. Она всё может сказать даже глазами, взглядом!

Чаще всего она приезжает на Борогшоне, ленивом и смирном коне, без седла. На нём разъезжаю и я вдоль поскотины из жердей, смотрю за телятами и овцами. В жару телята носятся, задрав хвосты, или лежат в тени, а овцы скучатся, спрячут головы друг под друга, и жарко ходят их бока. Но в прохладный день у меня нет времени: вредные овцы пасутся и идут, выдвигаясь вперёд кучками, к полю, а мне надо успеть приглядеть за всем. Хорошо, что Дулмадэ даёт мне Борогшона.

А как красиво смотрится наша маленькая Дулмадэ, когда на своём большом коне гонит коров и телят. У неё овальное белое лицо, тонко вычерченные чёрные брови и ресницы, толстая чёрная коса ниспадает за спину. Никогда, наверное, не обрезали её густых и шелковистых волос. Гибкая, она крепко сидит на громадном коне, а в чёлках её глазах поблёскивают весёлые искорки. Ни под каким солнцем она не может загореть. Мы, лысые и почерневшие от загара, радостно смотрим на неё. Никто не сравнится с нашей Дулмадэ!

Однажды она прискакала очень взволнованная. Спрыгнула, вернее, сползла со своего смиренного коня и начала рассказывать новости, отчаянно жестикулируя, а глаза её живо блеснули. То сложит вместе ладошки и прижмёт к щеке, наклонив головку, то показывает одним пальчиком на восток, а потом длинно и печально вздохнёт. Она говорила, что завтра поедет с матерью в Агинский дацан. Туда приехал из далёкой страны лекарь-лама. Мать хочет показать ему Дулмадэ, надеется, что она заговорит.

Семь дней мы ждали свою Дулмадэ. Скучно стало. В балаган никто не ходил, играть неинтересно, говорить не о чём. Слов нет... Теперь я всё время не отходил от овец и телят, а Батор и Бадма уныло ловили в омутах пересыхающей речки голянов. Жара, паузы покоя не дают. Бадме хорошо, у них машинка для стрижки. А нас с Батором отцы обривают наголо острыми бритвами. Головы наши, искушенные комарами, быстро становятся багровыми. Отец разотрёт слюни на моей голове и пришьёт на болячки куски газеты, болячки высохнут, а я и не замечу, когда бумага слетит с них. Хорошо Бадме – стригут его коротко, волосы у него густые, ни один комар не укусит.

Вечером мы лежим на прошлогодней копне, воюем с комарами и скучно беседуем. Ждём нашу Дулмадэ. Когда она с нами, всё понятно и ясно! Мы никогда не ссоримся, когда она с нами.

– Если Дулмадэ заговорит, я женюсь на ней, – сообщает вдруг Бадма и вздыхает.

– А я женюсь на ней, даже если она не заговорит! – в отместку ему, отчаянно, заявляет Батор.

– «Как бы не так!» – думаю я про себя. Мы все хотим, чтобы она заговорила.

Вдруг недалеко заскрипели тележные колеса. Мы мигом вскочили и незаметно подкрались к дому Дулмадэ.

– Доченька, просыпайся! Приехали, – говорила мать Дулмадэ, слезая с телеги и привязывая коня к ограде.

Мы затаили дыхание. Уставшая Дулмадэ проснулась и, гыкая «ы-ы-ы», медленно вошла в дом. Она не заговорила.

«Э-ээ, не получилось!» – отчаянно затосковали мы, безмолвно разбредаясь по домам.

Ночью мне снилось, что Дулмадэ рассказывает: «Ламбагай дал лекарства, погладил меня по голове и сказал, что я буду говорить. И тут я громко-громко крикнула: «Мама-аа! Я хочу есть!» После этого я и стала говорить. Хорошо я говорю?» Смеясь, она смотрит на меня и отчётливо выговаривает слова: «Я же на Борогшоне, давай-ка оставлю твоих овец!»

И, понукнув коня, скачет по степи мимо берёзовой рощи. Ветер развеивает её чёрную, блестящую косу и платёе, мелькают коленки. Она звонко смеётся и кричит.

На другой день мы встретились с ней. И сразу нам стало весело и интересно. Откуда появилось так много слов? Смеясь и догоняя друг друга, мы побежали к своему балагану. Вдруг Дулмадэ громко всхлипнула и остановилась. Мы окружили её. Она плакала и показывала рукой на восток и дальние сопки. Она говорила нам, что не получилось. Дулмадэ делилась с нами своей печалью! Мы молчали... Но печаль прошла, и мы снова смеялись и играли.

Осенью нам сшили брезентовые сумки, тёплые рукавицы из мягкой материи, посадили на гремющий комбайн, который тянулся за урчащим трактором. Мы отправлялись в школьный интернат! Дулмадэ почему-то отстранилась от нас и не показывалась на глаза.

Грохотал по дороге комбайн, чадил дымом трактор. Вдруг мы увидели, что нас догоняет Дулмадэ на Борогшоне. Она махала нам чем-то, отчаянно пытаясь привлечь наше внимание и что-то сказать. От грохота заложило уши, перед глазами клубилась пыль. Но мы поняли: Дулмадэ хочет докинуть до нас мешочек, которым размахивала.

Мы закричали, и наши руки потянулись к ней. Смеясь, она кинула свой подарок, кто-то из нас успел поймать. Дулмадэ ещё раз понимающе взглянула на нас и, кивнув головой, развернула коня и ни разу потом не оглянулась. Мы поняли, что она плачет, и дальше ехали

молча, насупившись. А потом развязали мешочек и поделили между собой тёплую буханку хлеба...

Не успели мы привыкнуть к новой жизни, как начались осенние каникулы. Приехала старшая сестра Батора и оставила нам двух коней. Соскучившись по дому, мы обрадовались им, будто встретились с домашними. Ведь мы два месяца ели в столовой, таскали воду, кололи дрова, собирали по степи сухой аргал-навоз, мыли полы, дежурили. Не знавшие ничего, кроме природы и животных, мы долго привыкали к неволе. И вот теперь собирались домой на каникулы. Что мы подарим нашей Дулмадэ? Решили привезти ей «Букварь» с красивыми и разноцветными рисунками.

Как хорошо пить дома чай с тёплым домашним хлебом и сливками! Мать дотошно осмотрела мою потрёпанную одежду и обувь, ощупала всего меня. Потом сказала:

— Ну, беги к своей Дулмадэ. Она вас ждёт не дожждётся, дни считала. Беги, беги, а то скоро стемнеет.

Взяв «Букварь», я стремглав помчался на ферму.

За два месяца Дулмадэ отвыкла от нас. Смотрит насторожённо и будто стесняется. Но вдруг она улыбнулась и вытащила из сундука разукрашенное цветами платье, похвасталась и спросила весёлыми глазами:

— Красиво, а?

— О, красиво, красиво! — радостно загалдели мы.

А как обрадовалась Дулмадэ «Букварю»! Быстро-быстро перелистала страницы, впиалась глазами в рисунки, пальцами по буквам водит, рассматривает и будто читает. Мы объясняем ей:

— Вот буква «А», а вот — «Б». Соединим вместе — «АБА»,¹ что получилось?

Не может наша бедная Дулмадэ выговорить буквы, только гыкает по-прежнему: «Ы-ы-ы».

На другой день мы снова пришли к ней. На улице было тепло. Дверь дома приоткрыта. Мы заглянули в щель: раскрыв «Букварь», Дулмадэ сидела за столом и водила пальцами по буквам, выговаривая, как вчера: «Ы-ы-ы». Она училась! Мы медленно отошли от двери и безмолвно разбрелись по домам. Но потом, смеясь и громко гыкая, прибежала Дулмадэ, и снова начались наши шумные игры...

Прошло много лет. Постарели наши родители, мы переехали жить в село. Дулмадэ со своей матерью по-прежнему жила на ферме.

Однажды, после армии, пришлось мне проезжать мимо родных мест. Как только машина остановилась, я сразу побежал к Дулмадэ.

¹Аба — папа, отец. (Прим. пер.)

«Какой она стала? Как живёт?» – радостно и тревожно выстукивало моё сердце. Обрадовалась мне только её постаревшая мать. Я узнал, что Дулмадэ недавно родила здорового сына и ещё не выписалась из больницы. Вот так Дулмадэ, вот так новость!

Через три дня после этого случая Батор, Бадма и я решили навестить нашу Дулмадэ. Мы купили ей самые дорогие платья и платки, набрали подарки её матери и малышу. И помчались на быстрых «жигулях» на нашу певучую Арангатуйскую ферму. «Какого сына она родила? Не немой ли? Говорят, что немая женщина может родить немного ребёнка!» – беспокоился я по дороге.

Быстро появилась на горизонте родная ферма. Вот и дом Дулмадэ с новыми сенями, рядом стоит новый сарай. А в доме – трёхлетний бутуз, очень похожий на свою мать, шумно играет с бабушкой.

– Беги к маме! Скажи – гости дорогие приехали! – ахнула и засуетилась бабушка. И малыш, косолапя, побежал на улицу, громко и отчётливо выкрикивая:

– Мама, мама! К нам гости приехали!

Огромная тяжесть сошла с моей души, и сразу стало легко дышать. Ты счастлива, Дулмадэ, теперь ты не одна!

Перевод с бурятского Виктора Балдоржиева

ФРАНЦИСК ЛОКАТЕЛЛИ (1691 – ?)

Предлагаем читателям познакомиться с заключительным письмом своему другу итальянского графа Франциска Локателли (см. первое и второе письма в журнале «Переводчик» №№ 14, 15) в переводе с французского Николая Епишкина и с послесловием редактора писем, в котором последний объясняет историю злоключений в России автора писем.

МОСКОВИТСКИЕ ПИСЬМА

Сударь,

Я предполагал себе, прежде чем написать это письмо, только отметить в нем единственную вещь, что я свободен и скоро покидаю Московию. Новые размышления заставили меня сменить план, и я посчитал, что будет уместным продолжить историю моего заключения и рассказать вам о завершении моих приключений. Я не знаю, будете ли удивлены, когда прочитаете это последнее письмо, твердости, с кото-

рой мне пришлось пройти через столько различных испытаний, которые всякого другого, нежели чем я, погрузили бы в отчаяние. Тысячу раз желал я, чтобы вы были свидетелем моих бед, которые я вытерпел, и героической храбрости, с которой я их выносил. Я говорю вам таким тоном не из самонадеянности и не с мыслью привлечь ваши похвалы; я достаточно близок вам, чтобы говорить откровенно, и вы меня довольно знаете, чтобы поверить, что я не способен навязывать к себе почтение. Я знаю и признаю, как я это должен, что рука Всмогущего, смилив меня, бесконечно помогала мне, чтобы помешать моей гибели. И эта самая рука, разбившая мои цепи, ею же для меня созданные, вернула меня на свободу, продержав поначалу в неволе. Наконец, она провела меня на волосок от смерти и чудом извлекла оттуда. Нужно полагать, что Бог, поступая таким образом по отношению ко мне, имел в виду избавить меня от моих заблуждений: *Hinc omne principium, huc refer exitum*¹.

Но я оставляю эти размышления, чтобы вам продолжить мои приключения. Вы видели в моем последнем письме, как мне дали понять, что я не могу освободиться из тюрьмы, а могу получить полную свободу только после возвращения императрицы, и я ожидал этот счастливый момент с крайним нетерпением. Итак, я имел основания льститься надеждою, что обо мне серьезно подумают, как только Ее Величество возвратится. Однако, несмотря на все сделанные обещания, мне стоило больших трудов добиться, чтобы мое дело было завершено. Я не мог понять, как оно так долго тянулось, будучи передано в руки самых просвещенных министров. Дело, тем не менее, не имело большой важности, его можно было решить в один день. Вопрос был только в том, чтобы расследовать, был ли я преступником в Москве, имев одну галантную авантюру во Франции, и оставить ли меня в заключении за то, что я путешествовал под вымышленным именем. Вот в действительности все преступления, которые можно было мне вменить и за которые я был арестован.

В то время, когда я каждую минуту надеялся быть отпущенным на свободу, я был атакован еще одной болезнью, тем более досадной, что я до этого времени не смог восстановить мои силы. Эта болезнь произошла от вина, которое мне дали выпить, а я не заметил, что оно испорчено. Этой болезнью я приведен в совершенно достойное страдания состояние. Мне было очень плохо, болезнь давила, а я не видел ей никакого лекарства. Я не мог надеяться, что мне соизволят дать врача, поскольку мне безжалостно не предоставляли эту милость

¹ *Hinc omne principium, huc refer exitum* – Отсюда все начала, с чем соотносится роковой исход (лат.).

в то время, когда это было еще необходимее. Прострадав несколько дней от невыносимых болей, я был вынужден попросить переводчика.

И только с помощью многих просьб и настояний я получил его, он пришел 18 сентября. Заметьте, прошу вас, это число и вспомните, впрочем, о том, что я говорил. Я почел необходимым изложить этому человеку состояние, в котором находился; я сказал ему, что мне нужен врач, и я желал бы, чтобы разрешили господину Дювернуа, профессору анатомии, навестить меня. На следующий день я увидел в моей тюрьме господина Дювернуа в сопровождении моего переводчика. Предоставляю вам думать, как велика была моя радость увидеть его. Я посчитал себя счастливым от возможности говорить с разумным человеком, чего со мной очень давно не случалось. Даже само его появление способствовало несколько моему выздоровлению. Однако я не преминул сказать о моей болезни, и он уверил меня, что предоставит всю необходимую помощь, которая только понадобится. В то время, как я был занят разговором с ним, переводчик, не покидавший нас, выполнял свое поручение с удивительной точностью. Его обязали обращать внимание на все, что говорилось, чтобы сделать об этом свой доклад, так как во время разговора мне случилось бросить несколько латинских слов, которые он не понял и захотел узнать, что я сказал. Я охотно ответил ему и добавил даже, что у меня нет секретов для сообщения кому бы то ни было и что единственная вещь, которую я пламенно желаю давно, так это сообщить императрице и всем ее министрам то, что меня касается. Надо признать, что недоверие заходит очень далеко в Московии, даже в отношении самых незначительных вещей. После того как господин Дювернуа сделал мне довольно долгий визит, он ушел с обещанием вернуться и составить мне компанию на целый день. Эта милость, которую я никак не ожидал, мне дала основание думать, что было решено изменить отношение ко мне и что я непременно скоро обрету свободу. Но эти надежды, которые мне казались так сильно обоснованы, испарились почти в тот же самый момент. Господин Дювернуа, обещавший составить мне компанию, не пришел на следующий день, так же как и еще на следующий, одним словом, я его больше не видел. Я никогда не мог узнать ни от кого, от чьей власти зависела эта задержка. Господин Дювернуа был слишком мудр, чтобы мне сказать об этом, но мне было нетрудно понять, что это было. Как меня уверили, знаменитый анатом сдержал бы свое слово, я хорошо видел, что ему был дан приказ об отмене, и вот что меня в этом уверяет.

В беседе с ним я вошел в довольно обстоятельные подробности болезни, которой был атакован при моем отъезде из Москвы, ни разу

и никоим образом не упомянул о том, что я был отравлен. Следует также предположить, что переводчик, который полностью и с крайним вниманием прослушал мою речь, передал отчет о ней министрам, и те, опасаясь, что тайна несправедливости не была раскрыта, запретили господину Дювернуа новые визиты ко мне. За неимением врача мне отправили несколько лекарств, которые были принесены неизвестным человеком. Я остерегся каким бы то ни было образом их использовать и принял решение предоставить выздоровление силам моей природы. Помощь, которую доставляли мне господин и госпожа Делиль, была мне вполне достаточна для большинства моих нужд и понемногу способствовала моему выздоровлению. Я могу сказать, что я им обязан жизнью, так как я непременно погиб бы под грузом моих бед, если бы не нашел всю поддержку, о которой я только что говорил.

Московиты не только отказывали как в самом необходимом для здоровья, так и в пище, но они меня оставили ходить почти голым. Эта жестокость, с которой они действовали по отношению ко мне, заставила меня потребовать еще раз переводчика. И из них пришел один, которого я просил представить этим господам, что поскольку данные мною доказательства моей невиновности им кажутся еще недостаточно убедительными для моего освобождения, и доводы христианского милосердия не оказываются достаточными для получения мною необходимой помощи моему здоровью, я надеюсь, по крайней мере, что имея почтение к славе имени императрицы, они не захотят разрешить мне дойти до такого состояния, где я не могу иметь, чем прикрыть свое тело, и что, наконец, пусть они прикажут вернуть одежду, которая была в моем сундуке, чтобы я мог ею воспользоваться. На следующий день переводчик вернулся, и ответом было только, что мне подарили десять рублей на одежду. Будучи мало доволен таким ответом, я сказал этому человеку, что мне нечего делать с их деньгами, и если мне не хотят вернуть мою одежду, то пусть мне pošлют портного, которому я скажу, что мне нужно. Этот переводчик удалился, а я не увидел ни портного, ни моих одежд, так что был вынужден остаться в своей тюрьме полуголым, хотя уже наступили довольно суровые холода.

Хорошо бы вам знать, что ничего не может сделаться без точных приказов тех, кто входит в состав Сената, и, как следствие, это им я обязан всем отвратительным отношением ко мне. Эти господа рассудили еще уместным в это же самое время сменить мне тюрьму, а как холод начинал чувствоваться в их новых апартаментах, которые они занимали, они вернулись в свое бывшее, которое было отремонти-

ровано, а меня отправили туда, откуда они только что пришли. Мне эта перемена не доставила никаких страданий, в этом пристанище я почувствовал себя посвободнее и наслаждался большим спокойствием.

Так как я льщу себя надеждой, что это письмо будет последним, которое я вам напишу, я обхожу молчанием большое число маловажных событий, так как я никогда бы не сделал, если бы я предпринял попытку войти в точные подробности всего, что относится к истории моего заключения. Я предпочел бы сейчас рассказать то, что относится к моей свободе и средствах, которыми пользуются, чтобы мне ее обеспечить. Мне гораздо приятнее рассказать об этих обстоятельствах и о счастливом моменте, когда я узнал эту добрую весть, чем о бедах, которые мне пришлось вытерпеть с самого начала моего задержания.

Это случилось 16 октября, когда мне сообщили, что меня освобождают. Эта новость – самая приятная из всех тех, которые я получил за всю мою жизнь, была передана мне рано утром секретарем-немцем в сопровождении переводчика. Он мне передал от имени императрицы, что я свободен, что мне жалуются 100 рублей на дорогу. Я поблагодарил этих господ за труд, уверив их в то же время, что я получу с глубоким смирением все, что мне будет предложено указом Ее Величества. Будучи спрошен, желаю ли я что-нибудь заявить, я им ответил, что не желал бы ничего другого, как получить паспорта, необходимые для немедленного отъезда. Вот вся встреча с этими двумя вестниками. Однако я сказал еще переводчику, чтобы мне передали ключ от моего сундука, чтобы переодеться и навестить моих друзей. Он обещал, что он будет у меня немедленно.

Мне кажется, что я вижу вас с радостью и удовлетворением поздравляющего меня со столь счастливой переменой, но умерьте, прошу вас, по крайней мере, на некоторое время ваши радостные порывы. Эта новость пока еще только первоапрельская шутка (*poisson d'avril*). Я прождал целый день, чтобы пришли открыть мой сундук и снять охрану. Из еды мне оставался только сухой хлеб, поскольку, рассчитывая обедать у господина Делиля, я ничего не заказывал. На следующий день увидел я только моего поставщика провианта, принесшего мне еду и ничего не сказавшего о том, что произошло. Наконец восемнадцатое число – число примечательное для меня: я принял нечто вроде посольства, составленного из переводчика, трех или четырех писцов и многих других лиц. Переводчик мне сказал, что он принес 100 рублей, чтобы передать мне их от имени императрицы. Я отвечал ему, что принимаю их с глубоким уважением и что он может положить их на стол. Он отказывался это сделать под предлогом, что я

должен перед тем пересчитать их. Я ему сказал на это, что не следует быть таким скрупулезным по отношению к тому, что получается в дар, но он со своей стороны повторил свои настояния, сказав, что должен иметь расписку, и я, не колеблясь, выполнил его просьбу. Затем он передал ключ от моего сундука, который я открыл в его присутствии, дав ему увидеть, что там лежит шпага и пистолеты. Я хотел бы, чтобы он удалил моих караульщиков, но он заявил, что не осмеливается взять это на себя и не получил никакого указания на этот счет. Затем он спросил меня, по какой дороге я собираюсь уезжать, хотел бы я, чтобы меня проводили до Любека или Данцига. Я ему ответил, что у меня нет намерения ехать ни в один из этих городов и что я хочу ехать по суше, а не морем. Он мне дал понять, что власти не расположены позволить мне ехать по суше, что уже даны приказы о моей посадке на корабль.

Этот прием мне показался совершенно странным и даже экстравагантным, и я сказал моему переводчику, что напишу, чтобы этот приказ был отменен. Он уверил, что не возьмет никакой бумаги от меня. «Если так, – сказал я ему, – то прошу вас сообщить тем, кто вас отправил ко мне, что мне не дорого стоит такая свобода, которую мне дают, заставляя ехать морем в таком больном виде и в такое время года, что я рискую жизнью, плывя по морю, и что я не думаю, что это входит в намерения Ее Величества». Во время нашего разглагольствования переводчик спросил, по какой причине я склоняюсь к нежеланию вступить на военную службу в русских войсках. То, как он это сказал об этом предложении, мне довольно показало его стремление открыть мои намерения. Я ему ответил лишь, что я не ишу службы, что я не могу служить по состоянию здоровья. Этот последний вопрос о службе продолжал меня беспокоить, так как меня привело бы в крайнее раздражение, если бы меня обязали остаться в Московии. И на этом наша встреча закончилась.

Вот каким образом я был отпущен на свободу, хотя продолжали окружать меня мои караульщики со шпагами наготове. Вскоре после ухода переводчика появился мой поставщик провизии и сообщил, что меня не будут больше кормить, как обычно, и что этим должен заняться я сам. Это известие поначалу меня несколько обеспокоило, но потом я подумал, что господин и госпожа Делиль охотно захотят продолжать свою помощь, и решил сообщить все, что произошло, и попросить навестить меня. Обо всем этом они были извещены моим поставщиком провизии, который сам взялся за это поручение, и они не замедлили прийти ко мне. *O qui complexus & gaudia quanta fuere*¹.

¹ *O qui complexus & gaudia quanta fuer* – Как много было радости и любви (лат.)

При этом свидании я забыл обо всех моих страданиях в Москве. Я вспомнил тогда обо всех знаках дружбы, проявленных мне этими великодушными людьми, чтобы засвидетельствовать им мою признательность. Сердце мое так было проникнуто их благодеяниями, что я не мог сдерживать слез. Они оба ответили на мои уверения такими словами, что усилило мою признательность к ним. После первых порывов радости, которую сердца, способные на настоящую дружбу, непременно ощущают в подобных случаях, госпожа Делиль подумала о новых ее доказательствах. Зная, что мне скоро предстоит долгое и тяжелое путешествие, она попросила посмотреть оставшуюся у меня одежду и, видя, что все мое белье в ужасном состоянии, выбрала самую большую часть и отправила к себе, чтобы починить ее для моего путешествия. Можно ли дальше зайти в проявлении дружбы? И что она только ни делала и в дальнейшем до момента моего отъезда! Она часто меня навещала с предложением какой-либо помощи в питании, в удовлетворении всех моих нужд и не пренебрегала ничем, чтобы достать мне все, в чем я нуждался. Узнав, что я страстно желал узнать обо всем, что произошло в Европе во время моего путешествия и заключения, и желая удовлетворить мое любопытство на этот счет, она нашла способ доставить мне все газеты. Эти услуги, данные мне в такой ситуации, затронули глубже всего мое сердце.

Первое посещение Делилей длилось долго, а на следующий день они пришли навестить меня, захватив с собой господина Дювернуа. Я ему сказал, что ни секунды не сомневался, что он посещал бы меня, если бы ему не помешали в этом, и я ему не в меньшей степени обязан. Они провели добрую половину дня в моей комнате, и для меня было большим удовлетворением беседовать в столь приятной компании после того времени, когда я был как глухонемой более года. Именно тогда я мог сказать и основание имел сказать: *Verba intermissa retento*¹. Не проходило и дня, чтобы я их не видел, и особенно госпожу Делиль, которая всякий раз чем-либо проявляла свою доброжелательность. Единственной вещью, мешавшей мне наслаждаться полной радостью жизни, было то, что меня собирались отправить морем, поскольку снова уверили, что не позволят путешествовать по суше. К счастью для меня, во время моего отъезда были сильные морозы, и те, кто уже решил выбор моей дороги, вынуждены были оставить их первоначальное намерение и согласиться на то, что я так желал. Река замерзла через несколько дней, и больше не надо было думать о дороге на Кронштадт, по которой я должен был поначалу ехать. Можно ска-

¹ *Verba intermissa retento* — Прерываю потоки речи (лат.)

зять, что Господь взялся разрушить все козни моих врагов и постоянно совершать чудеса для моего блага. *Nemo tàm pater quàm Deus*².

Я, довольный только что происшедшей переменой, думал о подготовке своего отъезда. Я боялся только, что господа московиты попробуют огорчить меня под каким-нибудь предлогом. Они так часто меня обманывали, что у меня не было больших оснований им верить на слово. И действительно, хотя мне уже сообщили от имени Императрицы, что я свободен и что было принято участие в путевых расходах пожалованием мне 100 рублей, я еще не вышел из моей тюрьмы и продолжал оставаться под присмотром караульщиков, которые следили за каждым моим шагом. Признаюсь вам, что я не понимал причины такого поведения. С одной стороны, мне говорили, что я свободен, а с другой стороны, давали приказ караулу не спускать с меня глаз. Данное мне разрешение пользоваться шпагой и пистолетами заставляло меня думать, что им было бы хорошо, если бы я сделал какую-нибудь выходку, чтобы иметь еще один предлог удержать меня в неволе. Впрочем, ко мне часто посылали людей и чаще моего поставщика провизии, чтобы склонить к вступлению на службу в войска Ее Величества. Я смотрел на этих людей, как на шпионов, которых я имел основание опасаться. Однако, чтобы их не раздражать, я только лишь ссылался на те же самые доводы, которые я привел переводчику, и никаким образом не давал понять им, что недоволен их поведением по отношению ко мне. Может быть, считалось, что поскольку я явился в Московию только для приискания службы, я не хотел бы отказаться от зачисления на службу в случае, если мне предложат что-нибудь выгодное. Но эти господа сильно ошибались, я предпочел бы лучше провести остаток моих дней в пустыне, чем жить среди них. Я не знаю, предубеждение ли это, но я считаю Московию местом ссылки, где можно наслаждаться обществом только с некоторыми иностранцами.

Мои дела оставались в прежнем состоянии, когда господин и госпожа Делиль, продолжавшие навещать меня, предложили отобедать у них и провести день. По видимости, они знали, что мне не откажут в этой милости и что мне будет не трудно ее получить. Я сделал об этом просьбу, и мне было разрешено. В день моего первого выхода мой поставщик провизии вместе с другими должен был смотреть за моим поведением. Я ему сказал перед самым выходом из тюрьмы, что я надеюсь нанять себе брандубра, чем освобожусь от обязанности бриться самому. Он ответил, что не знает, захотят ли мне это позволить, и что он узнает об этом. По возвращении он мне сказал, что мне

²*Nemo tàm pater quàm Deus* – Нет отца кроме Бога (лат.)

позволяется приглашать брадобрея, но я должен оставлять шпагу в моей комнате. Я повиновался и, отправившись к Делиям, с удовольствием провел там остаток дня.

Я не мог бы вам выразить, с каким удовольствием я был принят в этом доме, где слуги старались как можно лучше обслужить меня. Мне не пришлось в этот день жаловаться на поведение моих караульщиков, но в дальнейшем они так обнаглели, что я решил больше не выходить. В то же время сообщил все, что произошло, представив им, что мне лучше оставаться в тюрьме, чем подвергаться диким выходкам моих караульщиков, которые не имеют ко мне никакого почтения и не щадят даже людей, к которым я хожу в гости. Не получив на это никакого ответа, я решил оставаться в моей комнате, дожидаясь разрешения выходить одному. Через несколько дней моим караульщикам был дан приказ не вынимать шпаг из ножен и удалиться в мою прихожую. В первый раз за целый год я оказался один без свидетелей моих действий. Это явление довольно редко, когда заключенный в тесной тюрьме страстно желает оказаться без всякой компании, и вот это-то случилось со мной, поскольку мне было гораздо приятнее оказаться в полном одиночестве, чем иметь рядом подобных скотов.

Тем временем я готовился к дороге, и мне оставалось только получить обещанные мне паспорта, прежде чем отправиться в путь. В руках господ московитов оставались еще некоторые мои бумаги, отобранные у меня в Казани, но не такой большой важности, чтобы я ими озаботился. Несколько дней тому назад я уже попросил разрешения на отъезд, но, не получив никакого ответа, написал небольшую жалобу, где я представил этим господам, что более длительная задержка обяжет меня на большие расходы и что мне может грозить безденежье в дороге. Я попросил также, чтобы мне сделали паспорта от дипломатических представителей правителей, через земли которых мне понадобится проезжать при возвращении в Италию. Наконец, я просил вернуть мои бумаги, и в случае, если они посчитают, что дневник пути из Петербурга в Казань содержит что-либо таинственное, пусть сохранят у себя. То же самое было сказано о другой бумаге, в которой я написал несколько замечаний о Волге, предупредив их, что все эти примечания взяты у Олеария. Написав эту жалобу, я хотел передать ее переводчику, который пришел ко мне за новой распиской в получении 100 рублей, которые мне пожаловала Императрица. Этот человек никогда не хотел брать на себя передачу жалобы, и я вынужден был сказать ему, что в ней находилось. Я слишком хорошо знаю московитов, чтобы удивиться его поведению в этом случае, мне не трудно было дога-

даться о причинах не слушать меня. Я введу вас во все обстоятельства этого дела, которое не делает чести этим господам.

Я уже вам, впрочем, говорил, что у меня украли часть имущества, находившегося в моем сундуке. И чтобы я не потребовал какое-то объяснение на эту тему, эти господа рассудили отдать приказ, чтобы никто не брал из моих рук никакой бумаги или документа. Без сомнения, они думали, что сумма этих рублей была более, чем достаточной, чтобы возместить все то, что у меня было взято. Тем не менее, они странным образом ошибались, поскольку мои потери были значительны. Вот, сударь, единственный довод, который склонил их больше не слушать меня и отказываться принимать все мои жалобы. И вот такого отношения должен ожидать иностранец в Московии, где чрезвычайно трудно добиться правосудия. Но со мною играли и во многих других контактах, и я, можно сказать, был их жертвой с первого дня моего пленения до момента отъезда. И вот вам новое доказательство, кроме тех, которые я уже дал вам.

Уже месяц с лишним прошел, как сообщили, что предоставляют свободу, не желая, чтобы я покинул страну. Эта медлительность, с которой они действовали, продолжала меня сильно беспокоить, порождать некоторые подозрения. Я боялся, что мне предложат остаться в Московии, и знал, какая опасность мне грозит при отказе от службы в московитских войсках.

И только 22 ноября ко мне пришли, чтобы сообщить, что я смогу скоро уехать. Мой поставщик провизии сообщил это известие и спросил, сколько мне нужно лошадей. Я ответил, что мне нужно четыре, но я не поеду, не получив предварительно мои бумаги и все нужные мне паспорта. На следующий день пришел переводчик с 50 рублями, передать которые он получил приказ. Он уверил меня, что было решено отправить меня завтра. Я ему ответил, что сумма, пожалованная мне императрицей, достаточна для нужд моего путешествия, но, получив возражение, что эта новая сумма дана по указу Ее Величества, я не мог не принять ее и не дать расписку. Я слишком уважал имя Императрицы, чтобы не принять со смирением, все то, что было пожаловано ее указами, иначе я, могу вас уверить, открыто бы отказался от этих денег, у меня хватало моих средств на все мои нужды. Более не сомневаясь, что я должен отправиться на следующий день, после только что данных мне уверений, я немедленно сообщил об этом господину и госпоже Делиль, которые пришли с господином Дювернуа провести день в моей комнате. Хотя я имел все основания быть вне себя от радости, что исполняются все мои желания, это расставание было мне очень тяжело. Я покидал господина Делиля, его супругу

с тем бóльшим сожалением, что не надеялся ни когда-нибудь свидеться с ними, ни выразить свою дружбу и мою признательность. Госпожа Делиль, не удовлетворившись тем, что она сделала для меня, захотела еще нагрузить огромным количеством провизии.

Все приготовления были сделаны для моего отправления на следующий день, 24 числа, когда ко мне пришли и сказали, что отъезд откладывается на 26-ое, которое будет днем моего полного освобождения. К десяти часам утра мне вернули мои бумаги, из которых была удержана часть вместе с дневником, о котором я уже вам говорил. Затем меня спросили, когда я думаю отправляться. Я ответил, что чем раньше, тем лучше, тогда мне сказали, что пошли за лошадьми. Что касается паспортов, которые я просил так часто, мне обещали, что они у меня будут, я прождал их напрасно. Ну, разве нет в этом несправедливости – заставить человека отправиться в путешествие без паспорта в той ситуации, в которой находилась тогда Европа! Это тем более удивило меня, что они сами так придиричивы в этом отношении, что, если иностранец имеет несчастье попасть в их страну без оного, неминуемо окажется подверженным опасности попасть в многолетнюю неволю. Единственный паспорт, который мне дали, был на московитском языке, и вы скоро увидите, в каких выражениях он был составлен. Но оставим это и будем говорить о моем путешествии.

Я покинул Петербург на санях часам к четырем и выехал на нарвскую дорогу, откуда продолжал мой путь со всей скоростью и счастливо прибыл в Ригу 23 декабря после обеда. Тот, кто сопровождал меня, привел меня к генералу Фелькерсаму, к которому я и обратился. Я был принят этим сеньором с большой вежливостью, и он обращался со мною таким образом, давая мне понять разницу между немцем и московитом. После первых приветствий он сказал мне, что от меня требуется только сообщить время, когда я намереваюсь продолжить мой путь, чтобы ему сделать соответствующие распоряжения. Я ему ответил, что дело зависит полностью от него, но поскольку он хочет предоставить моему выбору, я его умоляю отправить меня настолько быстро, насколько возможно. Он мне ответил самым любезным образом, что я могу отправиться немедленно, если я этого желаю, но он надеется, что я окажу ему большую честь, по крайней мере, провести ночь у него в гостях. Я дал ему понять, что я нахожусь не в таком положении, чтобы принять столь любезное приглашение и, нуждаясь в отдыхе, прошу позволить мне найти квартиру, чтобы сразу же лечь спать. После повторных просьб он отпустил меня, и меня разместили по его приказу совсем рядом – в соседнем от него доме, и он послал все для роскошного ужина. С самого утра все было готово

для отъезда. Так как мне нельзя было терять времени, я сначала отправился к генералу, чтобы попрощаться и засвидетельствовать мою признательность. Он ввел меня в комнату своей супруги выпить чаю. Там я нашел двух очень красивых и вежливых девушек, меня сильно сконфузило появиться в их присутствии столь плохо, как дикарь, одетым. Выпив чаю, я удалился, очень довольный любезным приемом.

Я отправился с секретарем, очень вежливым человеком, имевшим приказ сопровождать меня до границ Ливонии. Когда я доехал до переправы через Двину, случилась сильная оттепель, и надо льдом был добрый фут воды, так что в этот день я больше ехал по воде, чем по суше. Доехав до моего ночлега, я провел там ночь, и, когда надо было отправляться, господин секретарь очень вежливо попрощался со мной по-московитски, о чем его, видимо, ранее попросили. Вручив мне немецкий паспорт, он сказал, что мне следует знать, что по указу Императрицы я полностью свободен, но мне запрещается появляться во владениях, находящихся под московитским господством. Кровь бросилась мне в лицо, но мне хватило силы духа сдержаться и не дать такого ответа, который бы заслуживала подобная любезность. Я ему просто ответил, что есть основания полагать, что этот запрет бесполезен, но поскольку его рассудили нужным, он может уверить министров, что указ императрицы будет точно выполнен.

Что вы скажете об этом? Это что за комплимент человеку, которого признали совершенно невиновным? Я должен бы сообщить этим господам, что если когда-нибудь мне придется вступить на их землю, так это будет в такой доброй компании, что им будет немного труднее завладеть моей шпагой, чем это было при моем прибытии в Казань, и что у меня нет намерения вновь появиться в Московии, если это только не будет война. Но ошибался ли я, желая им зла? Не мне ли сделана великая милость, позволившая покинуть их страну, и не легко ли я отделался, избежав риска быть заключенным и погребенным там навеки? И действительно, московитская политика требует, чтобы человек погиб безвозвратно, когда его безосновательно терзали, как меня, если только нет желания задержать его благодеяниями, способными заставить его забыть о прошлом. А разве они не действовали с такой жестокостью, предписанной их политикой, и я, вследствие этого, должен быть им признательным? Я не должен быть им менее обязанным за позволение уехать, так как жизнь, которую бы я вел в Московии, была равноценна медленному умиранию. Следует предположить, они посчитали, что итальянец никогда не сможет простить их жестокость, и, следуя в этом догме здоровой политики, они предпочли иметь врага вне, а не внутри страны. Может быть, поэтому они судили неумест-

ным удерживать человека, который не был настроен позволять им распоряжаться собой как с каким-нибудь холопом, человека, способного самого обратиться однажды к особе, от которой тщательно скрывают то, в чем она должна быть лучше всех осведомлена. Добавьте к этому, что среди московитов много иностранцев, которых они смертельно ненавидят, им не доставит удовольствия видеть среди себя все большее число иностранцев. Но как бы то ни было, я хочу забыть о них, пусть остаются с их угрызениями совести, если они способны их иметь.

Я должен бы здесь закончить мое письмо и рассказ моих приключений, так как поскольку впредь не будет речи о московитах, вы не должны ожидать ничего чрезвычайного или того, что может возбудить ваше любопытство. Однако, *restabat adhuc Fatis aliquid*¹.

Расставшись с секретарем, я отправился в Митаву, столицу Курляндии, где я вынужден был сделать остановку. Поскольку больше было невозможно ехать в санях из-за оттепели, я был вынужден взять коляску. Я воспользовался повозкой местного образца, чтобы доехать до Мемеля, первого прусского города. На этом пути со мной случилось несколько приключений. Первое имело привкус романа, но, тем не менее, самое истинное. Вот оно. Под вечер первого дня приезда в одну харчевню, единственно находившуюся в обширном лесу, я намеревался немедленно лечь спать, не поужинав, поскольку в доме ничего не было. И в этот момент у входа раздался шум, и мне показалось, что кто-то говорит по-французски. Я сразу же вышел, спросив, не слышал ли я французскую речь, мне немедленно ответили, что да. Тогда, обращаясь к новоприбывшим, сказал: «Входите, господа, харчевня плоха, поесть нечего, но вы в ней найдете людей, которые вас примут с удовольствием». И в это же время я увидел, как вошел человек с добродушным лицом, но поскольку на нем была большая шапка, я не мог хорошо его рассмотреть. После взаимного обмена любезностями мне показалось, что я слышу знакомый голос, и мой знаком для него. Внимательно присмотревшись, мы узнали друг друга и обнялись, крайне взаимно пораженные встречей в подобном месте. Мне показалось, что эта встреча его беспокоит, поскольку у него были сильные основания остаться неизвестным для окружающих. Он попросил меня полностью забыть его имя, после чего мы начали разговор, в котором нам было много о чем сказать друг другу. Я очень настойчиво задавал ему вопросы, а он удовлетворял мое любопытство по многим из них. К счастью для меня, у него был хороший запас провизии, которым мы воспользовались для ужина, после чего пошли спать. Так как он ехал

¹ *restabat adhuc Fatis aliquid* – оставалось кое-что важное в судьбе (лат.)

из той страны, которую я только что покинул, и он ехал по той же самой дороге, что и я, то на следующий день мы отправились вместе и прибыли к вечеру к общему ночлегу. Однако, заметив, что беспокойство его не покидает, и видя, впрочем, что я ему в тягость, я решил пожелать ему доброго пути, тем более, что мои лошади были хуже его и не могли за ними поспевать.

Вы, может быть, ожидаете больших разъяснений об этом приключении, но я не могу вам сказать больше: я хочу сдержать слово, которое я дал — хранить секрет этого нерушимо, и впрочем, я не считаю для себя возможным говорить о некоторых вещах, которые и ныне могут иметь слишком серьезные последствия. Лучше я вам расскажу о совершенно другом приключении, в котором вы увидите, чего можно ожидать, когда не повезет с самого начала.

Десятого числа оттепель стала всеобщей, и дороги стали чрезвычайно тяжелыми. Встретив некоторые места, показавшиеся мне опасными, я отправил своего извозчика их проверить, и он нашел, что проезд опасен. Мы вынуждены были сделать большой объезд, чтобы поискать другой. Мой проводник, посчитавший, что он нашел подходящий, ввез меня в какую-то пропасть, может, единственную по всей округе, в которую мы свалились вместе с тележкой и лошадьми. Каких только страданий мы не натерпелись, чтобы выбраться из этого гиблого места, и были очень рады, что остались живы. Признаюсь, что подобный случай мог бы рассматриваться как совершенно чрезвычайный и странный. Пусть еще потерпеть кораблекрушение на море, на озере или реке: эти несчастья происходят ежедневно, и в них нет ничего удивительного, но потерпеть такое на земле, посреди вспаханных полей, такое может произойти только с тем, кто *minxit in patrios cineres*¹.

В том состоянии, в котором я находился, мне понадобилось четыре или пять часов пути, прежде чем я нашел пристанище. То, в которое мы приехали, оказалось довольно хорошим, и я принужден был в нем остаться три дня, чтобы высушить белье. Вся моя одежда оказалась полностью испорченной, как и мои бумаги, о чем я сожалел больше всего. Снова отправившись в путь, я прибыл пятнадцатого в Мемель, где пришлось пересест в сани, чтобы ехать в Кенигсберг. Дорога, которую мне показали, не могла быть хуже. Лед во многих местах был в разломах и иногда покрыт водой, через которую было невозможно проехать. Никогда путь не стоил мне стольких тягот и трудов, и я мог сравнить затруднение, в котором я тогда находился, только с тем, когда мне приходилось твердо стоять под частым огнем

¹ *minxit in patrios cineres* — помочился на родные руины (лат.).

батареи. Однако Господь, который с некоторого времени подталкивал меня одной рукой, чтобы поддержать другой, привел меня в последний день 1734 года в Кенигсберг.

При въезде в этот город я стал зрелищем для всех жителей, так как я весьма сходил за блудного сына или за беглого раба. Меня привели к господину генералу Кату, который, видя, что я стыжусь показаться перед ним в таком одеянии, был так добр, что отпустил меня как можно быстрее. Меня поселили в первой же встретившейся харчевне, и, войдя в нее, я попросил богов позволить мне насладиться отдыхом. *Contenti nostris, Dî, precor, este malis*¹.

Когда я прибыл в Кенигсберг, я не ожидал, что москвиты найдут способ мне в нем досадить. А это именно они и сделали, действуя по отношению ко мне таким образом, в котором отразились их злопамятство и низость. Вот как это было. Выше я уже говорил вам, что при моем отправлении из Петербурга, я попросил различные паспорта, в чем мне было отказано и что единственный, который мне дали, был написан на московитском языке. В Риге мне был дан другой паспорт — на немецком, о содержании которого я также не знал, как и о первом. Когда я появился в Кенигсберге перед генералом Катом, я показал ему эти два паспорта и, несмотря на сильные причины, которые могли его склонить заставить меня выдержать долгий допрос, он не задал мне ни одного вопроса об этих двух документах и дал разрешение отправиться на отдых.

На следующий день моего приезда я отдал эти паспорта моему хозяину, имевшему приказ потребовать их у меня и проверить. Я не знаю, какое употребление он из них сделал, но, возвращая их мне, спросил, знаю ли я их содержание.

Я ответил им, что мне оно полностью неизвестно, а он пообещал их перевести. И вскоре он мне их принес, и, бросив на них взгляд сверху, я увидел с удивлением, что москвиты, не удовольствовавшись тем, что передали через их секретаря, о том что мне запрещено вступать на землю их страны, включили этот комплимент в свои паспорта. Хотя долгая неволя и грубое обращение, уже испытанное в Московии, научили меня все сносить с терпением, мне невозможно было в этом случае сдержаться. У меня были основания опасаться, что генерал Кат, увидев содержание моих паспортов, примет меня за совершившего что-либо плохое в Московии и подумает, что меня изгнали оттуда постыдным образом. Все это печалило меня тем больше, что, будучи уставшим и без денег, я был как бы принужденным

¹ *Contenti nostris, Dî, precor, este malis*¹. — Умоляю, боги, удовлетворите нас, будьте коварны. (лат.)

остаться некоторое время в Кенигсберге. Я чрезвычайно был озабочен этой задержкой, в которой страдала моя репутация. В это время я постарался забыть обо всех перенесенных мною бедах. Опасности, которые я испытал, суровая неволя, в которой меня держали, несправедливости, которым я подвергался, сама тюрьма, в которой я был на волосок от смерти, все это было ничто по сравнению с той досадной ситуацией, до которой я был доведен. Мне не хватает слов, чтобы выразить мрачность этого действия.

Именно этой катастрофой, одной из самых странных, я закончу рассказ о моих приключениях. Снисходительность, которую требует великая связь и дружба, существующая между нами, увлекла меня на этот тяжкий путь, удерживая от большого продолжения до того времени, когда я буду счастлив обнять вас. Я отправляюсь, мой государь, к вам, поскольку вы меня зовете и пламенно этого желаете, а я еще раз отдаю себя на волю одной стихии, которая, кажется мне, угрожает новыми бедами. Мне кажется, что небо разгневалось на меня, и я боюсь, что *Fata mihi totum mea sint agitanda per orbem*¹.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

<...> У меня только одна цель при сочинении этого маленького послесловия – сообщить читателям, по какому случаю эти письма попали ко мне и побудительные причины опубликовать их. Что касается последнего, я не сомневаюсь, что многие обвинят меня в безрассудстве, в том, что я осмелился опубликовать книгу, которая затрагивает такую мощную державу и сообщает обо всех ее недостатках. Что требуется ответить этим критикам, так это то, что для меня была важнее заинтересованность остальной Европы, что и одержало верх над всеми остальными соображениями. В конце концов, автор говорит только о том, что с ним происходило в самом деле, а что до меня, я буду вознагражден за мои труды, если чтение этих «Писем» приведет к тому, что воспрепятствует кому-либо из честных и порядочных людей отправиться в Московию, где они рискуют попасть в такую же трагическую ситуацию, как и та, о которой говорит наш итальянец.

Случай, по которому мне попали эти письма, совершенно необычаен, поскольку я стал их владельцем в результате кораблекрушения. Человеку, их написавшему, был предопределено испытать это новое несчастье, которое, по всей видимости, было последним в его жизни. Следует предположить, что он погиб при кораблекрушении, и посему к нему можно применить эти слова: *Fortuna libera mors est*².

¹ *Fata mihi totum mea sint agitanda per orbem* – Судьба еще помотает меня по свету. (лат.)

² *Fortuna libera mors est* – В смерти вольна судьба. (лат.)

Может быть, это несчастье произошло во время путешествия, о котором он говорит в конце последнего письма, в путешествии, которое он собирался предпринять, но не слишком важно знать, каким образом, когда и в каком месте это произошло. Мне будет достаточным сказать, что после кораблекрушения мне достался сундук, под крышкой которого была наклейка с надписью в сих выражениях:

«Мужественно сносимое бремя тяжкого и зловещего пленения у московитских варваров послужит потомкам предостережением, а также знаком и напоминанием, да не посещают они этот бесчеловечный народ, если только огнем и мечом он не будет опустошен. Но если такой возможности не представится, по крайней мере, следующее моление произносить ежедневно от чистого сердца: пусть небо обрушится над московитами и земля уйдет из под их ног, пусть все они без исключения погибнут и провалятся в бездну под обломками небес и земли, и в одно мгновение ничего не должно остаться существовать, ничто, кроме пустого и мрачного пространства, каким оно было в начале существования мира. Лукреций кн. I стих 1098 и след. (лат.)

Эта надпись возбудила мое любопытство. Порывшись в сундуке, где поначалу наткнулся на старую одежду, я обнаружил большой бумажный пакет, остановивший в этот момент мое дальнейшее исследование сундука. В этом пакете находилось много писем, написанных трудно читаемым почерком, из чего я заключил, что они были написаны в большой спешке. Я их прочитал, однако, не без труда, и несчастья автора меня особенно живо не тронули. Частью я был осведомлен о том, что он пишет о правлении московитов, об их военных силах, об их финансах, обо всем, что касается их правительства. Но об остальном я не имел никакого понятия, и не без удивления узнал, что все труды и старания Петра I, чтобы цивилизовать этот народ до настоящего времени, оказались бесполезны. <...>

Перевод с французского Николая Епишкина

ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВ

МОНГОЛЬСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ – КЛАДЕЗЬ НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

Монгольские пословицы и поговорки, появившись в глубокой древности, представляют собой устный свод бытовых, социальных, философских, религиозных и морально-этических взглядов, и представлений. Краткие изречения, выражающие законченную мысль, обобщают многовековой опыт степных кочевников.

При подготовке данной публикации переводчиками за основу была взята монография известного монгольского филолога Батын Банама «Ардын ухаан амьдралын сургаал» («Жизненная мудрость народа»), изданная в Улан-Баторе в 2011 году издательством «Монхийн усэг». В издании опубликованы 2069 пословиц и поговорок, затрагивающих практически все сферы жизни монгольского народа.

Следует отметить, что доминирующее влияние на формирование монгольских пословиц оказал образ жизни аратов¹, на протяжении многовековой истории поклоняющихся вечному голубому небу, степи, домашним животным и ведущим кочевой образ жизни.

Значительная часть монгольских пословиц труднопознаваема европейцами, так как несет в себе колорит и специфику сугубо монгольской ментальности. Так, у пословицы Давсанд явах в дословном переводе – «ехать за солью» смысловая нагрузка далека от перевода – «Спать неглубоким сном». Необходимо пояснить, что солевые озера в Монголии находятся только на северо-западе страны и для того, чтобы съездить за солью из Южно-гобийского аймака и вернуться обратно, требовалось около месяца. За это время кочевник успевал отдохнуть и выспаться верхом на коне.

Пословицу «Есть кашу чужим ртом» вряд ли поймет человек, не владеющий монгольским языком, ее смысл – пользоваться плодами чужого труда. На первый взгляд, парадоксально звучит пословица Ёс мэдэхгүй хунд ёр халдахгүй – «к человеку, не знающему общепринятых правил, наказания не будет». Однако в ней заложен глубокий религиозный смысл: считается, что если верующий буддист при посещении дацана нарушит ритуальные правила и молитвы, то у него могут возникнуть неприятности со здоровьем или в жизни. В случае, если в дацан зашел человек, далекий от буддизма, то нарушение им определенных правил при молитве не вызовет «возмущения» Будды, так как он по определению не может знать весь порядок отправления религиозного культа.

Русские эквиваленты к большинству пословиц найти крайне сложно, тем не менее, именно это послужило стимулом для переводчиков к расшифровке народной монгольской мудрости.

Данная публикация посвящается замечательному человеку, моему учителю, кандидату исторических наук, старшему преподавателю монгольского языка Высшей Краснознаменной Школы КГБ СССР им. Ф. Э. Держинского Филиппу Семеновичу Цаплину, ушедшему из жизни в 1979 году в Москве и похороненному в г. Элиста.

¹Араты – кочевники. (Прим. пер.)

«А» үсэг эрдмийн дээж
Аягатай пай идээний дээж.

Аавын бийд хүнгэй танилц
Агтын бийд газар үз

Аавын дайтай ах
Арслангийн дайтай нохой

Аавын хүүхдүүд сайнтай
муутай
Адууны зүс цагаантай
бараантай

Аавдаа адуу манахыг заахгүй

Аав нь хэлж
Хүү нь сонсдог

Аальгүй хүүхэн үгэнд унаж
Агсам морь нүхэнд унана

Хэлж өгөхөд чих нь цоорхой
Хийж өгөхөд сав нь цоорхой

Буква «А» – начало знаний, вкусный
чай – начало трапезы.

*Хорошее начало – половина дела.
Зачин дело красит.*

Пока жив отец – знакомься с людь-
ми, пока есть лошадь – больше пу-
тешествуй.

Куй железо, пока горячо.

Старший сын умеет делать все, чему
его научил отец, а собака владеет
навыками льва.

*С кем поведёшься – от того и
наберёшься.*

Дети бывают хорошие и плохие, так
же как лошади бывают разномаст-
ные.

В семье не без урода.

Не учи своего отца охранять лоша-
дей.

Не учи учёного.

Если отец говорит, дети должны
слушаться.

Слово отца для детей – закон.

Легкомысленная девушка утонет в
словах, а слишком резвая лошадь
попадет в яму.

Свинья грязь всегда найдёт.

Сколько человеку в уши не вклады-
вай, он не услышит, сколько ему в
миску еды не клади, у него всегда
посуда дырявая.

*С дураком говорить – решетом во-
ду носить.*

Метать бисер перед свиньями.

Сколько волка не корми, он всё

равно в лес смотрит.

Цувж явсан барсаас
Цуглаж суусан шаазгай дээр

Стая сорок сильнее идущих пооди-
ночке тигров.

Вместе мы – сила.

Муу муудаа дээрлэхүү

Глупый – слуга хитрого.

Глупость не порок, а беда.

Эрийг нас дарна уулыг цас
дарна

Мужчину возраст одолевает, гору
снег покрывает.

Старость – не радость.

*Старость пришла – хворь принес-
ла. Укатали сивку-бурку крутые
горки.*

Зангуу тууж эсгий хийх

Собирать репей и из него валять
войлок.

Стрелять из пушки по воробьям.

Пустые хлопоты.

Залхуу хүн завагтаа хүрэхгүй

Ленивый человек не достанет рукой
до щели в юрте, чтобы избавиться от
сквозняка.

*Нам бы брёвна катать – только
лёжа.*

Ленивому и приподняться лень.

Ёс мэдэхгүй
Ёр халдахгүй

Человеку, не знающему общеприня-
тых правил, наказания не будет.

Взятки гладки.

Дургүйд хүчгүй

Нет желаний – нет силы.

*Было бы желание, а силы найдут-
ся.*

Дундуур дундуур гээд долоон
дундуур

Просил чуть-чуть, выпросил семь
раз понемногу.

С миру по нитке – голому рубаха.

Халуун чулуу долоосон хүн

Человек, облизавший горячий ка-
мень.

Далайц нь их тусалт нь
хөнгөн
Муу хүн хүмүүсийг дайрна
Муу морь мод дайрна

Ажил хийвэл дуустал
Давс хийвэл уустал

Чоно махнаас гарахтай адил

Муугаас муу гарах
Модноос хөө гарах

Ганц мод гал болдоггүй
Ганц хүн айл болдоггүй

Хашин моринд газар хол
харамч хүнд нөхөр хол

Үхэл ирвэл мянган бурхан
хүрээлсэн ч тусгүй

Прошедший огонь, воду и медные трубы.

Взмах сильный, но удар легкий.
Замах на рубль – удар на копейку.
Плохой человек людей оскорбляет,
дурная лошадь при езде деревья за-
девает.
Плохому танцору ноги мешают.

Если работать, то до достижения ре-
зультата, если солить воду, то до
растворения соли.
*Взялся за гуж – не говори, что не
дюж.*

То же самое, что волку отвыкнуть от
мяса.
Горбатого могила исправит.

Плохое порождает плохое, после
сгоревших дров остается зола.
*Яблоко от яблони недалеко пада-
ет.*

Одним поленом костер не
разожжёшь, один человек семью не
создаст.
Один в поле – не воин.

Далёк путь для ленивого коня, далёк
друг для скупого человека.
*Когда не хотят что-то делать,
ищут отговорки.*
*При желании можно всё оправ-
дать.*

Если пришла смерть, то и тысяча
Будд не помогут.
Пришла беда – отворяй ворота.

Бурхангүй газар бумба
галзуурна

Где нет Бога, там правит бал Сатана.
Свято место пусто не бывает.
Кот из дома – мыши в пляс.

Хүний амаар будаа идэх

Есть кашу чужим ртом.
Жить чужим умом.

Муу хүн бөө болох
Муу хүлэг жороо болох

Худший из людей становится шаманом, худший из боевых коней становится иноходцем.
На безрыбье и рак – рыба.

Дөрөө урт боловч газарт
хүрэхгүй
Дүү сайн боловч ахад
хүрэхгүйно

Хоть стремя бывает длинным, до земли не достанет; хоть и хорош младший брат, но далеко ему до старшего.
Что позволено Юпитеру, то не позволено быку.

Өөх ч биш булчирхай ч биш

Ни сало ни сухожилие.
Ни рыба ни мясо.

Хүн ахтай
Дээл захтай

У человека есть старший, а у одежды воротник.
Вперёд батьки в пекло не лезь.

Аймхай хүн арав үхнэ

Трусливый человек умирает много раз.
У страха глаза велики.

Амталсан хэрээ арван гурав
дахих

Повадившаяся ворона много раз прилетит.
Повадился волк в овчарню.

Чонын амнаас гараад барсын
аманд орох

Избежать клыков волка, но угодить в пасть тигру
Из огня да в полымя.

Ам алдвал барьж болдоггүй
Агт алдвал барьж болдог

Слово скажешь – не удержишь, коня упустишь – не поймашь.
Слово – не воробей, вылетит – не поймашь.

Түргэн горхи адагтаа
хүрдэггүй

Быстрый ручей до своего устья не
дотечет.

Тише едешь – дальше будешь.

Авчин төвчийн зангаар
Архичин сөнчийн зангаар

Охотник на облаве подчиняется
старшему, а пьяница за столом –
разливающему.

*Кто платит – тот и заказывает
музыку.*

Айлаас эрэхээр
Авдараа эр

Прежде чем что-то искать у других,
поищи сначала у себя.

*У другого соринку в глазу заметит,
а у себя и бревна не видит.*

Ирсэн нь зол
Ирээгүй нь хохь

Кто пришёл, тому выпала удача, кто
не пришёл, тот потерпел неудачу.

*Кто рано встаёт, тому Бог даёт.
Кто успел, тот и съел.*

Зуд болоход нохой таргална
Зовлон болоход лам таргална

При бескормице, когда гибнет скот,
собаки жиреют; при людском горе –
ламы процветают.

Кому война, а кому мать родна.

Явсан нохой яс зууна

Собака, которая бежит, всегда кость
найдёт.

Волка ноги кормят.

*Под лежащий камень вода не те-
чёт.*

Зэс нь цухуйж байна

Обнаружить медь вместо золота.
(Проявить своё истинное лицо).

Обратная сторона медали.

Не всё то золото, что блестит.

*По одежке встречают – по уму
проводжают.*

Маргаашийн өөхөөс
Өнөөдрийн уушиг дээр

Легкие сегодня лучше вчерашнего
жира.

Лучше синица в руках, чем жу-

Морь унаж явсанаа илжиг
унах

Нугасын алдсан ч
Нуурын онолоо

Нуур нь амар бол
Нугас нь амар

Сумаа харваад
Нумаа нуух

Мөнгө цагаан
Нүд улаан

Нүдэн балай
Чихэн дүлий

Нуухыг нь авах гээд
Нүдийг нь сохолох

Сайн нэр хүсэвч олдохгүй
Муу нэр хусавч арилахгүй

Нэр хугарахаар яс хугар

равль в небе.

После того, как ехал на коне, пере-
сел на осла.

*От сумы и от тюрьмы не зарекай-
ся.*

Хоть из лука не попал в утку, зато
попал в озеро.

Попасть пальцем в небо.

Если озеро спокойное, то и утки
спокойны.

И волки сыты, и овцы целы.

Выпустить стрелу и спрятать свой
лук подальше.

Не пойман – не вор.

Деньги белые, а глаза красные. (Ко-
рысть, жадность).

Деньги не пахнут.

Глаза закрыть и уши заткнуть.

Моя хата с краю.

Вместо того, чтобы прочистить гла-
за, выдавить их.

Оказать медвежьёу услугу.

Хорошую репутацию при всем же-
лании просто так не заработаешь, а
от плохой никогда не избавишься.

*Береги платье снову, а честь смо-
лоду.*

Лучше сломать кость, чем потерять
авторитет.

*Лучше умереть стоя, чем жить на
коленях.*

Нэмэр болохоос
Нэрмээс бол

Не усугубляй тяжелую ситуацию
своими неумелыми действиями.
Не зная броду, не лезь в воду.

Олонтой бол баянтай

Кто с народом, тот богат.
Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Эрсэн хүн олдог

Кто ищет, тот всегда найдет.

Оройруугаа үс хийв

Положить волос на свою голову
(сглазить, накаркать).
Создать себе проблему на пустом месте.
Сказать под руку.

Өмх түлээ угаа ихтэй

От гнилых дров много дыма, от рас-
хлябанной телеги много скрипа.
*Пустой колос всегда сверху тор-
чит, пустая бочка всегда громче
гремит.*

Өгөр тэрэг хахинаа ихтэй

Өөрийн хийсэн өөрт

Вверх брошенный камень упадет те-
бе на голову.

Өөдөө хаясан толгойд

Как аукнется, так и откликнется.

Өөрийн алдаар алдлах

Мерить все на свой размах рук.
Мерить всех одним аршином.

Өртэй хүн өөдөлдөггүй

Человек, имеющий долги, никогда
не станет богатым, паршивая овца
никогда не разжиреет.

Өтгэй ямаа таргалдаггүй

*Рождённый ползать летать не
может.*
*Маленькая собачка до старости
щенок.*

Саалиа бэлдэхээр
Саваа бэлд

Перед тем, как доить корову – при-
готовь посуду.
Зачин – дело красит.

Сайн явахад садан олон
Саар явахад дайсан олон

Когда человек хорошо живёт, у него много родственников и друзей, когда плохо – у него появляется много врагов.

Был Филя в силе – все друзья к нему валили...

Санаж явбал болно
Сажилж явбал хүрнэ

Если о чём-то мечтать и стремиться к этому, то обязательно достигнешь.

Кто ищет, тот всегда найдёт.

Сохор үхэрт худаг бүү үзүүл
Согтуу хүнд архи бүү үзүүл

Не подпускай слепую корову к колодезю, не показывай водку алкоголику.

Пустить козла в огород.

Сохорсон биш завшив

По слепоте нашел удачу.

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Нет худа без добра.

Сүх далайтал үхэр амар

Пока не замахишься топором, корова спокойна.

Пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

Пока жареный петух не клюнет.

Эр хүн долоо дордож найм
сэхдэг

Жизнь мужчины семь раз может ухудшиться и восемь раз улучшиться.

Не надо печалиться – вся жизнь впереди.

Ирсэн зочин буцдаг
Орсон бороо арилдаг

Гость всегда вернётся домой, дождь всегда закончится.

В гостях хорошо, а дома лучше.

*Перевод с монгольского Геннадия Васильева
и Алтанхуягийн Баярсайхана*

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВА

О НЕКОТОРЫХ ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С АНГЛИЙСКОГО НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК: ПЕРЕВОД ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Популярность английской литературы в Китае велика. Произведения известных английских писателей (Р. Киплинг, О. Уайльд, А. К. Дойл, Ч. Доджсон и др.) уже давно переведены на китайский язык. В начале XX в. наиболее привлекательными для китайских читателей были рассказы из серии всемирно известных романов А. К. Дойла «Шерлок Холмс».

Первым был переведен опубликованный в 1896 г. рассказ «Морское соглашение», а в 1903 г. шанхайский журнал «Сюсян сяшо» (绣像小说) напечатал сразу пять рассказов Конан Дойла, каждый из которых выходил в отдельном номере журнала. Они были объединены в серию под названием «Дополнительные переводы детективов о Ватсоне». При переводе допускались сокращения, особенно тогда, когда в тексте шли рассуждения и описание привычек Шерлока Холмса. Кроме того, Шерлоку были приданы черты героя, который защищает социальный порядок, он в переложении авторов переводов воплощал в себе все черты законопослушного гражданина, что соответствовало привычному для жителей Поднебесной образу истинного конфуцианца [4].

Всего за двадцать лет до 1916 г. было переведено 32 рассказа Конан Дойла, которые были напечатаны 96 раз. Сейчас наиболее известные компании Press-Edition, Zhong Hua Book Company, Star-Press и др. занимаются переводом и выпуском произведений А. К. Дойла, а наибольшей популярностью пользуются переводы, выполненные китайскими переводчиками Гу Ютеном и Ли Сяою.

Известно, что перевод художественной литературы – один из самых сложных процессов, особенно, если речь идет о переводе на китайский язык. Поскольку английский и китайский языки представляют разные языковые семьи (индоевропейскую и китайско-тибетскую), способы номинации, выражения грамматических отношений очень отличаются. В силу данных различий перевод с англий-

ского языка на китайский имеет ряд специфических особенностей. В качестве иллюстрации рассмотрим перевод рассказа «Приключение клерка» на китайский язык, выполненный китайским переводчиком Ли Сяою.

Огромную сложность при переводе с одного языка на другой представляют имена собственные, особенно личные имена, которыми художественные произведения, как правило, изобилуют. Передача на китайский язык английских фамилий и имен связана с особенностями их строения. Английское имя состоит из имени и фамилии: на первом месте располагается имя, на втором – фамилия, китайское же имя имеет обратный порядок.

Традиции обращения в европейской и китайской языковой действительности имеют ряд общих черт: личное имя используется для общения с близкими и родственниками, в социуме – наиболее уместно обращение с использованием фамилии. Наиболее популярными обращениями являются: «господин» – Mr., Sir, Esq., – в английском языке, 先生 (xiānshēng) – в китайском; «госпожа» – Mrs., Ms., Miss, Madam. – в английском, 小姐, 女士, 太太 (xiǎojiě, nǚshì, tàitai) – в китайском языке.

Однако особенности звучания имен в разных языках специфичны. Особенности фонетической структуры китайского языка создают известные трудности для перевода иноязычной лексики. Поэтому при передаче имен главную трудность составляет передача звукового содержания, реализуемая, как правило, с помощью транскрибирования, транслитерации или методом калькирования.

В основе калькирования лежит образование абсолютно нового слова или устойчивого словосочетания на языке перевода. Такая новая языковая единица некоторым образом копирует структуру и состав исходной оригинальной лексической единицы [1]. Транслитерация (фонетическая калька) – передача текста, написанного при помощи одной алфавитной системы (иностранный язык), средствами другой алфавитной системы (переводящего языка) [7]. Транскрибирование же иноязычных слов средствами китайского письма представляется довольно сложным процессом, прежде всего, потому, что «первоосновой невосприимчивости китайского языка к звуковым заимствованиям является иероглифический характер его письма, закрепление за отдельными слогами определенных значений» [3, 144].

В китайском языке множество одинаково звучащих иероглифов, выбор которых для перевода имени не имеет строгих правил, использование иероглифов для записи звуковых заимствований, так или иначе, ведет к потере и смысловой, и звуковой идентичности. Таким об-

разом, английское имя в китайской звуковой форме становится трудным не только для восприятия и понимания, запоминания, но и для произношения. В китайском языке каждый слог, обозначенный на письме иероглифом, имеет значение, при чтении фонетических заимствований возникают ненужные семантические ассоциации, которые препятствуют правильному уяснению их значений. При переводе имен собственных на китайский язык логической связи между иероглифами, использованными для записи того или иного имени, нет. Это большая удача для переводчика – перевести иностранное имя и «наполнить» смыслом иероглифы, входящие в его состав.

Безусловно, за многолетнюю практику межкультурного взаимодействия в китайском языке уже сформирован постоянный список иероглифов, предназначенных для записи иностранных имен. Несмотря на то, что в составе иностранного имени иероглифы используются исключительно как средство фонетической записи, они могут отражать и некоторые оттенки значения. В мужских именах чаще употребляются иероглифы со значением мужества, долга, верности и т.д.; в женских именах – цветы, женские добродетели и прочее. В КНР официальным стандартом транслитерации является «Большой словарь перевода иностранных личных имён» (世界人名翻译大辞典), в котором представлена таблица «Англо-китайская транскрипция», демонстрирующая наиболее регулярные варианты сочетаемости слогов.

В тексте анализируемого нами рассказа встречаются следующие личные имена: мистер Фаркер – Mr. Farquhar – 法夸尔先生 (Fǎ kuā ěr xiānshēng), Шерлок Холмс – Sherlock Holmes – 歇洛克·福尔摩斯 (Xiē luòkè fú'ěrmósi), М. Хилл Пикрофт – Mr. Hall Pycroft – 霍尔·派克罗夫特先生 (Huò ěr pàikè luó fū tè xiānshēng), Артур Пиннер – Arthur Pinner – 啊瑟·平纳 (Ā sè píng nà), Джон Х. Вотсон – John H. Watson – 约翰·H·华生 (Yuēhàn H huá shēng), переведенные на китайский язык способом транслитерации.

Не менее интересным представляется и перевод другой категории собственных имен – географических названий – городов, улиц. Названия большинства английских городов уже включены в словари соответствий, например, название города Бирмингем – Birmingham – 伯明翰 (Bómínghàn) – переведено на китайский язык с помощью фонетической кальки, без уточнения каких-либо оттенков семантического значения.

Названия английских улиц могут быть переведены на китайский язык разными способами, соотносимыми с переводом имен собственных: фонетическим калькированием звучания, или семантическим

способом. Часто названия улиц состоят из двух частей – индивидуального названия и индикатора типа улицы (улица, проспект, шоссе и т.д.). В рассматриваемом нами рассказе название Корпорейшн-стрит – Corporation Street – 科波莱森街 – (Kē bó lái sēn jiē) переведено фонетической калькой первой части. Иногда фонетическую кальку вытесняет семантический способ заимствования, то есть «трансляция смысла», например, Нью-стрит – New Street – 新大街 (Xīn dàjiē) – досл. «новая улица».

Нужно отметить, что фонетические кальки в китайском тексте, имеющем иероглифический характер, кратно затрудняют восприятие, во-первых, из-за длины слова, а, во-вторых, вследствие того, что входящие в названия иероглифы между собой по смыслу не связаны. Однако, слова 街 jiē – улица, 市 shì – город могут стать своеобразными подсказками, в той или иной степени облегчающими восприятие текста.

Столь же интересным представляется вопрос о переводе реалий, образованных на основе имен собственных. Как известно, реалии – это предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках. [5, 155-161] В анализируемом рассказе встречаются несколько единиц такого типа, например: cockney (кокни) – один из самых известных типов лондонского просторечия, пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженцев Лондона из средних и низших слоев населения, при переводе на китайский язык – дословно: 伦敦佬 Lúndūn lǎo – «лондонский парень».

Конечно, китайцы как народ, привыкший в течение тысячелетий пользоваться идеографическим письмом, отдают явное предпочтение семантическим заимствованиям, например, при переводе названия болезни – St. Vitus's dance (пляска Св. Витта), было потеряно личное имя (St. Vitus's), однако, исходя из симптоматики данного заболевания (синдром, характеризующийся беспорядочными, отрывистыми, нерегулярными движениями, сходными с нормальными мимическими движениями и жестами, но различные с ними по амплитуде и интенсивности, то есть более вычурные и гротескные, часто напоминающие танец) при переводе воспользовались соответствием – 舞蹈病 wǔdǎo bìng – досл. «танцевальная болезнь».

При переводе английской художественной литературы на китайский язык имена собственные: личные имена, фамилии героев, географические и другие названия – вызывают определенные затруднения.

В данной статье рассмотрены пути решения указанной проблемы китайскими переводчиками.

Литература:

1. Виноградова Т. И. Общество и государство в Китае: XI научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. – 470 с. – (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 2 / редколл. А. А. Бокшанин (пред.) и др.). С. 386-390.
2. Захарова Н. В. Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова № 5, 2015.
3. Мосиенко Л. В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник ОГУ. 11. 2005. С.155-161.
4. Журнал «КИТАЙ» № 107, 2014, сс. 46-49. Статья «Перевод – это своего рода новое творчество».
5. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука. Л. Л. Нелюбин. 2003.

АНАСТАСИЯ РУСИНА

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКИХ РЕАЛИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Одной из причин, затрудняющих перевод китайских текстов, являются реалии из разных сфер культуры, истории и литературы, большинство которых не имеют своего аналога в русском языке. К единицам такого порядка могут быть отнесены и имена литературных героев китайских классических романов.

Литературная реалия Сунь Укун (孙悟空) из классического китайского романа «Путешествие на Запад» («西游记»), написанного У Чэньэнем (吴承恩) в XVI веке, является неотъемлемой частью китайской культуры. Каждый год по центральному телевидению транслируют мультфильмы, фильмы и сериалы, снятые по мотивам «Путешествия на Запад», в театрах можно посмотреть пекинскую оперу «Переполох в Небесных чертогах», а само «Путешествие на Запад» входит в четверку величайших произведений Китая.

Сунь Укун «живет» в Китае уже более четырехсот лет – это древний литературный и мифологический персонаж. В романе «Путешествие на запад» описан путь танского монаха Сюаньцзана и его учеников в Индию за буддийскими сутрами. Один из его учеников – Волшебная обезьяна – был царем среди своих сородичей, познал множество магических приемов и даже знал секрет бессмертия. Одна-

ко за дерзость и своенравность Сунь Укун был наказан Нефритовым Императором и приговорен к заточению под каменной горой на пятьсот лет. По прошествии этого срока, по велению Гуаньинь, богини милосердия, Сунь Укуна освободил Танский монах. В благодарность за своё освобождение, Сунь Укун стал его учеником и обязался защищать его на пути за сутрами.

Особенностью персонажа является наличие большого количества имен и титулов, каждое из которых имеет свою предысторию и является прецедентным по своему характеру. Собственное имя персонажа – 孙悟空 Сунь Укун (*досл.* «ребенок, познавший небытие») – было дано его первым учителем – патриархом Субботи. Второе имя – 美猴王 (*досл.* «прекрасный Царь обезьян») – Сунь Укун присвоил себе, когда провел своих соплеменников в Пещеру водного занавеса. Среди наиболее популярных титулов: данный Сунь Укуну его придворными титул 齐天大圣 – «Великий Мудрец, равный небу» и звание, присужденное Сунь Укуну в Индии на горе Линшань в знак признания за преодоленные многочисленные трудности на пути за сутрами – 斗战圣佛 – «Воинствующий Будда».

Наряду с указанными именами и званиями Сунь Укуна особого внимания заслуживают и его способности. Уникальной способностью Сунь Укуна являются 七十二变 – «семьдесят два превращения», в том числе и превращение в любое животное или предмет, хождение сквозь огонь, воду и землю, управление природными стихиями, навыки лекаря и т.д. Во время использования одного из 72 превращений, а именно – парения в воздухе, Сунь Укун садился на «облако для кувыркания» – 筋斗云 и с его помощью мог перемещаться на тысячи миль в мгновение ока, на нем же он сражался со «злыми» небожителями, препятствовавшими Танскому монаху во время его путешествия. Способность различить все тайное и явное – 火眼金睛 – *досл.* «металл и огонь в глазах; бдительное, всевидящее око» также является одной из выдающихся способностей Сунь Укуна.

Сунь Укуна по праву можно назвать символом Китая, идеалом, национальным героем. Его моральные и физические качества восхищают и вдохновляют не одно поколение китайских литераторов, журналистов и художников. Именно поэтому Царь обезьян очень популярен в современном Китае, а его образ является неотъемлемым атрибутом современных медиатекстов: его можно встретить в рекламных слоганах, на страницах газет и журналов, в названиях интернет-сайтов, в киноиндустрии, в публицистических изданиях и ораторских выступлениях.

Удивительная сила воздействия и положительные коннотации данного образа основаны на специфических, характерных только для данного персонажа феноменальных способностях. Рассмотрим некоторые примеры употребления данной реалии в китайском медиапространстве. По именам и титулам данного персонажа был найден целый ряд ссылок на ресурсы официального сайта газеты 人民日报 «Жэньминь жибао». [2]

Заголовок статьи, посвященной открытию китайскими учеными нового вида стволовых клеток, «人体干细胞中的“孙悟空” – досл. «Сунь Укун в стволовых клетках», безусловно, не может не привлечь внимание читателей. В начале статьи автор поясняет, в связи с чем он использует образ Сунь Укуна: «“美猴王”孙悟空可谓家喻户晓，很大程度上是因为其拥有“七十二变”的能力。其实，在人体中有一种细胞叫做间充质干细胞，其变换自己的本领也毫不逊色于孙悟空». «Можно сказать, что «Прекрасного Царя обезьян» Сунь Укуна знает каждый от мала до велика, прежде всего, он известен своей способностью осуществлять «семьдесят два превращения». В теле человека имеется вид стволовых клеток, которые называются «мезенхимальными», такие клетки могут менять свои качества ничуть не хуже, чем Сунь Укун». Автор статьи провел аналогию между магической способностью Сунь Укуна превращаться в любой предмет и функцией стволовых клеток трансформироваться в разные виды человеческой ткани.

В статье «看过孙悟空蚁人不新鲜» – досл. «Человек-муравей, подобный Сунь Укуну, нас не впечатлил» речь идет о фильме американской киностудии «Марвел» «Человек-муравей»: «Для «Анти»
человека,来自于对其创新能力不足的不满。在披上制服之后，蚂蚁人真的变成了蚂蚁大小，在作战的时刻，又能瞬间变成真人大小。<...>
对于中国观众而言，打小就熟知孙悟空变身小虫子钻进铁扇公主肚子的故事，蚂蚁人的创意，就不那么新鲜了» [3]. «Причиной провала «Человека муравья» стала неудовлетворенность зрителя его новизной. Облечившись в костюм, Человек-муравей в самом деле уменьшался до размера муравья, а во время боя мог мгновенно увеличиться до первоначального размера. <...> Что касается китайского зрителя, то каждый из них с детства знаком с историей о том, как Сунь Укун, превратившись в червя, проник в живот Принцессы Железный Веер, поэтому основная идея фильма «Человек-муравей» для Китая не нова».

В этой статье автор проводит аналогию между киногероем – Человеком-муравьем и литературным персонажем – Сунь Укуном. Ос-

новой сравнения стали похожие суперспособности обоих, а именно – умение уменьшаться и увеличиваться.

Статья под названием «日本动物园猴子选美» досл. «Японский зоопарк проводит конкурс красоты среди обезьян» рассказывает: 据日本《产经新闻》1月11日报道，日本大分市高崎山自然动物园将举行一年一度的“美猴王总选举”[4]. «11 января японская газета «Санкэй симбун» сообщила, что в природном заповеднике города Оита на горе Такасаки будут проводиться ежегодные «Выборы Прекрасного Царя обезьян». Совершенно очевидно, что организаторы «Выборов Прекрасного Царя обезьян» сравнивают кандидата в победители с Сунь Укуном. (Заметим, что Сунь Укун так же известен в Японии под именем «そん ごく う» (Son go kū)).»

Создатели сети интернет-магазинов «当当», который предлагает своим клиентам услуги срочной доставки, используют в своей рекламной компании образ Сунь Укуна, летящего на магическом облаке (筋斗云), таким образом, они подчеркивают, что их компания, подобно Сунь Укуну, быстро доставит купленные клиентом товары в назначенное место.

Слоган на логотипе дополнения к программному обеспечению «迅雷» Xunlei гласит: «广告太多 找不到下载 – 火眼金睛看穿一切» [5]. «Слишком много рекламы, не можешь найти кнопку загрузки – «Всевидающее око» просмотрит все насквозь». Создатели программного обеспечения сравнивают качества своего продукта с суперспособностью Сунь Укуна различать тайное и явное – 火眼金睛. Данная программа «антиспам» блокирует всплывающие окна, рекламные баннеры, ролики, что облегчает поиск различных материалов в сети Интернет.

Таким образом, можно констатировать, что имена, титулы персонажа и характерные только для него магические способности регулярно используются в современном китайском языке как аллегории, метафоры и несут неодинаковую, уникальную семантическую нагрузку.

Источники:

1. <http://baike.baidu.com/view/101230.htm>.
2. <http://society.people.com.cn/>. «人体干细胞中的“孙悟空”»
3. <http://he.people.com.cn/> «看过孙悟空蚂蚁人不新鲜»
4. <http://bj.people.com.cn/> «日本动物园猴子选美».
5. <http://www.xiexingcun.com/Xiyou/01/>

ТАТЬЯНА ВОРОНЧЕНКО

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Середина девятнадцатого века отмечена важными переломными событиями в жизни северо-американского континента. В результате военного конфликта из-за территориальных споров между США и Мексикой (1846-1848 гг.), известного как мексикано-американская война¹, произошло присоединение Верхней Калифорнии и новой Мексики к США. По словам американской исследовательницы Лин Йоханнсен, в мексикано-американском культурологическом аспекте 1848 год можно рассматривать как кризисный, поскольку он окончательно изменил ход истории обширной географической области и её обитателей². После подписания договора Гуаделупе – Идальго³, которым завершилась война, Мексика

¹Мексикано-американская война – военный конфликт между США и Мексикой в 1846-1848 гг. В Мексике войну называют Северо-Американской интервенцией (а также Войной 47-го года). В США война известна как Мексиканская война. Война явилась результатом территориальных споров между Мексикой и США после аннексии Техаса Соединёнными Штатами в 1845 г. Хотя Техас провозгласил свою независимость от Мексики ещё в 1836 г. (и с оружием в руках техасцы отстаивали её), мексиканское правительство последовательно отказывалось признать независимость Техаса, рассматривая его как свою мятежную территорию. Мексика согласилась на признание независимости Техаса лишь после того, как вхождение Техаса в состав США стало свершившимся фактом, но при этом настаивала на том, что Техас должен развиваться как независимое государство, а не быть частью США. Непосредственным поводом для начала войны стали споры между Мексикой и Техасом за территорию между реками Нуэсес и Рио-Гранде – Соединённые Штаты настаивали, что указанная территория вошла в их состав вместе с Техасом, в то время как Мексика утверждала, что эти земли никогда не были частью Техаса и, соответственно, всегда оставались и будут оставаться частью Мексики. Аннексия Техаса и начало войны с Мексикой вызвали неоднозначную реакцию американского общества. В США войну поддержало большинство демократов и отвергло большинство вигов. В Мексике война считалась делом национальной гордости. (Прим. пер.).

²Lene Johannessen. *The Squatter and the Don, Carry Me Like Water and Under the Feet of Jesus: Readings of Crisis and Reconciliation*. // *US Latino Literatures and Cultures: Transnational Perspectives*. Eds. F. Lomeli and K. Ikas. – Heidelberg: Winter, 2000. – p. 134.

³Договор Гуаделупе – Идальго – мирный договор между Мексикой и США, подписанный 2 февраля 1848 года в мексиканском городе Гуаделупе – Идальго по итогам мексикано-американской войны 1846-1848 годов. Договор предусматривал уступку Мексикой территории современных штатов Колорадо и Вайоминг. Среди важных аспектов договора следует упомянуть следующие: установление границы между американским штатом Техас и Мексикой по реке Рио-Гранде и гарантия защиты гражданских прав и собственности мексиканцев, живущих на передаваемых территориях. США брали на себя обязанность патрулирования границы, и обе страны

потеряла почти половину своей территории, которая перешла во владение США. Согласно договору, американцы гарантировали мексиканским землевладельцам, ныне новым гражданам США, сохранение прав собственности на их земли, полученные ещё при мексиканском правлении. Однако последующий земельный акт 1851 года обязал их доказывать обоснованность своих титульных прав перед федеральной земельной комиссией, и до тех пор, пока мексикано-американцы не получали это подтверждение, «грантовые» (титульные) земли приравнивались к общественным, пригодным для заселения любым гражданином США. Это привело к огромному потоку в Калифорнию англо-американских скваттеров¹, которые обосновывались на землях мексиканских землевладельцев, и пока хозяин ранчо был вынужден платить налоги на имущество, безработные поселенцы получали хорошую прибыль от выращивания и продажи зерна. Несмотря на то, что большинство титульных прав в итоге было подтверждено, мексиканским землевладельцам часто приходилось закладывать свои ранчо, чтобы оплатить многотысячные судебные издержки и, в конце концов, из-за долгов они были вынуждены продавать свои земли.

Представленные ниже переводы отражают взгляды двух калифорнийских писательниц XIX века, англо-американки Гертруды Атертон и мексикано-американки Марии Ампаро Руис де Бёртон, на одни и те же события американской истории и их влияние на определение идентичности мексиканцев в новых для них условиях жизни.

Роман «Скваттер и Дон» (1885) – первое произведение, опубликованное на английском языке, автором которого является представительница мексиканского меньшинства. Он отличается тем, что написан не с позиции завоевателей с их обычным изображением мексиканцев как «отсталых», праздных людей, стеснённых старомодным феодальным порядком, которые никогда не смогут приспособиться к новому укладу жизни, – а с позиции «изнутри». Одной из главных стратегий Руис де Бёртон является минимизация инаковости её мексикано-американских персонажей, в отличие от Гертруды Атертон, которая в своём романе «Калифорнийцы» (1898) делает акцент на мексиканской «экзотичности» и американской практичности, отмечая и романтизируя разницу между двумя культурами. В глазах Атертон,

договорились решать пограничные вопросы с помощью совместного суда с решениями, обязательными для обеих стран. Однако, когда Сенат США ратифицировал договор, статья 9, которая гарантировала защиту прав мексиканцев на переданных территориях, и статья 10, которая оставляла за ними территории, предоставленные испанским и мексиканским правительствами, были изъяты из текста договора. (Прим. пер.).

¹Скваттер – человек, самовольно заселившийся на частной территории. (Прим. пер.).

по сравнению с современным обществом востока США, калифорниос¹ были странным и живописным народом, живущим на земле, которой были предначертаны перемены и прогресс. С этой точки зрения, Калифорния, казалось, живёт в прошлом и просто ждёт, чтобы ее захватили, и ее богатства достались тем, кто этого достоин. Живописная эра калифорнийской истории, по мнению Атертон, – уже прошлое, подобное уходящему времени, изображённому в пьесе «Вишнёвый сад» Чехова. Калифорнийцы узнавали цену деньгам и их «солнце близилось к закату».

ГЕРТРУДА ФРАНКЛИН ХОРН АТЕРТОН (1857 – 1948)

КАЛИФОРНИЙЦЫ

ГЛАВА II.

Дон Роберто Йорба оказался единственным из «мексиканских калифорнийцев», кто сохранил своё имущество. Ещё сорок лет назад старые гранды считали Калифорнию своей, только своей великолепной старой Аркадией, и жили – не тужили. Они разъезжали по своим обширным владениям в огромных сомбреро, шёлковых с кружевом рубашках и кожаных полусапожках, гордо восседая на лошадях, экипированных так же великолепно, как и их хозяева. Эти сибариты знали толк в еде и напитках, распевали серенады под окнами прекрасных дам, отдавались страсти азартных игр, делали ставки на бегах и с воодушевлением участвовали в поистине грандиозных религиозных праздниках. Лишь изредка их безмятежная жизнь нарушалась междоусобными схватками колониальных губернаторов. Так вот, из всех из них только Дон Роберто и остался богатым и влиятельным по сей день. Но то была не его заслуга. Надо сказать, что, насколько Дон Роберто был щедр и гостеприимен, настолько же он был безрассудно расточителен, а значит, не способен противостоять натиску предприимчивых американцев, которые сначала захватили Калифорнию, а затем правдой и неправдой заняли его земли. Всё решил случай. В тот знаменательный день 7 июля 1846 года, когда командор Слоут дал распоряжение поднять над зданием таможни Монтерея американский флаг, среди молодых

¹Калифорниос (Californios или Californians) – мексиканцы испанского происхождения, принадлежавшие к старой аристократии. На иерархической лестнице они стояли выше обычных мексиканцев – в большинстве случаев метисов, смешанных, как правило, с индейцами. (Прим. пер.).

мичманов, которые сошли на берег, чтобы во всю силу своих лёгких возвестить о победе, оказался один ловкий и неугомонный парень по имени Полк. Поскольку природное остроумие и набор бородатых нованглийских анекдотов создали Полку неплохую репутацию на судне, ему было разрешено присутствовать на балу, который на следующий день давал консул Соединённых штатов Америки Томас О. Ларкин в честь командора Слоута и его офицеров с трёх кораблей военно-морских сил США, стоявших в бухте. Не питая особого интереса к местным девицам, Полк вмиг сдружился с молодым идальго – Доном Роберто, который недавно овдовел и был совсем не расположен к веселью. К тому же это был бал в честь поражения его страны, и лишь любопытство привело его сюда в тот вечер. Вскоре молодые люди покинули танцевальный зал, где хорошенькие и строптивые сеньориты готовились взять реванш за поражение Калифорнии, обрушившая залпы испепеляющих взглядов, мелодии испанского языка и свою колдовскую грацию на галантных офицеров-завоевателей, с целью внести смтение в их ряды. После краткого обмена любезностями за чашей пунша юноши спустились в сад, огороженный высокими стенами, чтобы выкурить по сигарете. Их сразу окутал сладкий аромат кастильских роз: старые стены утопали в живом буйстве зелёного и розового. Однако, молодые люди, ни тот, ни другой, – даже не обратили внимание на это великолепие. Дон был в восхищении от хватки и практичности американца, его грубого с носовым прононсом голоса и планов, созревающих в голове молодого человека, которыми тот не преминул тотчас же поделиться с новым другом. Хитроумный янки, несомненно одарённый чутьём и интуицией, а также немалым для своих лет жизненным опытом, в свою очередь, почувствовал, что этот мексиканский ленивец и сибарит Дон достоин доверия и магнетически притягателен ввиду несомненной пользы, которую могла бы принести дружба с ним. Поэтому Полк сразу раскрыл Дону свои планы, поведав ему о всепоглощающем желании разбогатеть, бросить ненавистную морскую службу и, уйдя в отставку, найти, наконец, своё место в мире.

«У меня нет за душой ни гроша, – откровенничал он. -- Но есть кое-что поважнее – это мои мозги. Вдобавок, я чувствую в себе силу делать деньги, это всё, что я хочу в этой жизни. А когда ты все свои силы и энергию вкладываешь во что-либо, ты обязательно добьёшься этого! Если, конечно, тебя не разобьёт паралич или ты не получишь унцию холодного свинца в сердце».

Дон, который, как истинный калифорнийский гранд, презирал золото, был тем не менее очарован располагающей откровенностью и несомненной искренностью американца.

«Мой дом – Ваш дом! – пылко воскликнул он. – Согласитесь пожить у меня, пока не появятся деньги? Мне это будет... как вы там, американцы, говорите, – в удовольствие! Мне по душе американцы, у нас тут живёт несколько. Так что, всё моё – Ваше, сеньор!»

«Послушайте, – воскликнул Полк. – Я не привык даром есть хлеб! Но я предлагаю сделку: Вы поможете мне, а я поддержу Вас! Я собираюсь заработать много денег, каким образом, неважно, как-никак это место – новое для меня. И одно я знаю точно: я никогда друга не брошу! Так или иначе, я Вам пригожусь. Такой, как я, сметливый янки, возможно, будет для Вас подарком небес. Я уже немного узнал эту страну. Она великолепна! Не успеете оглянуться, как американцы будут здесь повсюду, и тогда вам не останется места. Так, по рукам?!».

«По рукам!» – с энтузиазмом воскликнул Дон. А когда Полк подробнее обрисовал ему картину будущего, он ответил крепким рукопожатием.

С большими трудностями, пустив в ход всё своё личное обаяние и напористость, Полк сумел выйти в отставку. Он сразу же стал гостем Дона Роберто, который вместе с младшей сестрой жил на ранчо в триста тысяч акров, и, чтобы закрепиться на земле, первым делом изучил секреты выездки лошадей, вытапливания бараньего жира и скорняжного дела, причём два последних были нужны ему в расчёте на бартер с бостонскими шкиперами. Однако фермерство не пришлось ему по вкусу – он просто ненавидел ждать, пока природа медленно сделает своё дело. Полк женился на Магдалене Йорба и занял у Дона Роберто крупную сумму денег, чтобы открыть в Монтерее магазин по продаже товаров первой необходимости, а также предметов роскоши из Бостона. Когда простодушным калифорнийцам нечем было оплачивать покупки, Полк брал у них закладные на наделы земли или небольшое ранчо. Ставка по закладной составляла 12%, а так как калифорнийцы не всегда были готовы расплатиться в срок, он лишал их права выкупить заложенное имущество со скоростью, которая не могла не пугать и в то же время не восхищать Дона Роберто.

«Дорогой мой Дон!» – восклицал Полк. «Если не я, то кто-то другой. Я не один такой – посмотрите на скваттеров. Да, я богатею,

и был бы дураком, если бы так не поступал! У вас было время, но оно не бесконечно, и я не против занять ваше место. Я не имею в виду лично ваше – о Вас я позабочусь. Хорошенько подумайте и не отказывайтесь от выгодного партнёрства!»

Дон Роберто не обратил бы внимания на эти слова, но, когда начали разрабатывать золотые рудники, Полк убедил его поехать в долину Сан-Хоакин, чтобы «взглянуть на этот цирк», как любили говорить янки. Там, вместе с зятем, он застолбил право на участок земли, и страсть к золоту вошла в его кровь навсегда. Вернулся в Монтерей он не просто землевладельцем, а по-настоящему богатым человеком. После всего этого они редко беседовали с Полком о чём-нибудь другом, кроме денег и способов их приумножения. По прошествии лет предсказание Полка сбылось: Дон Роберто со страстью фанатика отдался сохранению и приумножению своего богатства, развивая приобретённые финансовые способности.

За счёт добычи золота, торговли в магазине и прочих предприятий в Сан-Франциско, Полк стремительно разбогател. И хотя, даже по тем временам, не отличавшимся строгостью нравов, Полк имел довольно плохую репутацию: его считали беспринципным, нечистоплотным, – всё же он был вполне влиятельным, чтобы презирать общественное мнение и крайне изворотливым, чтобы обходить местные законы. При этом, его благодарность и дружеская привязанность к Дону Роберто никогда не угасали. Он настоятельно рекомендовал другу инвестировать золото в городские участки земли, а поскольку сам Полк скупил прилегающие территории, Дон Роберто без сомнений вложил туда свои деньги. Полк пристрастился к испанской кухне, сигаретам и жизни в седле. Его же влияние на калифорнийцев было куда более тонким и по-своему революционным. К примеру, Дон Роберто по-прежнему проявлял испанское радушие, как и положено гранду, но мажордомом у него служил уже янки, который вёл счёт каждому потраченному центу. Дон не трясся над золотом как таковым, но чувствовал его безграничную власть и так же, как зять, испытывал неистребимое желание стать самым богатым и влиятельным человеком в стране, испытывая лютую ненависть к бедности. Он наблюдал, как разорялись его старые друзья: его советы ни к чему не приводили, а возможное партнёрство с ними потопило бы его самого; поэтому он не нашёл ничего лучшего, как пожать плечами и забыть о них. Над его домом развевался американский флаг. Они с Полком вовремя открыли свой собственный банк, и он просиживал в офисе по пять часов в день,

что превратилось у него в настоящую страсть в его-то зрелом возрасте.

Когда сестра Полка, через одиннадцать лет после того, как Соединённые Штаты заняли Южную Калифорнию, приехала навещать брата, оставив преподавание в маленькой бостонской школе, Дон Роберто женился на ней, и благодарил судьбу за ещё одного родственника из Новой Англии. В то время ей было тридцать два года. У неё был землистый цвет лица, высокая, несколько угловатая фигура, которую она несла, однако, с непередаваемым достоинством, а своими сдержанными манерами выгодно отличалась от окружающих. Дон Роберто был восхищён ею, и так как она свыше всяческих похвал была по натуре эконома, он уволил мажордома и дал жене карт-бланш на посещение всех крупных магазинов города, но даже если бы он очень захотел, она в силу воспитания всё равно не стала бы приобретать более четырёх нарядов в год. При всём этом она была очень амбициозна. Будучи супругой калифорнийского гранда, она видела себя в будущем первой дамой высшего общества в Сан-Франциско. Однако её амбиции были удовлетворены лишь отчасти. Дон Роберто построил для неё огромный деревянный особняк на Ноб-Хилле — на нём был самый высокий флагшток и развевался самый большой флаг в Сан-Франциско. Он обеспечил её большим количеством слуг и подарил экипаж, вместе с тем, позволял ей устраивать только два обеда и один бал в сезон, а также лишь изредка посещать другие увеселительные мероприятия. Их представления о супружеском долге были одинаково строгими, и поэтому она не выезжала без него, но у них был круг близких друзей-аристократов, которых они принимали и приглашали к себе на обеды и ужины: Полки, Белмонты, Монтгомери, Тарлтоны, Браннаны, Джери и Фолсомы.

После десяти лет брака родилась их единственная дочь Магдалена.

/Из книги Gertrude Franklin Horn Atherton. The Californians. London and New York : J. Lane, 1898. pp. 8 – 13./

Перевод с английского Татьяны Воронченко

МАРИЯ АМПАРО РУИС ДЕ БЁРТОН (1832 – 1895)

СКВАТЕР И ДОН. ГЛАВА II.

ДОГОВОР ГУАДЕЛУПЕ-ИДАЛЬГО, КАК ЭТО УВИДЕЛ ДОН

Если бы в 1872 году можно было общаться по телефону, если бы дом Уильяма Даррелла в графстве Аламеда и дом Дона Мариано Аламара в графстве Сан-Диего соединяли магические провода, способные передавать человеческий голос на пять сотен миль, на каждом конце провода можно было бы услышать множество суждений на одну и ту же тему, лишь с небольшой разницей в деталях. Однако волшебных проводов, которые бы пересекли залив Сан-Франциско и достигли Сан-Диего, ещё не существовало, но острая необходимость заставила скваттера Даррелла и Дона Аламара, при всей их непохожести друг на друга – таких разных во всех отношениях людей, даже без учёта разделяющего их расстояния – с жаром рассуждать об одном и том же предмете. Их точки зрения полностью не совпадали, иначе и быть не могло. Даррелл считал себя в праве «занимать земли», как он уже делал ранее, и на его стороне была добрая половина американского населения Калифорнии. Несмотря на то, что «суверенитет скваттеров» уже не имел такой силы, и скваттерский голос не был столь веским, тем не менее, они всё ещё могли повлиять на результаты выборов.

Хотя Даррелл уже не был таким фанатичным скваттером, как раньше, он всё ещё продолжал контролировать достаточное количество голосов. И всё бы ничего, но на сердце у него лежал камень, который тяжелел всякий раз, когда он, рассказывая о судебных тяжбах в связи с делом о правах мексиканцев на земли, замечал печальный взгляд жены.

В этот раз Даррелл вовсе не собирался захватывать земли, а планировал занять лишь те, которые принадлежали Соединённым Штатам. И он искренне обещал жене поступить именно так, однако сам его приезд в Южную Калифорнию сразу же породил тревогу на ранчо Аламар.

Отбросив в сторону многочисленные кресла и плетеные качалки, Дон Мариано молча мерил шагами просторную веранду своего дома. В глубокой задумчивости он опустил голову и сцепил руки за спиной. По его крепко сжатым губам, хмурому выражению лица и печальному взгляду красивых голубых глаз было несложно догадаться, что его одолевали тревожные мысли. Из зала, где молодёжь весело и

радушно принимала друзей из города, доносились звуки музыки, смеха и танцев, общество веселилось от души. Дон Мариано, несмотря на то, что ему было под пятьдесят, обожал танцевать не меньше, чем его дети, поэтому его отсутствие на кадрили удивило жену, и она вышла узнать, почему он задерживается. Он был так погружён в свои мысли, что даже не услышал её голоса.

«Ну где ты там? Лиззи ищет тебя, хочет станцевать с тобой лансье¹», — сказала Донья Хосефа, подхватив мужа под руку и заглядывая ему в глаза. «В чём дело? — спросила она, притормозив его. — Уверена, что-то случилось. Рассказывай».

«Нет, ничего не случилось, дорогая. Точнее, ничего нового».

«Опять скваттеры?», — спросила она. Сеньор Аламар кивнул, подтверждая ее догадку.

«Появятся новые, хочешь сказать?»

«Да, милая жёнушка, придут новые. Те двое, друзья скваттеров, Мэтьюс и Хейгер, которые в прошлом году подали заявки на земли и вроде бы уехали, оказывается, совсем не оставили своих намерений, а всего лишь отправились за пополнением, значительная часть этих новеньких прибудет завтра на пароходе. И самое страшное, что среди них будет этот ужасный, опаснейший скваттер Уильям Даррелл, который основательно попортил жизнь испанцам в Напе и Сономе, позарившись на их земли. Джон Гэзбенг писал Хогсдену, что кроме Даррелла будет ещё шесть или семь мужчин с семьями, а значит, у них будет ещё больше ружей, чтобы отстреливать мой скот».

«Но разве не правда, что Даррелл уже не скваттер, а живёт в богатстве и покое в Аламедо?»

«Да, были такие слухи, и отчасти это правда. Дела у него идут хорошо, но Гэзбенг, Миллер и Мэтьюс донесли ему, что земля под моим ранчо спорная, а поскольку она близко к городу, то резко вырастет в цене, как только здесь пройдёт железная дорога. Даррелл в это поверил и планирует здесь обосноваться».

«Странно, что Даррелл доверяет таким людям, полагаю, он не представляет, какие это подонки».

«Он должен знать, они были в его команде, когда он в 48 году пересек равнины и оказался здесь. Миллер, Мэттьюс, Хьюз и Хейгер были его погонщиками, а Гэзбенг — поваром для наёмных рабочих».

Для семьи Дарреллов готовила цветная женщина, поскольку миссис Даррелл презирала стряпню Гэзбенга так же, как мы, презира-

¹Лансье — английский парный бальный танец, близкий к французской кадрили, распространившийся в Европе в середине XIX века. Состоял из 5 фигур и исполнялся в различных музыкальных размерах. (Грим. пер.).

ем его самого».

Донья Хосефа под ручку с мужем молча прошлись по веранде.

«Неужели нет закона, который бы защитил нас и нашу ответственность? Что говорит адвокат о компенсации или защите, что, совсем нет надежды?» – со вздохом спросила она.

«О защите чего ты говоришь, земли или скота?»

«И того, и другого, мы ведь совсем беззащитны», – сказала она.

«Что касается земли, нужно ждать решения генерального прокурора из Вашингтона».

«Вчера Лиззи сказала Эльвире, что её дядя Лоуренс – друг нескольких весьма влиятельных людей в Вашингтоне, и Джордж мог бы заинтересовать его твоим судебным делом по поводу прав на землю».

«Но Джордж женится на нашей дочери, к нему я обращаюсь в последнюю очередь».

«Что я там слышу, обратитесь ко мне в последнюю очередь? воскликнул Джордж Мешлин, появляясь на веранде под руку с Эльвирой, едва закончился вальс. – Интересно знать, почему это вы не хотите меня просить?»

«Ты знаешь, почему, дорогой мой мальчик. Что определённо не должно тебя беспокоить, так это мои неприятности в делах».

«Почему нет? Кого, как не меня? Почему возможность помочь вам каким-то образом должна доставить мне неудобства? Отец говорил по поводу отклонения апелляционной жалобы; я даже сделал запись в блокноте. Постойте, он должен быть здесь», – сказал Джордж, нацупывая блокнот в кармане пиджака.

«Точно, здесь, – и прочитал: Напомнить дяде написать генеральному прокурору по поводу отклонения жалобы, выдвинутой скваттерами по гранту на земли Дона Мариано Аламара, законные права которого были подтверждены». Все правильно? Я записал это, для того чтобы обратиться к вам за дальнейшей информацией».

«Всё верно. Дам тебе номер дела, это всё, что нужно сообщить дяде. Единственное, чего я хочу – чтобы скваттерам отказали в иске, но если генеральный прокурор решит по-другому, не мог бы он, по крайней мере, перенаправить мое дело в суд? В любом случае, это лучше, чем это жуткое ожидание; оно убивает. Пока мы ждем подтверждение моих прав на поселение, «поселенцы» (и это не игра слов) убивают мой скот сотнями голов, и я не в силах их остановить».

«Но разве нет законов в Калифорнии, защищающих собственность?» – спросил Джордж.

«Да, кое-какие есть, но, в моём случае они, скорее, на руку нарушителям закона, чем добропорядочным гражданам», – ответил Дон

Мариано.

«Как же так? Разве нет закона, который бы наказал негодяев, убивающих ваш скот?»

«Есть несколько постановлений, в которых настолько явно отдаётся приоритет интересам одного класса граждан перед другим, что назвать их законами — значит оскорбить понятие законности. Но поскольку нет ничего другого, мы вынуждены им подчиняться. Согласно этим законам любой может прийти на мои земли и засеять, к примеру, акров десять зерном, не огораживая всё это забором, а затем отлавливать мой скот, который устремится на эти зелёные посевы. Поместив животных в загон, заставить меня выплачивать деньги за их содержание, последующие судебные издержки и прочие расходы, что в результате доведёт сумму до нескольких тысяч долларов. Если же зерновые посевы у него большие и приносят неплохую прибыль, то поселенец начинает отстреливать мою скотину без колебаний, когда ему вздумается. Единственное, о чём ему надо позаботиться, это остаться незамеченным, спрятавшись за деревом или кустом. Никто не сможет присягнуть, что именно он застрелил мой скот, и ни один суд не накажет его, даже если трупы животных будут лежать на его территории. И так постоянно. Либо я возмещаю ущерб и судебные расходы, либо моя скотина гибнет практически каждый день».

«Но это же позор! А вы, скотоводы, не пробовали продвинуть законы, которые защищали бы ваши права? — спросил Джордж. Сдаётся мне, это возможно сделать».

«Пожалуй, мы смогли бы это сделать, если бы поменялись местами: и испанцы, «коренные», были бы земледельцами, а американцы были бы владельцами крупного рогатого скота. Но поскольку мы, испанцы, являемся владельцами испанских и мексиканских земельных грантов, а также владельцами ранчо, где выращивается скот, наша законодательная власть не примет ни единого закона, чтобы защитить нас. Они принимают законы, направленные на «охрану земледелия» (о чём с гордостью говорят), и таким образом припирают к стене всех владельцев ранчо. Слышал, на этой законодательной сессии будет принят ещё более жесткий закон, который под предлогом «защиты земледелия» будет направлен на уничтожение скота и разорение местных калифорниос. Земледелие в нашем штате не нуждается в законодательной защите. Этот предлог совершенно абсурден». «Я полагал, что права испанцев защищаются по договору Соединённых Штатов с Мексикой, — сказал Джордж.

«Мексика не очень-то позаботилась о благосостоянии своих детей, бросила их на волю судьбы, передав в руки народа, не слишком

то им симпатизирующего», — с чувством сказала Донья Хосефа.

«Помню, — тихо продолжил Дон Мариано, — что когда я впервые прочёл текст договора Гуаделупе-Идальго, то почувствовал острое негодование по отношению к собственному народу, к Мексике: родине, которая практически не предоставила нам, родным детям, необходимых условий для защиты. Но потом, поразмыслив, я понял, что Мексика сделала всё, что от неё тогда зависело. Уже в преамбуле к договору чувствуется, что изначально он был нацелен на сохранение мира и дружбы между двумя народами. В этом ключе и должны были строиться отношения между завоевателем и побеждённым. Как могла предвидеть Мексика, что не пройдет и полдюжины лет, как победители, которым она так доверяла, примут на заседании Конгресса законы, направленные на разорение беззащитных, беспомощных, покорённых людей? В договоре говорится, что у нас будут такие же права, как и у всех остальных граждан Америки. Но как видите, Конгресс постоянно заботится о том, чтобы действие законов распространялось на американцев не полностью: а именно, не лишало их собственности, которой они на данный момент обладают. Конечно, ни в коем случае. Они проделывают это с нами — испано-американцами, которые должны были бы радоваться равным правам, заметьте, согласно мирному договору. Это, как мне кажется, и есть вероломство, которое Мексика не могла ни предвидеть, ни предотвратить».

«Да, это ничто иное, как вероломство, как бы ни было стыдно и печально мне, американцу, это признавать, — сказал Джордж. Я не был в подробностях знаком с текстом договора с Мексикой, но и представить не мог, насколько он не выполняется».

«Думаю, немного американцев знает или понимает, до какой степени мы пострадали от действий Конгресса. Честно, я полагаю, что и Конгресс не предвидел всех последствий для нас от их законов, насколько мы, завоеванные люди, будем ограблены», — печально сказал Дон Мариано.

«Но это же обязанность законодателей — предвидеть последствия законов, которые они принимают», — воскликнула Донья Хосефа.

«На это мне нечего возразить, однако боюсь, что голос побеждённых всегда слабее, и его не хотят слышать, — ответил Дон Мариано. «Некому заступиться за нас. В договоре Гуаделупе-Идальго американцы чество ругались охранять наши права и наши земли так же, как это сделала бы Мексика. К сожалению, то, что в Калифорнии обнаружили золото, привело сюда сброд со всего мира и с ним целую орду охотников за землями, и все они, наделённые правом голоса, за-

ряты на наши угодья и требуют отдать их им. Здесь было и есть множество земель, принадлежащих государству, и этими землями может воспользоваться любой. Но нет. Запретный плод сладок. Они не хотят селиться на государственных землях. Им подавай земли испанцев, поскольку, по их мнению, «у нас их слишком много». Чтобы привлечь голоса скваттеров, наши представители в Конгрессе помогают проводить законы, провозглашающие все земли в Калифорнии открытыми для заселения – как в Луизиане, например. А затем, чтобы отмыть пятно позора на чести нации, создается «земельная комиссия», которая должна подтвердить законность наших титулов на землю. Поскольку они давали слово уважать наши права, не могут же они заняться открытым грабежом, и, чтобы это прикрыть, «сохранить лицо», они идут на различные законодательные уловки. Вот почему нас обязали доказывать обоснованность наших прав на земли этой так называемой комиссии, которая должна утвердить или отказать нам в них. Пока тянется этот процесс, скваттеры выдвигают свои требования на наши земли и выращивают на них урожай. А заработанные деньги от продажи зерна направляют на борьбу с нами за права на эти земли. Однако хватит, не стоит такой неприятной темой портить ваш вечер. Возвращайтесь к танцам и попросите Лиззи извинить меня», – сказал Дон Мариано.

Но Лиззи не позволила ему улизнуть. На правах будущей невестки она настояла на том, чтобы Дон Мариано станцевал с ней лансье, что было гораздо приятней, чем расхаживать по веранде, размышляя о скваттерах.

И потому Дон Мариано проследовал за Лиззи. Мерседес села за пианино, чтобы аккомпанировать им. Другие пары заняли свои места в зале.

Уравновешенный и добродушный, Дон Мариано вскоре поддался атмосфере всеобщего веселья. Он не хотел своими проблемами омрачить кому-либо праздник и поэтому от души отплясывал с детьми. Дон Мариано настоял, чтобы и мистер Мешлин включился в танцы, и тот любезно согласился и грациозно повёл Эльвиру в кадрили, приговаривая, что уже двадцать лет, как не танцевал.

«Ты не танцевал, потому что болел. Сейчас ты в порядке. Не ленись», – сказала миссис Мешлин.

«Откажешься танцевать значит, не отдашь должное солнечному Сан-Диего, где ты пошёл на поправку», – подзадорил Джордж.

«Правда, папа. Покажи нам, на что ты способен», – воскликнула Лиззи.

«Ну, тогда я должен станцевать матросский танец», – засмеялся

мистер Мешлин.

Чтобы лучше понять суть этой ремарки, читателю следует знать, что четыре года назад мистер Джеймс Мешлин приехал в Сан-Диего без всякой надежды пережить следующую зиму и выглядел как живой труп. Он подорвал свое здоровье, активно занимаясь делами, и теперь, когда ему захотелось отдохнуть, силы его организма были на исходе. Он попробовал жить во Флориде. Провёл несколько лет в Италии и на юге Франции, но ему не стало лучше. В конце концов, считая свою болезнь неизлечимой, он вернулся домой в Нью-Йорк умирать. Однако его друг, который тоже был тяжело болен, но сумел восстановить свои силы в Южной Калифорнии, посоветовал ему целебный воздух Сан-Диего. Особенно ни на что не надеясь, исключительно, чтобы порадовать семью, мистер Мешлин приехал в Сан-Диего и на удивление быстро стал выздоравливать, что подтолкнуло его к покупке имения в пригороде Сан-Диего. Уильям Мэтьюс, услышав о намерениях мистера Мешлина, предложил ему свое ранчо на весьма приемлемых условиях. С помощью и по рекомендации юриста сделка состоялась. Мистер Мешлин оттеснил старый дом Мэтьюса к амбару и построил новый, более просторный. Когда стройка была завершена, семья Мешлинов переехала в Сан-Диего, и мистер Мешлин истово занялся посадкой деревьев и разведением цветов, его здоровье стало крепнуть с каждым днём. Это явилось утешением его жене и дочерям, которым пришлось оставить Нью-Йорк. Для Каролины и Лиззи отказ от прекрасного дома в Нью-Йорке и переезд на отдаленное ранчо в Калифорнии стали настоящей ссылкой.

Вскоре, тем не менее, времяпровождение двух молодых леди стало более приятным благодаря знакомству с семейством Аламар. Знакомство быстро переросло в дружбу, и что ещё больше их сблизило – это предстоящая свадьба Габриеля, старшего сына Дона Мариано, и Лиззи. Вскоре Джордж, единственный сын мистера Мешлина, приехал в усадьбу погостить и, когда он вернулся в Нью-Йорк, был уже помолвлен с Эльвирой, третьей дочерью сеньора Аламара.

Сейчас Джордж Мешлин во второй раз ехал навестить семью. После первой поездки в Калифорнию Нью-Йорк показался ему таким скучным и глупым, что с приближением Рождества он сказал дяде и тете, с которыми жил, что хотел бы провести Рождество и Новый год с семьей в Калифорнии.

«Что ж, хорошо, хотел бы и я поехать с тобой. Передавай сердечный привет Джеймсу и скажи ему, что я рад его выздоровлению», – сказал мистер Лоуренс Мешлин, и Джордж отправился в отпуск. Мистер Лоуренс Мешлин был президентом банка, в котором Джордж

работал кассиром, поэтому последнему не составило труда найти себе замену на время отсутствия, тем более что помощник кассира, согласившийся его подменить, был его преданным другом. Джордж мог поехать в Калифорнию только на 12 дней, но даже ради такого короткого свидания с Эльвирой он готов был ехать хоть на край света.

Мистер Джеймс Мешлин неоднократно утверждал, что был обязан своим выздоровлением добросердечному отношению семейства Аламар к нему не меньше, чем мягкому климату Сан-Диего. Однако мистер Мешлин был не единственным, кто восхищался замечательной семьей Аламар, наиболее харизматичным членом которой – по мнению большинства – был сам Дон Мариано. Благородство его характера и безмерная доброта были хорошо известны всем, кто его знал.

Семейство Аламар было довольно многочисленным, если брать в расчёт и боковые ветви; в нём было много братьев, племянников и племянниц. Часть родственников жили на соседнем ранчо, в то время как другие – в Нижней Калифорнии, в Мексике. Семья самого Дона Мариано состояла из жены и шестерых детей: двух сыновей и четырех дочерей.

И все они, как мы знаем, сейчас танцевали. Девушки по очереди садились за пианино и играли для танцующих. Мадам Алье (губернантка-француженка Мерседес) тоже всегда была готова подменить девушек, если те хотели потанцевать. Кроме Мешлинов, было три или четыре молодых джентльмена из города, Аламаров же было так много (братьев, племянников, племянниц и прочих), что большой зал казался тесным. Такие семейные встречи не были редкими и делали дом Аламаров особенно притягательным.

Джордж Мешлин хотел бы погостить ещё дольше, но не мог. Он утешал себя мыслью о том, что приедет сюда 9 июля уже на два месяца. Когда он вернулся на восточное побережье, перед началом работы в банке заехал в Вашингтон, чтобы проследить за ходом дела об истреблении скваттеров. К сожалению, генеральный прокурор в тот момент отсутствовал, и дело было передано заместителю генерального прокурора, где и застопорилось. Джордж сообщил об этом Дону Мариано, и рассмотрение вопроса о правах Дона на земли затянулось еще на один год.

/Из книги Maria Amparo Ruiz de Burton. The Squatter and the Don. San Francisco, Calif.: [S. Carson & Co.], 1885. pp.15-24./

Перевод с английского Елены Гладких

В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА

АННА БУЛДЫГЕРОВА

О КИТАЙСКИХ ЗНАКАХ ПРЕПИНАНИЯ

Переводчику на заметку

Анализ переводных текстов показывает, что переводчики далеко не всегда уделяют должное внимание пунктуационным особенностям иностранного языка. При этом наибольшую трудность представляет знание правил пунктуации не только родного языка, но и иностранного. Студенты-переводчики, как правило, с интересом выполняют заданный перевод, досконально и точно воспроизводя пунктуационный рисунок исходного текста, часто не соблюдая при этом правила постановки знаков препинания, принятые в иностранном тексте.

Мнение о том, что в китайском языке нет пунктуационных знаков, ошибочно. Иероглифический характер письменности создает немало трудностей для переводчика, а знаки препинания очень часто помогают правильно установить особенности построения предложений, обозначая на письме формальное смысловое грамматическое членение речи. Для современного китайского текста это имеет первостепенное значение, во-первых, потому что данный язык относится к языкам флективного типа, в которых отсутствуют показатели формоизменения, а во-вторых, логико-грамматические связи между словами в китайском предложении выражаются строгим порядком слов.

Пунктуационные правила нередко представляют трудности и для самих китайцев. Пунктуационные правила в некоторых случаях оказываются очень непохожими на соответствующие правила русского языка. Более того, вызывает затруднение и особый набор знаков препинания: в системе пунктуационных знаков китайского языка есть такие знаки, которых нет ни в одной другой письменности.

Итак, знаки препинания – это графические элементы, назначение которых состоит в том, чтобы на письме объективировать особенности речи, которые не выражены теми или иными формами отдельных слов, либо тем или иным образом структурирующие смысловую цепочку. Знание специфики пунктуационных правил является очень важным аспектом при выполнении письменного перевода.

Как известно, назначение знаков препинания – указывать на смысловое, интонационное членение речи. Переводной текст должен соответствовать правилам орфографии, грамматики и нормам словоупотребления языка перевода – быть безупречным с точки зрения требований языка перевода. Применительно к русскому языку следует руководствоваться официальными «Правилами русской орфографии и пунктуации».¹ Перенос идентичных знаков препинания из текста оригинала в текст перевода является серьезным нарушением. Это означает, в частности, что при переводе с китайского языка на русский язык, знаки препинания должны быть расставлены в соответствии с правилами русской пунктуации; а при переводе с русского языка на китайский – в соответствии правилами китайской пунктуации, регламентированными государственным стандартом КНР.²

Интересным представляются некоторые исторические факты, связанные с появлением точек и запятых в китайском письменном тексте. Оказывается, в древнем китайском письменном тексте пунктуационные знаки отсутствовали, а большинство особенностей построения предложений и интонационная структура выражалась особыми служебными словами. Однако проведенные в начале 20-го века исследования показали, что в древних текстах эпохи Борющихся царств (475-221 гг. до н.э.), написанных на бамбуковых дощечках встречались знаки (┐) и (■), указывавшие на конец абзаца и конец предложения соответственно. Ввиду территориальной раздробленности Китая единой системы пунктуационных знаков как таковой не было вплоть до 20-го века.

Проникновение знаков препинания в Китай связано с именем одного из первых выпускников школы иностранных языков, созданной при МИД Китая (1862-1900гг) – 张德彝 Чжана Дэи, который отличался привычкой записывать все, что казалось ему самобытным и интересным. Так, в его заметках «Путешествуя по Европе и Америке», сделанных во время поездки на Запад в составе дипломатической миссии (1868-1869), впервые были описаны казавшиеся автору «чрезвычайной путаницей» иностранные знаки препинания. Позже, в апреле 1919 года, шесть известных профессоров, представляющих интел-

¹Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. РАН, Отделение историко-филологических наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, одобрено орфографической комиссией РАН. – М.: Эксмо, 2007.

²中华人民共和国国家标准, 标点符号用法, последняя редакция введена в действие 1 июня 2012 года.

лектуальную элиту страны,¹ инициировали разработку правительственного проекта о внедрении специальных знаков, которые так или иначе могли бы облегчить зрительное восприятие печатных текстов и способствовать распространению и утверждению нового языка – байхуа.

2 февраля 1920 года правительственным отделом образования был провозглашен приказ «Об использовании новых знаков препинания», именно с этого момента пунктуационные знаки стали обязательным атрибутом письменного текста. Первой книгой, напечатанной со знаками препинания, стал классический роман «Речные заводи».²

Интересным представляется знание еще одной уникальной особенности – расположения знаков препинания. Известно, что граница китайского иероглифа – это квадрат, минимальная площадь для графической единицы китайского текста-иероглифа. Иероглиф пишется в клетке, порядок расположения иероглифа в клетке строго регламентирован. Любой знак препинания занимает отдельную клетку. Расположение знака препинания в клетке также имеет ряд правил, значимость которых особенно возрастает в рукописном тексте, так как в печатном тексте это расположение автоматическое, заданное программой.

Несмотря на то, что китайские знаки препинания были заимствованы, современный китайский пунктуационный «комплект» имеет ряд особенностей. Рассмотрим китайские знаки препинания.

Знаки конца предложения, как в русском, так и в китайском языке включают: точку (。), вопросительный (?) и восклицательный знаки (!). Вопросительный и восклицательный знаки ставятся в конце соответствующих по цели высказывания предложений.

(。) В конце утвердительного предложения ставится точка, однако точка, поставленная в конце китайского предложения, не такая, как в русском, это – «пустая» точка, маленький кружок, пустой внутри.

(、) Разделительная («черная») точка – особый пунктуационный знак, интерпункт, в китайском языке используется для записи иностранных имен: разделяет имя и отчество, отчество и фамилию в русских или английских личных именах, например: *Антон Павлович Че-*

¹Китайские философы, литераторы, политические и культурные деятели – Ху Ши (1891-1962 гг.); Цянь Сюаньтун (1887-1939 гг.); Лю Фу (1891-1934 гг.); Чжу Сицзу (1879-1944 гг.); Чжоу Цзюэнь (1885-1967 гг.) и Ма Юйцзао (1878-1945 гг.)

² Роман «Речные заводи» – одно из «четырёх великих китайских произведений», написано в 14 веке, автор Ши Найань (1296-1372 гг.).

хов – 安东 · 巴甫洛维奇 · 契诃夫; в сокращенном виде, с инициалами – 安巴 · 契诃夫 или *Уильям Шекспир* – 威廉 · 莎士比亚.

(.....) Особый смысловой знак, придающий значимость сказанному в конце предложения или передающий сбивчивую речь в середине предложения – многоточие – также имеет внешнее отличие: в китайском многоточии шесть «черных» точек, располагающихся друг за другом. Шесть точек в многоточии объясняется особенностями мировосприятия китайцев и их специфичным отношением к четному и нечетному числу.

Семантика значения слова «запятая» в китайском языке говорит об ее истинном назначении – указывать на интонационно-ритмические особенности предложения (逗号, 顿号, 读点 – досл.: «знак остановки, паузы при чтении»). В китайском языке есть два вида запятых:

(,) обычная запятая – точка с хвостиком, направленным вниз – служит для разделения частей предложения;

(、) каплевидная запятая – точка с хвостиком, направленным вверх и влево – употребляется при перечислении, т.е. обособляет однородные члены предложения.

Двоеточие (:) и точка с запятой (;) практически идентичны с соответствующими пунктуационными знаками, в иероглифической клетке точки расположены симметрично центральной горизонтальной оси квадрата, ближе к левой стороне.

«Парные» знаки препинания (кавычки, скобки) в китайском языке представлены более широко, чем в русском. Это связано с тем, что такие знаки препинания с одним и тем же поводом постановки имеют одинарный вариант для случаев инклюзивного включения, т.е. если внутри одного названия есть еще одно, или в цитате, заключенной в двойные кавычки, есть слово с переносным значением, требующее оформления с помощью кавычек, в этом случае ставится их одинарный вариант.

Другой причиной многообразия парных знаков препинания можно считать древний язык – вэньянь, фрагменты которого продолжают функционировать в современном языке. Например, «прямые» кавычки, употребляемые при вертикальной верстке, а также при воспроизведении фрагментов древних канонов; или пришедшие из древних фонетических таблиц «квадратные» кавычки, и сегодня используемые для оформления слов, которые могут быть опущены в тексте.

При определенном сходстве функционального назначения пунктуационных знаков в русском и китайском языках существует ряд

особенных правил их употребления. Например, обращение в китайских письмах отделяется от основного текста двоеточием, специфичные «шестиугольные» скобки употребляются для записи номера официального документа или уточнения года его отправки.

Для наглядности и удобства использования представляется целесообразным предложить систематизированное сопоставительное описание пунктуационных знаков в китайском и русском языках.

Точка

Русский язык		
.	нет пробела до знака, есть пробел после знака	пунктуационный знак конца предложения
Китайский язык		
。Ю	«пустая» точка ставится в нижнем левом углу квадрата	пунктуационный знак конца предложения
· Shift+2	разделительная точка – интер- пункт, ставится в центре квад- рата	разделитель при записи иностранных имен
·	точка акцентуации – знак ки- тайской пунктуации	ставится под иероглифом

Запятая

Русский язык		
,	располагается на нижней ли- нии строки	разделяет части предло- жения
Китайский язык		
、	каплевидная запятая располагается в нижней части квадрата, по центру	исключительно при одно- родных членах предложе- ния
，Б	обычная запятая располагается в нижней части квадрата, по центру	разделяет части предло- жения,

Многоточие

Русский язык		
...	три точки располагаются на строчке, без пробела от слова	интонационный знак конца предложения

Китайский язык		
..... Shift+7	шесть точек располагаются на центральной горизонтали	интонационный знак конца предложения

Тире и дефис

Русский язык		
—	тире ставится с пробелом до и после знака,	знак разделения частей предложения
-	дефис ставится без пробелов	знак разделения частей слова
Китайский язык		
——	широкое тире набирается одним кликом, занимает две клетки	при указании предмета, о котором выше шла речь
— Shift+7	«короткое» тире располагается в одной клетке	в названиях, включающих две крайние точки, отрезка времени, при затягивании звука (в диалоге)
-	дефис	исключительно в заимствованной лексике

Двоеточие и точка с запятой

Русский язык		
:	нет пробела до знака,	знак разделения частей предложения
;	есть пробел после знака	
Китайский язык		
: Shift+Ж	точки располагаются близко и симметрично осевой горизонтали по левому краю квадрата	отделяет обращение в письмах, после обобщающих слов и слов автора
; Ж	по левому краю квадрата	разделяет законченные смысловые отрезки

Кавычки

Русский язык		
«...»	французские кавычки	для выделения прямой речи, цитат

	«елочки»	тат, названий
“...”	немецкие кавычки «лапки»	
Китайский язык		
«...»	книжные кавычки (двойные)	исключительно для названий книжно-письменных текстов: книг, газет, песен, стихотворений
<...> Shift+БЮ	книжные кавычки (одинарные)	для выделения названий внутри названий
“...” Shift+Э	двойные кавычки – внешние	для выделения цитат, прямой речи и объектов описания, а также сло- ва в переносном значении
‘...’ Э	одинарные кавычки – вложенные	для выделения аналогичных слу- чаев в фрагментах текста уже за- ключенного в двойные кавычки
「」 『』	«прямые» кавычки	как правило, в вертикально напи- санных текстах

Скобки

Русский язык		
(...)	без пробела перед и после выделяемого текста	границы смысловых отрезков тек- ста – вводных, вставных предло- жений, уточнений
Китайский язык		
(...)	«круглые» скобки	границы смысловых отрезков тек- ста, уточнений
[...]	квадратные скобки	в фонетических таблицах для ука- зания звучания (иероглифом или буквой); размещения слов, кото- рые могут быть опущены в пред- ложении
{...}	«шестиугольные» скобки	указание года отправки офици- альных документов, серийных номеров, а также для выделения особых примечаний – граждан- ство писателя
【...】	квадратные «тол- стые» скобки	для выделения смысла в словар- ных статьях, пояснениях или ком- ментариях

*«Перевод – всегда передний край:
Ад крошечный и небесный рай!»
(О. Стельмак)*

ОТКРЫТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС «ПОЭТИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА»

Посвящается Ашоту Сагратяну

20 апреля 2016 года подведены итоги Открытого международного поэтического конкурса «Поэтическое определение перевода».

Этот конкурс – дань памяти известному писателю, переводчику, человеку щедрой души и многих талантов – Ашоту Сагратяну. В 2016 году ему исполнилось бы 80 лет. Ашот Сагратян всегда поддерживал научно-художественный журнал «Переводчик» и много лет был одним из самых активных его авторов.

Организатором конкурса является Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России при поддержке кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета.

В состав конкурсного жюри вошли эксперты из России и Молдовы (Чита, Москва, Кишинев). Анализ присланных работ позволяет, как в калейдоскопе увидеть тончайшие нюансы переводческого ремесла, еще раз убедиться в том, что **Высокое искусство перевода** – не миф! Оно действительно существует и вдохновляет многих его представителей и сегодня, в эпоху компьютерного разума, на бессонные бдения над страницей иноязычного текста.

Участники Конкурса. В Открытом Международном поэтическом конкурсе участвовали профессиональные устные и письменные переводчики, вузовские преподаватели и студенты, школьные учителя иностранных языков, поэты, писатели, литературоведы, работники искусства и туристического бизнеса, творческая интеллигенция и представители деловых кругов.

География участников конкурса весьма широка. Конкурсные работы поступили из многих городов и населенных пунктов России (Барнаул, Белгород, Волгоград, Иркутск, Киров, Липецк, Москва, Рыбинск Ярославской области, Республики Крым (Симферополь), Ставрополь, Чита, п.т.г. Яя Кемеровской области, пос. Арти Свердловской области; Украины (г. Северодонецк Луганской области); Казахстана (г. Семей); Финляндии (г. Хельсинки).

МЫСЛИ ВСЛУХ

Мысль, развиваясь, обретает формы. А те пускают то и дело корни, по нашему сознанию вяясь. Так формы с содержанием крепнет связь. Тем более в искусстве перевода, которого особая природа, инверсии чудачеств не боясь, над каждой фразы формулой трудясь, даёт на площади листа свои фантазии листать, все наши вариации на тему, сводя в довольно сложную систему диктуемых рассудком нам градаций, которым можно только удивляться.

У верно взятой изначально ноты однажды обнажаются высоты, едва ли прежде ведомые нам...

Дымятся образы, слагаются картины, и в рост встают такие величины, которые рассудком не объять. Вот тут-то форм и предстаёт нам стать, прося нас разобраться в их объёме. С нас ничего не требуется, кроме искусства взвешенности мер, нам приводя гармонию в пример, где тона высота и звука – терпения высокая наука ваяния невиданных красот.

И нас ведь испытаний время ждёт.

Ашот Сагратян, 2015 год

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА

I место	МУСОРИНА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА	Чита
II место	КОВАЛЁВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА	Москва
	ГЕРАСИМОВА СВЕТЛАНА ВАЛЕНТИНОВНА	Москва
III место	ПЛЯСКИНА ЛИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА	Чита

I место МУСОРИНА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА
(Чита)

ПЕРЕВОД

Понять. Проникнуться. Принять.
Страдать. Печалиться. Искать.
Отчаиваться. Сомневаться.
Найти. Гордиться. Наслаждаться.

II место КОВАЛЕВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА
(Москва)

В прозе – раб, в стихотворстве – соперник,
В тень ушедший, привычный к труду,
Переводчик, точь-в-точь как Коперник,
За звездой открывает звезду.

ГЕРАСИМОВА СВЕТЛАНА ВАЛЕНТИНОВНА
(Москва)

Это слово, обретшее вечность,
В переводе безмолвствует снова,
Чтоб звучала легко и беспечно
Эта вечность, обретшая слово.

III место ПЛЯСКИНА ЛИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА
(Чита)

Когда у знаковых систем различны коды,
Процесс и текст идут в основу перевода,
Чувств, мыслей и эмоций *передача*.
Анализ. Радость осмысленья! И... Удача!

ДИПЛОМАНТЫ КОНКУРСА

Егорова Зинаида Алексеевна	Украина, г. Северодонецк
Заборовская Светлана Александровна	г. Барнаул
Кошарная Светлана Алексеевна	г. Белгород
Кривеня Лариса Николаевна	г. Чита
Кунавина Ольга Викторовна	п.т.г. Яя Кемеровской области
Курбатова Оксана Олеговна	г. Липецк
Куряшкин Андрей Николаевич	Казахстан, г. Семей
Маркелова Ольга Александровна	г. Москва
Панкратова Элеонора Леонидовна	г. Москва
Семибратов Владимир Константинович	г. Киров
Сидельникова Анна Анатольевна	г. Ставрополь
Славороссова Евгения Алексеевна	г. Москва
Харченко Вера Константиновна	г. Белгород
Чучина Алла Александровна	г. Москва

ПОЭТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ ДИПЛОМАНТОВ КОНКУРСА

ЕГОРОВА ЗИНАИДА АЛЕКСЕЕВНА

ОДА ПЕРЕВОДУ

Ах, перевод, ты – образец терпения,
Ты не имеешь возрастных границ,
В словах твоих в минуты озарения
Находит счастье праведный лингвист.

ЗАБОРОВСКАЯ СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА

Что есть такое перевод?
Летающей мысли поворот
С одной культуры на иную,
Что так нелегко зачастую.

Перевод, что отраженье
В старых зеркалах.
В нем правда есть, но в мелочах
Всегда таится искаженье.

КОШАРНАЯ СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА

ТОЛМАЧ

Памяти Ашота Сагратяна

Сторечна вавилонская молва,
но и в раю, обжившись мало-мальски,

он впишет в лист до-Словные слова,
переводя с урартского – на райский.

КРИВЕНЯ ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА

Чтоб кружева стихов чужих
Наполнить дивной силой света,
Ты, переводчик, должен быть
И сам талантливым поэтом.

Кропотлив переводчика труд,
Чтобы истинный смысл передать,
Нужно рассып чарующих слов
Мыслью автора, рифмой связать!

Словно курочка по зёрнышку
Собирает жемчуг слов,
Переводчик, друг поэта,
Быть в тени светил готов.

Из дальних стран, с чужой земли
Стихи летят к нам перелётной птицей,
Ты русской речью накорми её
И родниковой напои водицей!

Перевод – нелёгкая работа,
Нужно точно мысли передать,

Окропить их собственной любовью,
Вслед за автором шедевр создать!

Сердца, народы, времена
Проникновенным свяжем словом.
Чужая речь, войдя в наш дом,
Смысл обретает близкий, новый!

Перевод может стать призванием,
Если хочешь ты признанным быть,
Нужно мысли свои и желания
С духом автора соединить.

Перевод – субстанция высокая,
Он как мост меж странами, людьми,
Понимание, доверие глубокое,
Дверь, открытая для дружбы и любви.

Стихи – наш опыт и реальность,
А переводчик как магнит.
Чужих идей интерпретатор,
Он жизнь стихов в веках продлит...

О, переводчик! Ты старатель!
Ты в массе слов, пустой руды,
Находишь золотую жилу –
Живительный глоток воды!

Стихи на языке чужом
Так притягательно красивы!
С любовью их переведём,
Наполнив слово новой силой!

Точность образа, меткое слово,
Переводчик, нелёгко твой труд.
Но стихи, несмотря на границы,
Сотни новых друзей обретут!

КУНАВИНА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА

Что лежит в основе перевода?
Кроме овладенья языком —
Дух воображения, свобода
И движение ясное во всем.

Перо, бумага, свет ночной —
Дань вечности, что не прервется
И мыслью стройной изольется
С другого языка на мой.

Перевод — озноб и жар,
То блаженство, то кошмар
Вновь исправленных страниц,
И победный взмах ресниц.

Созвездье иностранных языков
При разности и сходстве их звучанья,
Рождая перевод нам чуждых слов,
Их делает родными в пониманье.

КУРБАТОВА ОКСАНА ОЛЕГОВНА

Перевод – искусство тонкое полета:
Штопор – письменный, и бочка – шушутаж.
Только сердцем смелых к нам берут в пилоты!
Переводчик – высший пилотаж!

КУРЯШКИН АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

О перевод – пера чудесный плод,
Поэта дерзновенного творенье!
Пречистых логосов меняя тайный код,
Рождаешься ты в муках вдохновенья!

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА

ШУТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Как объяснить, что значит перевод,
читателям, далёким от наук?
Скальд молвил: «Йовин напружила лук».
Ты пишешь: «Анка зарядила пулемёт».

ПАНКРАТОВА ЭЛЕОНОРА ЛЕОНИДОВНА

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ БУДНИ

Сомнения и поиск.... Озаренье....
А дальше результат:
Счастливое мгновенье!

СЕМИБРАТОВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ

Сокровищ слова перевозчик,
Чья ноша людям дорога,
Соединяет переводчик
Литературы берега.

СИДЕЛЬНИКОВА АННА АНАТОЛЬЕВНА

Мне точный смысл постигнуть надо,
Посыл сберечь, не навредить.
Неся слова, как луч в лампаде,
Не расплескать, а свет пролить.

Пусть слогу суть будет опорой,
Есть в переводе физики игра:
Вес двух культур равнит напором
Рычаг бессонного пера.

Какой язык переводить,
Чтоб мы друг друга понимали?

Чтоб в мире стало легче жить,
Чтоб войны жизнь не отнимали?

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА

Что такое перевод?
Это притяжение,
В бездну иноземных вод
Сердца погружение.

ХАРЧЕНКО ВЕРА КОНСТАНТИНОВНА

*«...А вечным двигателем Зла / присутствие Добра являлось»,
Достоинство – оружие немногих, Владея словом, жизни не боятся!
Слова Ашота дорогого стоят! Но и чужой язык – он может стать моим,
И благородный рыцарь перевода мне устранил ещё одно незнание...*

ЧУЧИНА АЛЛА АЛЕКСАНДРОВНА
(Москва)

Это звездный небосвод.
Омут средь ревущих вод,
Ночей бессонных хоровод –
Вот что такое перевод.

ДРУГИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА

МУСОРИНА ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Что перевод поистине сулит?
Смятенье чувств и разума терзанье,
Томленье сердца и души страданье.
И если повезет, то счастья миг!

Перевод как узника неволя.
Быть несвободным – тягостная доля!

Перевод – безропотность раба.
Тяжела невольника судьба.
Вот бы в небо, скрыться в облаках!
Но, увы, оковы на ногах!

КОВАЛЕВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА

Это магии плод иль науки –
Перевод? Без руля и весла
Путь творца или каждой излуки
С точным знанием род ремесла?

Переводы бывают разные,
Как и женщины: ведьмы, серны...

Всех вернее, увы, безобразные,
А красивые сплошь неверны.

Просвещения почтовая конница
За компьютером разве угонится?
Текст – бездарен он или велик –
Переводится вмиг в один клик!

ГЕРАСИМОВА СВЕТЛАНА ВАЛЕНТИНОВНА

Перевод – вот и первое слово,
Словно лебедь поет и лопочет,
Все, что ясным стать в сердце готово,
На губах проясняться не хочет.

Рокайльных раковин излом –
Неповторим, впитавши шумы лета,
Так перевод вобрал небесный гром,
Чтоб воплотить земной покой поэта.

ПЛЯСКИНА ЛИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Когда Вавилонская башня разбилась,
Тогда **переводчиков** племя родилось,
Чтоб над Землёй не повисло молчание,
Дано им чужих языков *понимание*.

Переводы – слов структура,
Сутью – проводник
На новый уровень культуры,
На другой язык.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ ДРУГИХ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА

ВИНОНЕН РОБЕРТ ИВАНОВИЧ

Чтобы вышел гениален,
Уникален перевод,
Надо всё в оригинале
Прочитать наоборот.

ГУМЕНЮК НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА

На всех земных понятных языках,
Дыханье донесёт поэта стило
Любви, надежды, веры. В этом сила,
Коль перевода – точная строка.

КЛЮЧАК МАРГАРИТА ЮРЬЕВНА

О СУЩНОСТИ ПЕРЕВОДА

Сущность перевода такова –
Ищи смысл, а не цепляйся за слова.

МАСЛОВСКИЙ ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

На перевод не всяк – мастак:
Он любит лишь того,
Кто знает что, о чём и как,
Кого и для чего.

МАТВЕЕВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Перевод – контрабанда поэзии
За границу времен и наречий.
На таможене проходишь сквозь вечность
И строка превращается в лезвие.

ПОТКИНА ЕЛЕНА АРКАДЬЕВНА

Толковый и достойный перевод
Способен мыслью забегать вперёд,
Чтоб в переводе музыкой звучало
Значенье связи слов оригинала.

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА

Перевод – ты страна без границ
Перелётных, диких птиц,
Вязь изысканная страниц,
И паренье с паденьем ниц!

Перевод – как первозданный мир.
В нем свои законы бытия.
В цель попал – души вселенский пир,
Мимо цели – лёд забвения.

Перевод, как музыка, звучит
Стоязычной лирою в ночи.
Это авторы сквозь сотни лет
Шлют потомкам свой душевный свет.

ТАТАРНИКОВА ЛЮДМИЛА РОБЕРТОВНА

Зачем чужую жизнь переводить?
Чтобы свою кому-то подарить.

Перевожу мысли,
Перевожу слова...
И снова – в выси,
И снова жива!

ЧЕРЕМНЫХ ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Попробуй ты переведи всю внутренность гармоний,
Ведь перевод, как капли звонкий гул.
Почувствуешь себя, как дирижёр симфоний.
Средь непонятных идиом-акул.

ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ (1860 – 1904)

ЗАБАЙКАЛЬЕ ВЕЛИКОЛЕПНО

«О том, как я ехал по берегу Селенги и потом через Забайкалье, расскажу при свидании, а теперь скажу только, что Селенга – сплошная красота, а в Забайкалье я находил всё, что хотел: и Кавказ, и долину Псла, и Звенигородский уезд, и Дон. Днём скачешь по Кавказу, ночью – по Донской степи, а утром проснешься от дремоты, глядь, уже Полтавская губерния – и так всю тысячу верст».

(Из письма матери 20 июня 1890 года)

外贝加尔地区多美啊!

稍候的会面中我将谈到我是如何沿着色楞格河畔穿越外贝加尔地区的。现在, 我只想告诉你, 色楞格河——

只能用一个“美”字来形容, 而在外贝加尔地区, 我找到了我想要的一切: 这里有高加索地区, 有普肖爾河谷, 有兹韦尼哥罗德小镇, 也有顿河。白天在高加索疾驰, 黑夜--

在顿河草原上驰骋, 而第二天早晨从磕睡醒来看, 嗯, 就是波尔塔瓦地区——千里路以来都是这样。

(选自契诃夫致母亲的书信, 1890年6月20日)

«Байкал удивителен, и не даром сибиряки величают его не озером, а морем. Вода прозрачна необыкновенно, так что видно сквозь неё, как сквозь воздух; цвет у неё нежно-бирюзовый, приятный для глаза. Берега гористые, покрытые лесами; кругом дичь непроглядная, беспросветная. Прожил я на берегу Байкала двое суток. Забайкалье великолепно. Это смесь Швейцарии, Дона и Финляндии».

(Из письма Н.А. Лейкину 20 июня 1890 года)

贝加尔湖以神秘著称，不愧被西伯利亚人民称之为“海”而非“湖”。湖水极其清澈，仿佛不是透过水面而是穿过空气似的。水面的淡淡的绿松石色，这样的颜色的确很是养眼。岸边怪石林立，枝繁叶茂，周围人迹罕至，暗淡一片。我在贝加尔湖畔只停留了两天。外贝加尔地区是伟大的，是瑞士、顿河和芬兰的融合

(选自契诃夫致列依京N.A.的书信，1890年6月20日)

«Нахожусь под впечатлением Забайкалья, которое я проехал: превосходный край. Вообще говоря, от Байкала начинается сибирская поэзия, до Байкала же была проза».

(Из письма Плещееву А. Н. 20 июня 1890 года)

经过的后贝加尔地区给我留下这样的印象：这是个极好的地方。总而言之，西伯利亚的诗歌从贝加尔湖开始，而在贝加尔湖之前都是西伯利亚的散文。

(选自契诃夫致普列谢耶夫A. N.的书信)

Перевод на китайский Анны Булдыгеровой

ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ БАЛАБАНОВ (1925 – 1997)

ОЗЕРО КЕНОН

DER KENONSEE

Am westlichen Stadtrand liegt ein merkwürdiger See, ein beliebter Ort unter vielen Fischern und Erholungssuchenden – der Kenon.

Über diesen See berichtete als einer der ersten I. G. Gmelin, der 1724 durch Transbaikalien reiste. Er notierte: „Der Kenonsker See war an großen und fetten Karauschen reich“. Seitdem wurde der See auch in vielen anderen Beschreibungen unter anderem auch bei den Dekabristen unbedingt als an Karauschen überreich erwähnt, und diejenigen, die diese Karauschen aßen, fügten hinzu, wie „lecker diese seien“. Der Dekabrist A. E. Rosen schreibt, dass man laut einer zu der Zeit verbreiteten Legende am Ufer die-

ses Sees in uralten Zeiten ein Strafgericht abgehalten hat. „In großen Kesseln kochte man Wasser oder schmolz Harz, brühte und richtete Ungehorsame“.

Seit den 20-er Jahren unseres Jahrhunderts begann man über den See als einen an Seebarschen reichen See zu sprechen. Es wurde erwähnt, dass im See auch Seekarpfen, Welse und Hechte lebten. Den Barschen, die von den Fischern Tatakin und Afanassjew hineingelassen wurden, und den vom Fischer Obuchow mitgebrachten Welsen, tat der See gut an. Und diese Fische vermehrten sich und verdrängten sogar die ureigenen Bewohner – die Karauschen.

Heute umringen den Kenonsee Tschitas Stadtteile. Aber in den alten Zeiten, als man für ihn nach einem Namen suchte, war er wild und wunderschön. Zu Füßen vom Bergkamm Jablonowyj und von den Bergen herunterblickend, die hinten dem Fluss Ingoda mitten in einem breiten Tal namens „Stepj“ (die Steppe) lagen, von dem beschneiten Hintergrund mit den Bergkuppen plätscherte der große See. „Kö“ – „schön“, so riefen die Ureinwohner auf, wenn sie das blaue Wasserbecken sahen. „Kö nor“ – sprachen sie, – „ein schöner See“. Und dieses Wort wurde nachher zum „Kenon“.

Solche Wortverwandlungen von Eigenamen sind schon lange bekannt und sie sind zahlreich. Unter anderem ist uns mit dem Wortstamm „kö“ – „schön“ der Dekorationsstein Kocholong bekannt. Man sammelte ihn in den Steppenorten Transbaikaliens und nannte dabei „kö-scheluun“ – „ein schöner Stein“. „Kö-scheluun“ wurde in „koschalon“ umbenannt und später in „kocholong“. Darüber schrieb beispielsweise der bekannte Erforscher von Halbedelsteinen A. E. Fersmann.

*/Из книги Балабанов В. Ф. Строкой и памятью отмечено...
Чита: Экспресс-издательство, 2007. С. 246-247./*

Перевод на немецкий Ирины Бобровой

ПАМЯТИ АШОТА САГРАТЯНА

В 2016 году Ашоту Сагратяну исполнилось бы 80 лет, но Мастера уже нет с нами. Человек с открытым и таким щедрым сердцем жил, мужественно боролся с тяжелой болезнью и до последней минуты работал, общался с единомышленниками, друзьями по переписке, думал о том, что останется после него... А осталось немало. Духовное наследие Ашота Сагратяна поражает своей многогранностью!

Предлагаем нашим читателям познакомиться со статьей о творческом пути этого замечательного человека, опубликованной в газете «Ноев ковчег»¹ еще при жизни Ашота Аристакесовича, а также стихами (трехстишиями) и афоризмы, вошедшими в увесистый том в тысячу страниц – «Антология мудрости», заблаговременно отобранными им для журнала «Переводчик», который много лет поддерживал и добрым советом, и своими статьями о переводе, и собственно переводами с армянского и английского языков.

От редакции

ГАМЛЕТ МИРЗОЯН

Мне хочется поведать читателю «Ноева Ковчега» о творческом пути самобытного мыслителя и преданного сына двух великих культур – армянской и русской.

Служение избранной профессии выдвинуло Ашота Сагратяна в ряд наиболее интересных поэтов-переводчиков и интерпретаторов таланта многих именитых авторов. Его переводы дышат точностью. Творчество Сагратяна отнюдь не ограничивается переводами из Шекспира. Для армянской литературы он сделал, возможно, не меньше, чем Валерий Брюсов с целой плеядой блистательных имен XX века. Достаточно вспомнить созданную Брюсовым антологию «Поэзия Армении» (1916 г.). Перу Сагратяна принадлежат первые переводы из прозы Григора Зограба и других писателей, жертв геноцида армян.

¹<http://www.noev-kovcheg.ru/mag/2015-20-21/5232.html#ixzz3snntqTFv>

Лучшая из повестей Ваана Тотовенца «Жизнь на старой римской дороге» – дипломная работа Сагратяна в Литературном институте им А. М. Горького – произвела на членов экзаменационной комиссии настолько неизгладимое впечатление, что они рекомендовали ее в печать. Лирика Ваана Терьяна и Ашуга Дживани занимают его в равной степени. Очередной победой Сагратяна-переводчика следует считать перевод на русский повести Акселя Бакунца «Керес»: переводя ее, он чувствовал себя, как я помню, горцем, «сеятелем черных пашен». К образу Бакунца и Чаренца он не раз возвращался и в живописи.

Егише Чаренц с его лирикой ранних лет и поэмами не один год занимал его. Читателю будет небезынтересно узнать, что в 1967 году в Ереване на заседании комиссии по проведению 70-летнего юбилея Чаренца были оглашены результаты конкурса на лучший перевод хрестоматийного стиха поэта-трибуна – «Ес им ануш Айастани...» Председатель комиссии Арсений Тарковский во всеуслышание признал перевод Сагратяна лучшим. «Ес им ануш Айастани...», в сагратяновском переводе – «Я солнцем вскормленный язык моей Армении люблю», увидел свет на двенадцати языках. Может статься, что именно перевод Сагратяна дал толчок другим поэтам перевести этот стих на свой национальный язык. Параллельно переводит Сагратян поэму Ованеса Туманяна «Взятие крепости Тмук», а также отрывки из его «Тысячеголосого соловья», как и все до единого его поучительные четверостишия и многое другое из наследия классика армянской литературы.

Не могу удержаться от соблазна привести хотя бы пару четверостиший из Туманяна:

Видно, то был сон во сне –
Вдруг овца явилась мне:
– Да хранит твой род Всевышний,
Как был сын мой на огне?!

Как-то птицу подстрелил.
Улетела... Свет не мил.
С той поры мне
в память машет
Боль растерянности крыл.

Талант Сагратяна проявился и в кино, где он блестяще сыграл роль Севачеряна в фильме «Братья Сарояны». Он же автор стихов к мюзиклу Эрнеста Мартirosяна «Восточный дантист».

Теперь о Сагратяне-авторе. Первый же сборник стихов Сагратяна – «Хроника душевных потрясений», увидевший свет лишь в 2001 году (его долго, по разным причинам, не публиковали), принес ему известность как поэту. В том же году издает он для переводчиков и учебник по психологии перевода – «Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом» (Москва, издательство «Грааль»), ставший настольной книгой на кафедрах перевода во многих вузах Российской Федерации.

Целую страницу в творчестве Сагратяна открывает перевод романа Мкртича Саркисяна «Судьбой приговоренные». Тема патриотизма, тема геноцида, репрессий сталинской поры становится для него едва ли не доминирующей. Едва ли не к лучшим страницам его биографии относится перевод романа Костана Заряна «Корабль на горе», освещающий схватку Первой республики Армения во главе с партией «Дашнакцутюн» с большевиками. Заслуженную славу принесли ему отрывок из поэмы «Татрагомская невеста» того же автора и его же поэма о возвращении праха великого Комитаса на родину. Дружба с Костаном Заряном, знатоком литературы и искусства Старого Света, на многие годы определила его интерес к европейской литературе и ее шедеврам.

В 1989 году блистательный поэт и прозаик Сагратян принимает заказ от Армянского театрального общества на перевод с армянского на русский в двух томах воспоминаний Ваграма Папазяна о мировом театре – «Оборачиваясь в жизнь». К сожалению, по прихоти издателя труд Папазяна увидел свет под безликим названием «Взгляд в прошлое».

Из-под пера Сагратяна вышла едва ли не самая пронзительная поэма Паруйра Севака – «Бессонного набата колокольная». Посвящена она вардапету Комитасу, хранителю армянского мелоса. Не вникая в нюансы перевода Сагратяна и Гарольда Регистана, первого переводчика поэмы Севака под названием «Неумолкаемая колокольная», отмечу лишь, что Регистан почему-то пропустил главу о хазах, древней армянской нотописи. Ведь именно раскрытием их тайн с завидным упорством занимался Комитас.

Кого только из армянских писателей Сагратян не переводил! Перед самой кончиной Сильвы Капутикян (вместе с Гургеном Маари и Хачиком Даштенцем они в 1968 году рекомендовали его в члены Союза писателей СССР) выслал он широко известной поэтессе трид-

цать шесть ее стихотворений и удостоился редкой похвалы в дарственной книге: «Сирели Ашот Сагратян, ай мышакуйты ердвял нывырьялин. Хин андипумнери тарм ишохутюннеров». В переводе с армянского языка это звучит так: «Дорогому Ашоту Сагратяну, клятвенно преданному армянской культуре. Со свежими воспоминаниями о давних встречах».

Портрет Сагратяна был бы неполон, не укажи я, что издал он семь авторских книг. В рамках проекта «Дар школьникам Армении» выпустил достойный подражания сборник – «Журавлиной печали отчизна», куда вошли его пронзительные стихи об Армении, малая энциклопедия переводов классиков армянской литературы и ряд занимательных сказок под общим названием «Сказки для моей бабушки». Там же нашла место его повесть «Пещера Великого Охотника», посвященная первому армянскому художнику-наскальнику пещерного века. Отнюдь не противопоставляя себя Редьярду Кипплингу, его герой становится первооткрывателем жизни своего рода-рода.

«Сказка о мальчике по имени Нагаш и о хлебе, который – лаваш», известная в народе как мультфильм «Кажардакан лаваш», став национальным бестселлером, уже который год не сходит с экрана. В 2001 году эта сказка была удостоена президентского гранта и в красочном переплете издавалась в Армении, отмечавшей 1700-летие принятия христианства как государственной религии. В Иране ее издают и переиздают, распространяя по разбросанным по всему свету армянским колониям. Для многих армянских малышей она стала первой любимой книгой.

В 2012 году в «Библиотеке газеты «Ноев Ковчег» увидела свет объемистая книга Ашота Сагратяна «Земля надежды нашей». В ней – образцы его изумительной прозы и раздумья о прошлом и настоящем родины. В год 65-летия Победы советского народа над фашизмом издал он в память об отце Аристакесе Сагратяне, полковнике железнодорожных войск, заслуженном инженерере Армянской ССР, стихотворный сборник «Сквозь призму памяти и боли».

Таджики, представители одной из древнейших цивилизаций, по сей день помнят Ашота Сагратяна, посвятившего одному из выдающихся поэтов Востока книгу – «Склонясь над думами Джами», вышедшую в дни его 600-летнего юбилея.

Имел Сагратян в Москве и Подмоскowie семь персональных выставок живописи. Его грандиозная выставка живописи и фарфоровых изделий своей росписи в столице России произвела фурор. Знаем Сагратяна и как автора портретной галереи. Интересна его манера исполнения. Широкими мазками пишет он портреты Минаса Аветисяна

и Костана Заряна, Ваана Терьяна и Леонида Андреева, Авраама Линкольна и Оноре де Бальзака, Александра Пушкина и Егише Чаренца.

Ашот Сагратян стал живым мостом между культурами Армении и России.

АШОТ САГРАТЯН

ТРЕХСТИШИЯ

Как семена надежд, не давших всходов,
На всём пути истории народов
Белеют кости добрых побуждений.

И шаг отягчён
Сожалений дыханьем...
Годы ушли.

Времена поганных учат
Подбираться к человеку
Незаметно, по-паучьи.

В музее мирового Зла
Добра останки,
Как приманки.

Пока не похоронят люди злобу,
Которой накопилось – пруд пруди,
Она им будет выедать утробу.

Намывая сожаленья,
Протекает сквозь века
Неизбежности река.

Весло Харона
В водах Леты
Листает вечные сюжеты.

Виски холодеют в поисках истин.
Седеют
В руке у художника кисти.

С времён начала
Миллионы лет
В утробе тьма вынашивает свет.

И кто ты есть, и что твои дела,
Расскажут миру
Исповедальных мыслей зеркала.

Есть у времени глаза,
Родничок на темени...
Сердца нет у времени.

Полумесяц в сознание поэта –
След копыта
Коня Магомета.

Воздух истин мерцательно зыбок.
На ладони Вселенной мирок
Человечества проб и ошибок.

Я открываю раковину сердца –
Принять тебя, песчинку мироздания:
Жемчужиной бесценною вернуть.

АФОРИЗМЫ

- Истина размножается спорами.
- Бодрость старости в свежих мыслях.
- Пыль веков – первый ковёр истории.
- Дряхлая душа и тело старит.
- Ловец обид живёт короткой жизнью.
- Тёмные силы подпитаны нашими пороками.
- Взор, обращённый в себя, должен быть готов ко всему.
- Признание заслуг должно созреть в умах.
- Истина – вечная жвачка мудрецов.
- Путь истины ведёт к её истоку.
- Ложь разлагается при свете дня.
- В раковине слова океан смыслов.
- Сила народа в его косности
- Удачный брак построен на удобстве.
- Женица – кладбище мужских амбиций.
- Он и Она, в погоне друг за дружкой, вращают шар земной.
- Дуракам мудрость и не снится.
- Недоделанное тобой обременяет потомков.
- Внутренний голос – посланец Бога.

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

ИТОГИ XXI МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2016 ГОДА

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

25 марта 2016 года на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета по инициативе Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России состоялся традиционный конкурс молодых поэтов-переводчиков Забайкалья и других регионов России.

Призеры: *(с английского)* Юлия Мусорина. Екатерина Коржова, Максим Катанаев, Юлия Петелина; *(с немецкого)* Лилия Краус, Анастасия Жеребцова; *(с китайского)* Вероника Сабинская, Альберт Крисский, Николай Руденко; *(с русского на английский)* Екатерина Коржова, Максим Катанаев, Юлия Петелина; *(с русского на немецкий)* Анастасия Жеребцова, Лилия Краус; *(с русского на китайский)* Ван Даньни.

Перевод с английского языка

WALTER SAVAGE LANDOR (1775-1874)

God scatters beauty as he scatters flowers
O'er the wide earth, and tells us all are ours.
A hundred lights in every temple burn,
And at each shrine I bend my knee in turn.

Словно цветами Бог наполняет Землю красотой,
И всем нам говорит, мир этот – твой.
Сотни свечей горят в каждом храме,
И к каждой святыне обращаюсь я с мольбами.

Перевод Максима Катанаева

Сеет Господь красоту, щедро даруя всем нам,
Как сеет цветы на Земле — повсюду: и тут, и там.
Сотни свечей зажигаются в храмах, и ныне
Колени готов преклонить я пред каждой святыней.

Перевод Анастасии Семеновой

Бог сеет красу, подобно цветам,
По всей земле и дарует все нам.
Сотни свечей каждый храм освещают,
И каждой святыне я преклоняюсь.

Перевод Анны Пурбужевой

PERSISTENCE

MY hopes retire; my wishes as before
Struggle to find their resting-place in vain:
The ebbing sea thus beats against the shore;
The shore repels it; it returns again.

НАСТОЙЧИВОСТЬ

Уходят надежды, а желания всегда
Бьются в тщетном поиске покоя;
Как при отливе, разбиваясь о берега,
Море возвращается прибоем.

Перевод Максима Катанаева

ELLA WHEELER WILCOX (1850-1919)

THANKSGIVING (extract)

We walk on starry fields of white
And do not see the daisies;
For blessings common in our sight
We rarely offer praises.
We sigh for some supreme delight

БЛАГОДАРЕНИЕ (отрывок)

По звездным полям мы ступаем,
Не видя, как растут цветы;
К дарам природы привыкаем,
Им редко воздаем хвалы.
По высшим восторгам вздыхаем

To crown our lives with splendor,
And quite ignore our daily store
Of pleasures sweet and tender.

В поисках жизни значений;
Не помня, что каждый день полон
Сладостно-нежных мгновений.

Перевод Максима Катаная

WILLIAM ERNEST HENLEY (1849-1903)

Praise the generous gods for giving
In a world of wrath and strife,
With a little time for living,
Unto all the joy of life.

At whatever source we drink it,
Art or life or faith or wine,
In whatever terms we think it,
It is common and divine.

Praise the high gods, for in giving
This for man, and this alone,
They have made his chance for living
Shine the equal of their own.

Хвала всевидящим богам,
Что в мире гнева и разлуки
Даруют радость жизни нам,
Дают услышать мира звуки.

Неважно, что питает душу:
Искусство, вера иль вино,
Я вечно буду предан чувству,
Всегда божественно оно.

Всевидящим богам хвала,
Что светом жизни одарили,
Что наши бранные тела
Своей искрою наделили.

Перевод Марии Золотухиной

Божьи блага восхваляйте:
Пусть вокруг вражды стена –
Пока живы, успевайте:
Вдоволь радуйтесь, сполна!

Чем бы Бог ни вдохновлял нас:
Музой, жизнью, иль вином,
В чём бы Бог ни наставлял нас –
Он сплотил нас всех в святом.

Божьи выси восхваляйте,
Учит Он лишь одному:
Каждый – жизнью воссияйте,
Чтобы ближе быть к Нему.

Перевод Екатерины Коржовой

PAUL LAWRENCE DUNBAR (1872-1906)

To J.Q.

WHAT are the things that make life bright?
A star gleam in the night.
What hearts us for the coming fray?
The dawn tints of the day.
What helps to speed the weary mile?
A brother's friendly smile.
What turns o' gold the evening gray?
A flower beside the way.

Посв. Дж. К.

Что делает жизнь нашу ярче всегда?
В ночи мерцающая звезда.
Что вдохновляет нас перед борьбой?
Небо, окрашенное зарей.
Как поскорее пройти длинный путь?
Друга улыбку не позабудь.
Что в золото красит вечерний покой?
Цветок, у дороги растущий, простой.

Перевод Елены Костроминой

Посв. Дж. К.

Что нашей жизни дарит сияние?
Звезд серебристых в ночи трепетание.
Что перед битвой нас вдохновляет?
Рассвета оттенки, что утро являет.
Что в тяжком пути помогает не сдаться?
Свет дружелюбной улыбки братской.
Что красочным делает вечер седой?
У дороги растущий цветок полевой.

Перевод Анастасии Семёновой

Посв. Дж. К.

ЧТО жизни придает очарование?
Ночной звезды прекрасное сиянье.
Что вдохновляет пред грядущей битвой?
Восхода солнца яркая палитра.
Что сокращает долгий путь стократ?
Улыбки свет, что посылает брат.
Что золотом сияет в сизой мгле?
Цветок, растущий на земле.

Перевод Юлии Мусориной

Посв. Дж. К.

Что придает нашей жизни цвет?
Ночной звезды неяркий свет.
Что пред сражением силы дает?
Солнце, что на рассвете встает.
Что облегчает нам путь тернистый?
Улыбки брата огонек лучистый.
Что золотом красит вечер убогий?
Цветок полевой, что растет у дороги.

Перевод Максима Катанаява

Посв. Дж. К.

ЧТО добавляет жизни интерес?
Звезда, блестящая с ночных небес.
Что окрыляет перед битвой предстоящей?
Рассвет, нам новый день дарящий.
Что ускоряет долгий путь?
Улыбка брата – стоит ей мелькнуть.
Что серый вечер в злато превращает?
Цветок, что у дороги нас встречает.

Перевод Юлии Петелиной

Посв. Дж. К.

Что дарит нашей жизни свет?
Звезды мерцание в ответ.
Что перед боем греет нас вдвойне?
Рассвета краски в вышине.
Что заставляет вдаль скорей идти?
Улыбка братская в пути.
Что вечеру добавит краски золотой?
Цветок простой.

Перевод Дарьи Иванченко

Посв. Дж. К.

Что блеск в нашу жизнь добавляет?
Звезда, что в ночи мерцает.
Что для борьбы нас вдохновляет?
Рассвет, что новый день начинает.
Что трудный путь пройти помогает?
Улыбка, что на лице брата играет.
Что серый вечер в золото красит?
У дороги цветок, что прекрасен.

Перевод Анны Егоровой

ANONIMOUS AMERICAN POET

YOUR DIMENSION OF GREATNESS

No one can know the potential,
Of a life that is committed to win;
With courage – the challenge it faces,
To achieve great success in the end!

So, explore the Dimension of Greatness,
And believe that the world CAN be won;
By a mind that is fully committed,
KNOWING the task can be done!

Your world has no place for the skeptic,
No room for the DOUBTER to stand;

To weaken your firm resolution
That you CAN EXCEL in this land!

We must have VISION TO SEE our potential,
And FAITH TO BELIEVE that we can;
Then COURAGE TO ACT with conviction,
To become what GOD MEANT us to be!

So, possess the strength and the courage,
To conquer WHATEVER you choose;
It's the person WHO NEVER GETS STARTED,
That is destined FOREVER to lose!

Никто не знает сил своих предела,
С которыми мы набираем высоту.
И сколь храбры, нас жизнь проверит делом,
Чтоб мы смогли достать свою звезду!

Постигни Бездну своего Величья?
И мир тебе однажды ПОКОРИТСЯ.
И? коль твое решение неизменно,
Всего на свете сможешь ты добиться!

Твой мир не создан для сомнений,
Там ОПАСЕНЬЯ вовсе не в цене.
Им не ослабить твоего стремленья
БЫТЬ САМЫМ ЛУЧШИМ на земле!

И нам бы ЗОРКИЙ ГЛАЗ, постичь свои глубины,
И ВЕРУ в свои силы до конца,
ОТВАГУ, чтоб идти по жизни смело,
Чтоб не испортить ЗАМЫСЕЛ ТВОРЦА!

Так обладай же истиной отвагой.
СТРЕМИСЬ повсюду достигать успеха.
Ведь ГУБИТ человека без сомненья
Его БЕЗДЕЙСТВИЕ! Вот главная помеха!

Перевод Юлии Мусориной

До конца себя никто не знает,
Жизнь стремится над нами взять верх.
Лишь того, кто себя постигает,
Ожидает в итоге успех.

Познавая свой внутренний космос,
Предстоит ещё столько открыть.
Слушай собственный внутренний голос,
Он поможет тебе победить.

Этот мир не потерпит сомнений,
И пока твоя вера с тобой,
Жизнь потребует быстрых решений,
Здесь война: каждый день – это бой!

Верьте в то, что вы станете кем-то,
Научитесь смотреть вглубь себя,
Бог ведь дал эту жизнь вам зачем-то,
Докажите ему – что не зря!

Вам дана безграничная сила,
Научитесь лишь ей управлять.
Те, кто этого сделать не сможет,
Навсегда могут всё потерять!

Перевод Дмитрия Кондря

Перевод с немецкого языка

HEINRICH HEINE (1797 – 1856)

Es schauen die Blumen alle
Zur leuchtenden Sonne hinauf;
Es nehmen die Ströme alle
Zum leuchtenden Meere den Lauf.

Es flattern die Lieder alle
Zu meinem leuchtenden Lieb;
Nehmt mit meine Tränen und Seufzer,
Ihr Lieder, wehmütig und trüb!

Все цветы обращают взоры
Вверх к сияющим солнца лучам.
Все потоки бегут безоглядно
К серебристым глубоким морям.

Все песни летят, как птицы,
К единственной милой моей.
Возьмите с собой, о напевы,
Все слезы и вздохи о ней.

Перевод Арины Пичуговой

JOHANN GOTTFRIED HERDER (1744 -1803)

Liebe schwärmt auf allen Wegen,
Treue wohnt für sich allein;
Liebe kommt euch rasch entgegen,
aufgesucht will Treue sein.

Любовь блуждает по дорогам.
А верность, та одна живет.
Любовь сама дается в руки,
А верность – тем, кто ее ждет.

Перевод Валерии Новиковой

Любовь, мечтая, гуляет по свету,
Верность, однако, сама по себе;
Любовь мгновенно вас встретит приветом,
А верность придется искать везде.

Перевод Анастасии Жеребцовой

RAINER MARIA RILKE (1875-1926)

Ich möchte dir ein Liebes schenken,
das dich mir zur Vertrauten macht:
aus meinem Tag ein Deingedenken
und einen Traum aus meiner Nacht.

Тебе любовь хочу отдать,
Такую, чтоб близкою стала:
Чтобы тебе ночным сном стать,
Чтоб днём лишь о тебе мечталось.

Mir ist, daß wir uns selig fänden
Und daß du dann wie ein Geschmeid
Mir löstest aus den müden Händen
Die niebegehrte Zärtlichkeit.

Да, счастья нам не миновать,
И будешь ты, как драгоценность,
Мне из усталых рук давать
Досель неведомую нежность.

Перевод Лилии Краус

CLEMENS BRENTANO (1778-1842)

WIEGENLIED

Singet leise, leise, leise
Singt ein flüsternd Wiegenlied,
Von dem Monde lernt die Wiese,
Der so still am Himmel zieht.

Singt ein Lied so süß gelinde,
 Wie die Quellen auf den Kiesel, n,
 Wie die Blumen um die Linde
 Summen, murmeln, flüstern, rieseln.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Тихо, тихо, словно шепот,
 Колыбельная звучит.
 И луна, плывя по небу,
 Учит луг спокойным быть.

Пойте песню сладко, мягко,
 Как ручей в тиши журчит.
 Как цветков под липой сонной
 Что-то шепчет, шелестит.

Перевод Эржены Дугаровой

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Пойте тихо, очень тихо
 колыбельную мою.
 Месяц с неба тихо шепчет
 Лугу песенку свою.

Песня льется в сладкой неге,
 Как источник меж камней.
 И цветы под старой липой
 Что-то шепчут, вторят ей.

Перевод Анастасии Корчажкиной

ADELBERT VON CHAMISSO (1781-1838)

KANON

Das ist die Not der schweren Zeit!
 Das ist die schwere Zeit der Not!
 Das ist die schwere Not der Zeit!
 Das ist die Zeit der schweren Not!

КАНОН

Пришла нужда тяжелых дней!
 И тяжко время той нужды!
 И нет нужды сей тяжелей!
 Постигло время злой беды!

Перевод Анастасии Жеребцовой

Перевод с русского на иностранные языки

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ. НИНА ГАНЬШИНА (1954 – 2015)

Призрак слепого дождя.
 Плачущей тучи лик.
 Звезды на Землю глядят.
 Вечность глядят иль миг?

Как мне тебе рассказать,
 Что лишь тебя люблю?

The sun shower's left but a wraith
 Forsaking the cloud to cry
 The stars are regarding the Earth
 Fleetly or infinite time?

That only you I adore
 Is there a way to tell you?

Мы повстречались опять –
Странное déjà vu.

Станные песни слова.
Кажется, «I love you».
Жизнь на Земле не нова:
Может быть, déjà vu?

Новый встречаю рассвет.
Солнечный луч ловлю.
Жизни таинственный след –
Вечное déjà vu.

We met each other once more
It's such an odd déjà vu.

Curious lyrics that seem
To have the words "I love you"
The Earth many summers has seen
Can there be déjà vu?

I'm trying to seize a sunray
When the day is starting anew
The fruits of life are arcane
Perpetual déjà vu.

*Перевод на английский
Максима Катанаева*

Phantom of desperate rain.
Cloud's saintly weeping eyes.
Stars look at us in dark pain.
Are they for good or trice?

How can I tell and repeat,
That I love only you?
We've been again blest to meet –
Cryptic "I see anew".

Cryptic, strange words of the song.
Something like: "I love you".
All this is mundane and long:
Maybe, "I feel anew"?

Greeting new dawn with glad face.
Catching the sunbeam's hue.
Life leaves its marvellous trace –
Lasting "I LOVE anew".

*Перевод на английский
Екатерины Коржовой*

迷濛雨丝的幽暗，
泣涕云朵的容颜，

Das blinde Regensgespenst.
Die weinende Wolkengestalt.
Die Sterne blicken so fest.
Für ewig? Für kurze Zeit?

Ich hätte für dich ein Bericht:
Die Liebe zu dir – überall.
Ich sehe dich wieder so dicht
Alles passiert noch einmal.

Seltsames Liederwort.
Vermutlich ein Liebesanfall.
Das Leben ist so gewohnt:
War es vielleicht schon einmal?

Der neue Morgen beginnt.
Ich fange den Sonnenstrahl.
Das Leben ist heimlich markiert –
Das kommt bestimmt noch einmal.

*Перевод на немецкий
Анастасии Жеребцовой*

玄妙的歌声响起，
仿佛却是“我爱你”

繁星遥望着地面，
是永恒抑或瞬间？
要我如何引话题？
我的心中只有你！
我们再一次相聚——
多么神奇的际遇。

生命并不曾及交替
怕是回望的瞬间。
黎明展现在面前，
捕捉到阳光一线。
探秘生活路弯弯——
似曾相识到永远。

Перевод на китайский Ван Даньни

Ветра шум – шепот губ твоих.
Ласковых волн касанье – руки.
Бог создал мир лишь для двоих.
Остальных расселил от скуки.

Zephyr sighs – whisper lips of thine.
Waves fondly touch – so do thy cuddles.
God chiseled us to intertwine,
Parting the rest like tedious bubbles.

*Перевод на английский
Екатерины Коржовой*

Sound of the wind – whisper of your lips.
Caressing waves' touching is your hands.
Just for us God made this world without skips
Then He was bored and inhabited the lands.

Перевод на английский Юлии Петелиной

风声细细恰如你的双唇将言而未语，
纤纤素手的轻抚带给我温存的真切。
上苍创造了属于两个人的世界，
余人皆因愁绪满怀而不得相聚。

Перевод на китайский Ван Даньни

А море – смеялось.
Но разве можно смеяться

Над разбитыми надеждами?
Волны разбились о берег и замерли.
Но родились новые волны.
Пришли другие надежды.
Всё – вечно.
Ничто не кончается.
И – море смеялось.
Над моими страхами.
Я люблю его.

And the sea was laughing.
But may one laugh
At shattered hopes?
The waves'd broken against the shore and fad'd away.
But new waves were born.
Other hopes appeared.
Everything is eternal.
Nothing ever ends.
So the sea was laughing.
At my fears.
I love him.

Перевод на английский Максима Катанаева

Ах, снова сны мои тревожны.
Осенний ветер пахнет летом.
И тьму ночную осторожно
Пронзает острый скальпель света.

И снова встречи, как сомненья,
И снова слов твоих загадки.
И вновь – святое вдохновенье.
И сладость губ твоих украдкой.

Ah, newly dreams of mine bring fear.
The autumn wind spreads summer steaming.
And night, as though with heedful gear,
Gets pricked with scalpel of moon's gleaming.

And newly trysts raise hesitation,
And newly words of thine set riddle.
And new – seraphic inspiration:
Thy mellow lips... by stealth... a little...

Перевод на английский Екатерины Коржовой

Мне кажется, я все еще в пути.
Ах, чей там голос слышится вдогонку?
Не оглянусь. Ведь я должна дойти
Туда, где колокол сияет звонко.

Уйдите прочь, несмотренные сны.
Швырну в огонь написанные строки.
Ах, колокол в сиянии Луны!
Такой же гордый. Так же одинокий.

Но что за ним? Бессмертие Души?
Сияние невиданного мира?
...Заплачу я, когда поет в тиши,
Как Божий дар, невидимая лира.

It seems to me, I still proceed my way.
Ah, whose far voice is now behind me singing?
I shan't look back. I ought to come and stay
Wherein the dome and bell in shine are ringing.

Get out of me, unwept, unquitted dreams.
I'll hurl to blaze the lines that heartfelt waken.
Ah, vesper-bell in placid full moon gleams!
As proud as me he's. So he is forsaken.

What does he hide? Immortal Flight of Soul?
The marv'ulous world's refulgence and desire?
...I'll weep and sigh, when, midst the silent whole,
Like Heaven's gift, croons dulcet sightless lyre.

Перевод на английский Екатерины Коржовой

It seems to me I'm still on my way
Oh, whose voice is calling after me?
I won't look back. I must attain
Where the bell yawns so sonorously.

Go away the dreams I never saw
I'll toss into the fire the written lines
Oh, the bell in the moon glow!
You are so proud in your loneliness.

What's behind it? The immortality of soul?
Or the unknown world's radiance?
I'll cry, when the invisible lyre
Starts singing as God's gift in silence.

Перевод на английский Юлии Петелиной

Перевод с китайского языка

徐志摩 СЮЙ ЧЖИМО (1897-1931)

我不知道风

—— 我不知道风
是在那一个方向吹
—— 我是在梦中，
在梦的轻波里依洄。
我不知道风
是在那一个方向吹
—— 我是在梦中，
她的温存，我的迷醉。

我不知道风
是在那一个方向吹
—— 我是在梦中，
甜美是梦里的光辉。
我不知道风
是在那一个方向吹
—— 我是在梦中，
她的负心，我的伤悲。

КУДА ДУЕТ ВЕТЕР

Я не знаю,
Куда дует ветер.
Я живу в своем сне
И вращаюсь в его легком свете.
Я не знаю,
Куда дует ветер.
Я живу в своем сне,
Где любовь ее нежную встретил.

Я не знаю,
Куда дует ветер.
Я живу в своем сне,
Сладок сон этот мне и светел.
Я не знаю,
Куда дует ветер,
Я живу в своем сне,
Где предательство горькое встретил.

我不知道风
是在那一个方向吹
——我是在梦中，
在梦的悲哀里心碎！
我不知道风
是在那一个方向吹
——我是在梦中，
黯淡是梦里的光辉！

Я не знаю,
Куда дует ветер.
Я живу в своем сне,
Где печаль я свою приветил.
Я не знаю,
Куда дует ветер.
Я живу в своем сне,
Я в его беспроглядном свете.

Перевод Вероники Сабинской

刘半农 ЛЮ БАНЬНУН (1891-1934)

我们俩

МЫ ВДВОЁМ

好凄冷的风雨啊！
我们俩紧紧的肩并着肩，
手携着手，
向着前面的“不可知”，
不住的冲走。
可怜我们全身都已湿透了，
而且冰也似冷了，
不冷的只是相并的肩，
相携的手。

Какой холодный дождь и ветер!
Мы вдвоем, плечом к плечу,
рука в руке
Вперед, к тому, что «ведать невозможно»,
несемся налегке.
Жаль — мы с тобой промокли насквозь
и стали холодны как лед
Но не замерзли плечи, что касаются друг друга,
И та рука, что руку держит и ведет.

Перевод Альберта Крисского

刘大白 ЛЮ ДАБАЙ (1880-1932)

秋江的晚上

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР НА РЕКЕ

归巢的鸟儿，
尽管是倦了，
还驮着斜阳回去。

Возвращаются птицы в родимые гнезда,
Принося нам на крыльях
закатную тишь,

双翅一翻，
把斜阳掉在江上；
头白的芦苇，
也妆成一瞬的红颜了。

И бросают к реке
уходящее солнце,
И алеет на миг
седовласый камыш.

Перевод Николая Руденко

СЛОВАРЬ-МИНИМУМ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН КИТАЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В настоящем словаре представлен базовый арсенал прецедентных имён (ПИ) китайскоязычного дискурса, сформированный на основе первой части корпуса словаря Чэнь Сяньчунь «Прецедентные персонажи и события в культуре Китая» [Chen 1999: 3-135].

Структура статьи: 1. Имя прецедентного персонажа на китайском языке, транскрипцией *ханьюй пиньинь* и на русском языке. 2. Инвариант восприятия ПИ в китайскоязычном дискурсе. Здесь представлены на русском языке инварианты, которые мы сформулировали в ходе исследования, опираясь на соответствующую литературу и данные опросов информантов-носителей китайского языка [Воропаев 2013]. 3. Инварианты восприятия ПИ на китайском языке, зафиксированные в словаре Чэнь Сяньчунь. 4. Референты ПИ. 5. Основные произведения (если были нами обнаружены), которые посвящены референту ПИ или в которых упоминается референт ПИ; указаны в соответствии с данными словаря Чэнь Сяньчунь и с привлечением другой научной литературы.

Полагаем, что два референта в 4-й части некоторых статей (Референт₁ ПИ и Референт₂ ПИ) следует выделять в случаях, когда референтом ПИ является историческая личность [событие] и эта историческая личность [событие] используется в прецедентном художественном литературном тексте или в дискурсе как важный или центральный персонаж [эпизод] и наделена в тексте или дискурсе дифференциальными признаками, которыми референт-историческая личность [событие] не обладал, например: Цао Цао как реальная историческая личность и Цао Цао как персонаж романа «Троецарствие» или В. И. Чапаев как реальная историческая личность и В. И. Чапаев как персонаж советских и российских анекдотов.

Аа

阿斗 Adou Адоу – никчёмный человек, человек с низкими умственными способностями **阿斗**的名字用来比喻智力低下、缺乏能力的人

- Референт ПИ – историческая личность, последний царь царства Шу 刘禅 Liu Shan Лю Шань (207-271 гг.). Основной письменный памятник, посвящённый референту ПИ – раздел «Жизнеописание наследника престола Шаня» 《后主禅传》 книги «История трёх царств» 《三国志》 (книга написана в период с 280 по 297 гг.).

阿Q AQ А-кью – этим именем обозначают тип человека, который не может смотреть прямо в глаза действительности, для самоуспокоения использует принцип так называемых моральных побед **阿Q**是不能正视现实、用精神胜利法作自我安慰的典型

- Референт ПИ – персонаж рассказа Лу Синя «Подлинная история А-кью» 《阿Q正传》 (рассказ впервые был опубликован в 1921 г., переведён на русский язык)

Вв

包公 Bao Gong Бао-гун (также **包老爷 Bao Lao'e** 'господь Бао'; **Бао-гун** почитается в Китае как божество справедливости), **包文正 Bao Wenzheng Бао Вэньчжэн** (официальное имя). 1. честный чиновник 2. человек со смуглым лицом
包公是清官的典型, **包公**的名字被借指为办公公道、铁面无私的人

- Референт₁ ПИ – историческая личность, знаменитый судья **包拯 Bao Zheng Бао Чжэн** (999-1062 гг.). Референт₂ ПИ – персонаж пьес «Убийство Бао Мяня» 《铡包勉》 (время написания неизвестно), «Дело об убийстве Мэя» 《铡美案》 (написана в период с 1638 по 1661 гг.) и др. Основной письменный памятник, посвящённый референту ПИ – 75-й раздел книги «История династии Сун» «Жизнеописание Бао Чжэна» 《宋史·列传第七十五·包拯》 (книга написана в 1345 г.).

伯乐 Bole Болэ – человек, который обладает способностью замечать, выделять из массы и использовать выдающихся талантливых людей **伯乐**的名字用来指有眼力、善于发现、选拔并使用出色人才的人

- Референт ПИ – историческая личность, знаменитый специалист по лошадям **孙阳 Sun Yang Сунь Ян** (примерно 680-610 гг. до н. э.). Основные письменные памятники, посвящённые референту ПИ или упоминающие его: 1) раздел «О знаках» трактата Ле-цзы 《列子·说符》

(трактат написан в период с 450 по 375 гг. до н. э.) 2) раздел четвёртый «Царство Чу» книги «Политика Воюющих царств» 《战国策·楚策四》 3) раздел второй «Царство Янь» книги «Политика Воюющих царств» 《战国策·燕策二》 (книга написана в период с 77 по 6 гг. до н.э.).

Сс

曹操 Сао Сао Цао Цао – как литературный персонаж романа «Троецарствие» Цао Цао является олицетворением отъявленного негодяя и интригана-властолюбца, крупнейшего авантюриста и величайшего обманщика во времена смуты или войны. Для современных китайцев Цао Цао – хитрый, лукавый, коварный человек, это общепринятый инвариант восприятия данного ПИ. Однако, как историческая личность Цао Цао многим китайцам симпатичен. Споры об оценке этой личности продолжаются в китайском обществе по сей день 作为文学形象的曹操，代表乱世奸雄

- Референт₁ ПИ – историческая личность, выдающийся политик, военачальник и литератор 曹操 Сао Сао Цао Цао (155-220 гг.). Референт₂ ПИ – персонаж преедентного текста классического романа «Троецарствие» 《三国演义》 (роман создан в 14 веке, переведён на русский язык).

陈世美 Chen Shimei Чэнь Шимэй – бросивший жену муж 陈世美这个名字代表因为地位提高以后，抛弃原来的妻子另觅新欢的人。他贪图富贵、喜新厌旧，是中国老百姓痛恨的人物

- Референт ПИ – персонаж народной комедии «Дело об убийстве Мэя» 《铡美案》 (написана в период с 1638 по 1661 гг.).

程咬金 Cheng Yaojin Чэн Яоцзинь – человек, навыки или таланты которого ограничены 程咬金代表本领有限的人，或者代表作为突如其来而取胜的人. Референт ПИ – историческая личность, военачальник периода династии Тан程咬金 Cheng Yaojin Чэн Яоцзинь (589-665 гг.)

- Основной письменный памятник, упоминающий референт ПИ – книга «Сказание о династии Тан» 《说唐》 (написана в период династии Цин (1616-1911 гг.)).

Dd

登徒子 Dengtu Zi Дэнту Цзы – бабник 好色而不择美丑的人称为登徒子，后来又泛指好色的男人. Референт ПИ – историческая личность, чиновник в царстве Чу периода Воюющих царств

(475-221 гг. до н. э.) 登徒子 Dengtu Zi Дэнту Цзы (годы жизни неизвестны).

- Основной письменный памятник, посвящённый референту ПИ – «Рифмованная проза про сладостлюбца Дэнту Цзы» 《登徒子好色赋》 (написана в период Воюющих царств).

东郭先生 Dongguo xiansheng Господин Дунго (Дунго сяньшэн) – человек, который не может отличить добро от зла, который излишне добр и великодушен 东郭先生代表那种不分善恶、滥施仁慈的人

- Референт ПИ – персонаж притчи «История о чжуншаньском волке» 《中山狼传》 (написана в период династии Мин (1368-1644 гг.)).

东施 Dong Shi Дун Ши – некрасивая женщина 东施的名字代表丑女

- Референт ПИ – персонаж книги «Чжуан-цзы» (раздел «Судьба неба») 《庄子·天运》 (книга написана в период с 369 по 286 гг. до н.э.).

Ff

方鸿渐 Fang Hongjian Фан Хунцзянь – человек, который выдаёт себя за учёного, хотя на самом деле таковым не является 方鸿渐是一个假博士，也是一个没有真才实学、不肯做学问的知识分子。

- Референт ПИ – персонаж романа Цянь Чжуншу (钱钟书) «Осаждённая крепость» 《围城》 (роман впервые опубликован в 1935 г., переведён на русский язык).

Gg

高衙内 Gao Yanei Гао Янэй – человек при власти, который нагло нарушает законы, творит зло и губит людей. ГаоЯнэй был приёмным сыном всемогущего продажного чиновника Гао Цю (高俅 Gao Qiu)/ 高衙内代表无法无天做坏事害民的官僚子弟

- Референт ПИ – персонаж романа «Речные заводы» 《水浒传》 (роман создан в середине 14 века, переведён на русский язык).

关公 Guan Gong Гуань-гун (также 1.关羽 Guan Yu Гуань Юй 2. 关老爷 Guan laoye 'Господь (Бог Войны) Гуань' 3. 关云长 Guan Yun-chang Гуань Юньчан (его взрослое имя) 4. 关帝 Guandi 'Гуань-ди, император Гуань (Гуань Юй был канонизирован как божество вой-

ны)' 5. 关大王 Guan dawang 'атаман Гуань' 6. 关二爷 Guan Erye 'Второй господин Гуань (второй, потому что в союзной триаде с Лю Бэем и Чжан Фэем он по старшинству занимал второе место после Лю Бэя)'. 1. символ храбрости и преданности. Гуань-гун – божество войны, торговли и богатства. 2. человек с красным лицом 关公是武圣人, 也是忠勇的象征

● Референт₁ ПИ – историческая личность, легендарный полководец эпохи Троецарствия 关羽 Guan Yu Гуань Юй (162? — 219 гг.)/ Референт₂ ПИ – персонаж романа «Троецарствие» 《三国演义》 (роман создан в 14 веке).

Нн

韩信 Han Xin Хань Синь – выдающийся специалист в военной или в какой-либо другой сфере 韩信的名字通常用来指优秀的军事人才, 也用来指优秀的人才

● Референт ПИ – историческая личность, талантливый военачальник эпохи Цинь-Хань (3-й век до н. э.) 韩信 Han Xin Хань Синь (? – 196 г.). Основной письменный памятник, посвященный референту ПИ – «Исторические записки» Сыма Цяня, раздел «Жизнеописание хоу (маркиза) Хуайиня» 《史记·记淮阴侯列传》 (книга была завершена в 91 г. до н. э.)

红娘 Hongniang Хуннян – 1. сваха 2. позитивно влияющий на ход событий и способствующий любым хорошим делам человек 红娘是帮助别人结成美好婚姻的人

● Референт ПИ – персонаж рассказа «Постижение истины» 《会真记》 (рассказ написан в период династии Тан (618-907 гг.)) и драмы «Западный флигель» 《西厢记》 (написана в период династии Юань (1271-1368 гг.)).

花木兰 Hua Mulan Хуа Мулань – девушка, переодевшаяся мужской и ушедшая на войну вместо своего отца; верная дочь и героиня 花木兰是中国古代的女英雄, 所以人们以花木兰来喻指女中豪杰

● Референт ПИ – персонаж народного сказания «Песнь о Мулань» 《木兰诗》 эпохи Южных и Северных царств (420-589 гг.); сказание было включено в книгу «Музыкальные записи древности и современности» 《古今乐录》 (книга была написана в 568 г. н. э.)

华陀 Hua Tuo Xua To – выдающийся врач 华陀是中国汉末的名医, 后来人们以华陀喻指名医

• Референт₁ ПИ – историческая личность, знаменитый врач 华陀 Hua Tuo Xua To (145? – 208 гг.). Референт₂ ПИ – персонаж романа «Троецарствие» 《三国演义》 (роман создан в 14 веке). Основной письменный памятник, посвящённый референту₁ ПИ – «Жизнеописание Хуа То» в книге «История Поздней Хань» 《后汉书·方术列传·华陀》 (в книге зафиксированы исторические события периода Восточная Хань (25 – 220 гг.).

黄忠 Huang Zhong Xuan Чжун – старый герой, ветеран, который хотя уже и в годах, но по-прежнему в строю 黄忠是年老仍屡建成功的老英雄

• Референт₁ ПИ – историческая личность, великий полководец царства Шу-Хань периода Троецарствия (220-280 гг. н. э.) 黄忠 Huang Zhong Xuan Чжун (? – 220 г.). Референт₂ ПИ – персонаж романа «Троецарствие» 《三国演义》 (роман создан в 14 веке).

黄世仁 Huang Shiren Xuan Шижэнь – помещик-злодей, мироед, жестокий эксплуататор, богач 黄世仁是恶霸地主的典型

• Референт ПИ – персонаж оперы «Седая девушка» 《白毛女》 (премьера оперы состоялась в 1944 г.).

Jj

贾桂 Jia Gui Цзя Гуй – холопский (лакейский, рабский) тип человека, которому недостаёт чувства собственного достоинства (самолюбия) и уверенности в себе; этим именем китайцы обозначают людей, которые раболепствуют перед другими 贾桂是那种缺乏自尊心和自信心的奴才的典型

• Референт ПИ – персонаж оперы «Фамэнсы» 《法门寺》 (время создания оперы неизвестно; история, которая рассказывается в опере, происходила в период династии Мин (1368 – 1644 гг.)).

贾宝玉 Jia Baoyu Цзя Баоюй – 1. избалованный и не видавший трудностей мальчик (молодой человек) из богатой семьи 2. человек мужского пола среди большого количества людей женского пола 贾宝玉通常指有钱人家娇生惯养、吃不得苦的男孩儿

- Референт ПИ – персонаж романа «Сон в красном тереме» 《红楼梦》 (роман написан в 18 веке, переведён на русский язык).

江郎 Jiang Lang Цзян Лан (также 江淹 Jiang Yan Цзян Янь) – олицетворение человека, утратившего свой талант 江郎即江淹，曾是历史上有名的文学家，但到晚年他的才思减退，再也写不出好文章来了。因此江郎是才思减退的典型

- Референт ПИ – историческая личность, знаменитый литератор 江郎 Jiang Lang Цзян Лан, живший в эпоху Южных и Северных царств (420-589 гг.) (годы жизни неизвестны). Основной письменный памятник, посвящённый референту ПИ – раздел «Жизнеописание Цзян Яня» книги «История Южных династий» 《南史·江淹传》 (книга была завершена в 659 г.).

姜太公 Jiang Taigong Цзян Тайгун (также 姜子牙 Jiang Ziya Цзян Цзыя) – человек, который заблаговременно имеет ясное представление о каких-либо событиях, чётко знает (понимает) порядок вещей в этом мире и поэтому всё делает не торопясь, не суетясь, терпеливо ожидая своего шанса 姜太公是指因为事先心中有数，所以做事不急不躁、耐心等待机会的人

- Референт ПИ – историческая личность, главнокомандующий царства Чжоу 姜太公 Jiang Taigong Цзян Тайгун (1128 – 1015 гг. до н. э.). Основной письменный памятник, посвящённый референту ПИ – раздел «Жизнеописание владетельного рода тайгуна Ци» книги «Исторические записки» 《史记·齐太公世家》 (книга была завершена в 91 г. до н. э.).

LI

雷锋 Lei Feng Лэй Фэн – человек, который всей душой и всеми возможностями служит народу 雷锋的名字通常指全心全意为人民服务的人

- Референт ПИ – историческая личность, командир автомобильной роты одной из частей Народно-освободительной армии Китая Лэй Фэн (1940-1962 гг.).

李鬼 Li Gui Ли Гуй – лже-; олицетворяет людей, которые выдают себя за кого-либо, кем на самом деле не являются 李鬼冒充名人李逵，后来人们把冒充者称为李鬼

- Референт ПИ – персонаж романа «Речные заводи» 《水浒传》 (роман написан в середине 14 века).

李逵 Li Kui Ли Куй – человек огромной силы, бездумной отваги и с неприятной внешностью 李逵指那种长得黑粗丑陋、头脑简单、脾气暴躁的人

- Референт ПИ – персонаж романа «Речные заводы» 《水浒传》 (роман написан в середине 14 века).

李林甫 Li Linfu Ли Линьфу – олицетворяет тип двуличных людей, которые смотрят тебе в глаза, широко улыбаясь, а за спиной коварно и ложно обвиняют тебя, подсиживают и роют тебе яму 李林甫是当面对人笑容满面、背后却恶毒地陷害人的两面派典型

- Референт ПИ – историческая личность, канцлер при дворе императора династии Тан Сюань-цзуна (685 – 762 гг.; правил с 712 по 756 гг.) Ли Линьфу (683 – 752 гг.). Основной письменный памятник, упоминающий референт ПИ – книга «Зерцало всеобщее, управлению помогающее» 《资治通鉴》 (книга была завершена в 1084 г.).

梁鸿、孟光 Liang Hong, Meng Guang Лян Хун и Мэн Гуан – Лян Хун – хороший муж, Мэн Гуан – добродетельная жена; их имена вместе обозначают любящих счастливых супругов 梁鸿指好丈夫, 孟光指贤妻. 梁鸿孟光是恩爱夫妻的典型

- Референт ПИ Лян Хун – историческая личность, благородный мудрый человек, поэт, живший во времена династии Восточная Хань (25 – 220 гг. н. э.) (годы жизни не известны). Референт ПИ Мэн Гуан – историческая личность, жена Лян Хуна (годы жизни не известны). Основной письменный памятник, посвящённый референтам ПИ Лян Хун и Мэн Гуан или упоминающий их – глава «Лян Хун» раздела «Жизнеописания отшельников» книги «История Поздней Хань» 《后汉书·逸民传·梁鸿》 (в книге зафиксированы исторические события периода Восточная Хань (25 – 220 гг.)).

林黛玉 Lin Daiyu Линь Дайюй – олицетворение чрезмерно сентиментальной, с красивыми чертами лица, но слабенькой физически, капризной и вредной девочки (девушки) 林黛玉是指代多愁善感、貌美体弱又好耍小性子的女孩子

- Референт ПИ – персонаж романа «Сон в красном тереме» 《红楼梦》 (роман написан в 18 веке).

刘姥姥 Liu Laolao Бабушка Лю (Лю-лаолао) – Бабушка Лю – это

бедная и трудно живущая старушка, которая всю свою жизнь провела в деревне. Случайно, попав в богатую семью в городе, она столкнулась со многими вещами, которых раньше не видела, чем часто сместила людей. Современные китайцы именем бабушки Лю обозначают человека, который не видел мира (не видел ничего дальше своего забора) 刘姥姥是一个一辈子住在农村的穷苦老太太, 偶然到城里的有钱人家, 见到了很多没见过的东西, 闹了很多笑话。所以后来人们用刘姥姥来指没有见过世面的人

● Референт ПИ – персонаж романа «Сон в красном тереме» 《红楼梦》 (роман написан в 18 веке).

鲁班 Lu Ban Лу Бань (также 公输子 Gongshu Zi Гуншу-цзы или 公输班 Gongshu Ban Гуншу Бань) – мастер своего дела, выдающийся мастер (часто в строительной индустрии) 鲁班是中国古代杰出的建筑工匠, 后来人们把能工巧匠比喻为鲁班

● Референт ПИ – историческая личность, знаменитый плотник и изобретатель Лу Бань (507 – 444 гг. до н. э.).

鲁智深 Lu Zhishen Лу Чжишэнь (также 鲁达 Lu Da Лу Да) – высокий и толстый, дородный, с обильной растительностью на лице, сильный физически и грубый по характеру человек, «прёт как танк» 鲁智深喻指身高体胖、满脸胡须、力大无穷、性格粗鲁的人

● Референт ПИ – персонаж романа «Речные заводи» 《水浒传》 (роман написан в середине 14 века).

Литература

Chen 1999 – Chen Xianchun 中国文化中的典型人物与事件 // 陈贤纯编著. – 北京: 北京语言文化大学出版社, 1999 年. (Прецедентные персонажи и события в культуре Китая // Сост. Чэнь Сяньчунь. – Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 1999)

Воропаев 2013 – Воропаев Н. Н. Китайскоязычный прецедентикон. – LAP LAMBERT Academic Publishing, AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG Saarbrücken, Deutschland / Германия, 2013. – 448 с. ISBN: 978-3659-34638-5

СЛОВАРЬ ЛЮБВИ,

в котором находится объяснение самых употребительных терминов этого языка¹.

Составлен М. де *** В Гааге. 1741 г.

ЧАСТЬ II

Мода (mode)

Мода имеет неограниченную власть над французами: их тело, сердце, дух – все ей подвластно, они одеваются, ходят, едят, кашляют, плюют, думают, говорят, пишут, проклинают, спасаются по-модному. В любви мода полна деспотизма. Больше не в моде постоянные любовники, любовь приспосабливается к порокам времени: немного принуждения, снисходительность сердца, притворный пламень ныне достаточен.

Момент (moment)

Моменты в любви не менее ценны, чем на войне: и в том и в другом случае удача иногда зависит от одного момента. В устах любовника, знающего язык любви: «Могу ли свидеться с вами хоть ненадолго», означает: «Не могу ли я получить эти сладкие минуты, когда мутится разум, а любовь побеждает в забвенье любовников? Не прозвенит ли когда-нибудь мне час пастуха?»

Муж (mari)

Что такое муж? Официальный брюзга, плохо исполняющий свои обязанности и всячески мешающий другим их выполнять. Вот гнусные ему определения, которые дают профессиональные волокиты. В волоките, их изрекающем, и в женщине, которая их слушает, это означает большую склонность к нарушению супружеского союза.

Надежда, упование (espérance)

Надежда – ветреница, верящая во все, лишь бы это ей нравилось: химеры ее развлекают, у ней богатое воображение, но не пугающее свою любовницу, любовник уверяет ее иногда в безнадежной любви, без желаний, но

¹ См. Часть I в журнале «Переводчик» № 15, 2015, СС. 192-201. Словарь дается в сокращении (Прим. ред.).

*Любовника скромнейший вид
На даму лишь скрывает страстные виды,
И будет сказано для ни для кого обидно,
Что и надежда пыл свой сохранит.*

Наперсник (confident)

Наперсники служат к облегчению от такого груза секретов. Тщеславие и нетерпение рассказать о своих любовных делах так и влекут сердце раскрыться на эту тему, что самый небольшой повод является неизбежной ловушкой для самых сдержанных и молчаливых.

Неверность, вероломство (Infidélité)

Не бойтесь вероломства с моей стороны, в этом подразумевается: «Пока вы будете сдержанны со мной и соблюдать некоторые другие условия, о которых мы с вами уже говорили. Можно видеть в статье «Верный» объяснение этого слова. Мы подтверждаем здесь то, что мы уже сказали, этими стихами.

*Тирсис клянется любовью безмерной.
Бойся, Ирис, увенчать его страсть.
Ведь ты не хочешь, чтоб был он неверным,
Пусть испытает счастливица¹ участь.*

Неглиже (négligé)

Красавица, ожидающая своего любовника в неглиже, говорит ясно: оливковая ветвь, или белый флаг не говорят больше, чем неглиже в любви, мы знаем это от великого поэта.

*Она была в одежде так небрежной,
Как я хотел, такой в ней изыск был,
Что неглиже служанкой было верной,
Платок, нельзя короче, грудь прикрыл,
Игривый же наряд из юбки скромной
Мне мысли навевал скоромны.*

Менее смышленные понимают по этим признакам, что происходит подготовка к их триумфу, что победа обеспечена. Красавица в этом виде заявляет, что она готова к закланию на алтаре Купидона, она украшенная жертва.

¹В галантном языке того времени – получающий только небольшие знаки благосклонности. (Прим. пер.).

Нежность (tendresse)

В нынешней философии любви обозначает особенную склонность женщин к кокетству: итак, если вы от них слышите: «Вы знаете мою нежность», означает: «Я слишком тщеславна, полна корыстного интереса и самолюбия, что решиться на уменьшение числа моих поклонников».

Обольститель (enchanteur)

Слово, относящееся к белой магии любовников. Обольстительный взгляд и т. п. Это слово, как *приманки, прелести, шарм* и многие другие основываются на принципе, что тот, кто хвалит, всегда нравится, и ко всему прочему, если поначалу эти похвалы вызывают недоверие, вскоре они воспринимаются как обязывающая истина. Все женщины в этом похожи на Елену у Овидия: «Этим лестным речам я уступаю с удовольствием, Почему, желая быть красавицей, не соглашаться с ними».

Оказия, случай (occasion)

Означает то же самое, что час любовного свидания, время нежности и т. п. Итак, любовница предоставляет любовнику, что называется Оказией, объясняется само собой; этот язык понимается хотя бы при малейшем намеке на такую возможность.

Пленник (captive)

«Я ваш пленник: относитесь чуть получше к вашему пленнику» означает: «Чем больше я убеждаю вас в силе вашего очарования надо мной, тем больше я выигрываю».

Порывы страсти, исступление (transports)

«Я больше не могу сдержаться, я весь в порыве страсти», – и здесь броситься к ногам любовницы или сделать какую-нибудь другую глупость означает: «Что бы разум вам ни подсказал, поверьте лучше моим выходкам».

Мы не входим в бесконечные подробности следствий, движений и переворотов, причиняемых порывами страстей; заметим только, что какими бы естественными они ни казались, они значат еще менее порывов больного в бреду, который больше ни о чем не вспомнит, когда приступ кончится. Стоит ли верить любовнику?

*Итак, порывы исчезают, вздохи, розы,
Которыми девица возмечтает о себе.*

*И, обольщенная, не видит ей угрозы:
От розы шип грозит ее судьбе.*

Похвала, лесть (louange, flatterie)

Похвала, лесть, слова синонимы.

*Да, злато делится, никак не похвала,
Пусть даже ангел будь оратор.
Но разделить на двух не будут рады
Ни наш герой, ни дама и не автор.*

Женщины хотят еще более похвал, чем им расточают их любовники. И когда они говорят: «Комплименты меня не привлекают, ненавижу похвалы», – это на самом деле означает: «Вы не умеете их так сказать, чтобы я больше в них поверила: похвалы моя слабость и т. п.»

Поцелуй (baiser)

У нас цена поцелуя значительно упала; так как, знает или не знает читатель, в былые времена невеста могла получить значительное состояние за один поцелуй: если ее будущий муж умирал до свадьбы, она имела право на половину данного ей имущества. Даже при Франциске I его наместник в Миланезе приговорил одного француза к смертной казни за то, что тот насильно поцеловал одну итальянку. Но не поддадимся искушению распространяться на эту тему и скажем только, что ныне наши законы стали намного мягче в этом отношении.

*Как часто поцелуй дается наудачу,
Но разве в этом вся его задача?
Желание мое возвысит его цену,
И большее ему придет на смену.*

Таково скрытое намерение любовников, хотя и просится он как незначительное одолжение.

Почтение, изъявление нежных чувств (hommage)

Термин, которым пользуются для предложения своего сердца. Почтение, выраженное женщине в летах, не значит то же самое для молодой. Чтобы определить точное значение, надо понять значение слова «любить». Когда предполагается целью только забава, тогда следующий куплет изъясняет этот термин.

*Посмею изъявить мое почтение.
Его, прошу, не отвергайте,
Хотя бы только для забавы
Мой флирт шутливый принимайте.*

Пошада (quartier)

Ah quartier! Ах, пошадите, сударь! Эта фраза, произносимая дамой, которую безудержно хвалят, означает: «Я ненасытна по части комплиментов, средством для продолжения их будет поощрение, в вас достаточно ума, чтобы знать, что просить пошады означает не делать их больше».

Пошадите – это означает, что вы знаете ситуацию, в которой мы живем, и вам небезызвестно, что:

*Когда в годах мегера
Красавчику – Венера,
Здесь прелести нет веры,
А злату – у мегеры.*

Предмет (objet)

Предмет моей нежности, то есть: «Та, к которой я лхну, моя забава и т. п.».

Прелести (appas)

Прелести – термин лести, очень полезен для успеха в любви, поскольку, как ни ловка красавица в знании терминологии, она не смогла бы уверить себя, что этот не обозначает, как раньше, соблазнение черт и совершенств, создающих красоту. Итак, в стихах:

*Узревши прелести, достойные небес,
Рассудок потерял от дивности чудес.*

Или в прозе: «Можно ли сопротивляться стольким прелестям» означает только: «Если я вам порол чепуху и не смог вас тронуть, я знаю выпад, который вам будет трудно отразить, будь вы в тысячу раз тоньше, и вот один из них». И тогда *прелести, шарм, привлекательность, красота* идут напролом и делают чудеса.

Привлекательность, очаровательность (attraits)

Когда уже были употреблены слова «прелести, приманки» и «очарование», тогда для разнообразия употребляют «привлекательность, очаровательность», и тогда они значат не больше, чем «приманки,

прелести».

Привязанность (engagement)

Нежная привязанность идет дальше, чем думается, не видно, когда она начинается и чего она будет стоить. И часто это цепь, в которой первые звенья невидимы, а последние настолько крепки, что, почувствовав это, слишком поздно желать от них избавиться.

Признание (aveu)

«Долго ли мне еще дожидаться нежного признания», – это в общении с кокеткой означает: «Мне кажется, что я уже прошел все ступеньки, ведущие к заключению, и хватит вздыхать в кредит, я начинаю скучать и т. п.» В общении с неискушенной: «Вас удерживает только некоторая стыдливость, но вы уже уверены, сделайте решительный шаг».

Приятность (agréments)

Слово, которым пользуются для невинного обмана очень уродливой женщины, когда было бы подозрительно серьезно уверять, что она красавица. Итак, «Я не нахожу ни в ком этих приятностей» означает: «Поскольку я имел смелость вам сказать, что я вас люблю, следует найти некоторые доказательства этому. Приятности относятся к понятиям очень субъективным, неизъяснимым, которые трудно определить, и я в вас их нахожу множество; когда же набью в них руку, я дойду и до «красавицы».

Простофиля (dupe)

В любви: много отдавать, ничего не получая взамен, напрасно расточать свои дары и чувства, о ком одна кокетка сказала:

*В нем нет и не было сердечных чар,
Ни в взгляде на меня, и ни в речах.
Он для меня всегда как выжатый лимон,
Который выбросят, когда не нужен он.*

Разум (raison)

*Перед любовью мудрецы все смолкнут,
Любовь не философ, она в заблужденьях,
И гонит наш разум, он вскоре замолкнет
В приятных любви похождениях.*

Основываясь на этих правилах, любовники и их любовницы поздравируют друг друга с потерей разума: «Вы меня заставили потерять голову», означает: «Поскольку, чтобы считаться настоящим влюбленным, предполагается не иметь разума, я охотно от него отказываюсь, по крайней мере, внешне, чтобы вы потеряли свой». При достаточном размышлении часто происходит так, что те, кто при творяется, в самом деле его теряет, люди, желающие казаться дурачками, ими и становятся.

Рандеву (rendez-vous)

Благосклонность, которой добиваются только иносказаниями. См. тет-а-тет.

Свобода (liberté)

Состояние сердца, которое никогда не любило или перестало любить. Слишком часто она значит распущенность, разврат, как в этой фразе: «Брак меня пугает, я люблю свою свободу».

Сердце (coeur)

Сердце всегда противопоставляется разуму, у него свои удовольствия и свой особый язык: высказывание сердца производит великие следствия, но разум так хорошо подражает его речам, что люди часто принимают одно за другое, полагая, что одно сердце говорит в любовной записке, тогда как разум ее единственный автор.

Называют сердцем, ни разу не любившим, такое, которое впервые испытывает это чувство, в чем волокита ищет, бог знает, какое удовольствие, давая ему первые уроки.

Охладевшим сердцем называется такое сердце, которое открыто любой любви, так «искокетствовавшее», что уже не способно на большое чувство.

В «английском журнале «Спектатор» можно увидеть анатомию сердца кокетки, картина изящная и остроумная.

Склонность (inclination)

Avoir une inclination. Иметь склонность, принять чью-либо сторону, поверять ему все тайны, которые невозможно утаить, проводить с ним, что называется, приятное время, которое иногда бывает только потерянным временем, с ним подружиться, чтобы сбить с толку мать, поставить в тупик мужа. См. любить.

Слезы (pleurs)

«Веришь ли ты моим вздохам? Поверишь ли моим слезам?» В устах красавицы это означает: «Слезы – красноречие прекрасного пола, они трогают самого бесчувственного, будете ли тверже, чем другие?» Это западня, из которой любовнику трудно выпутаться, поскольку у женщин есть талант охотно плакать. У испанцев на этот счет есть поговорка: *Lagrimos de Mugerres valent mucho*, у *questan* ро-со [лакримос де мухерес валент мучо, и квестан поко]. «Женские слезы ценятся много, а стоят женщинам мало». Эта поговорка не имеет такой грациозности во французском языке.

Союз (union)

Это сладкий союз двух любящих сердец, то есть картиной любви доброго старого времени я стараюсь представить в другом свете любовь нашего века:

*Как часто повторяются те самые слова,
Что были до того, как хитрость к нам пришла,
И мода их использовать прошла,
И больше так не любят, как тогда.*

Спесивец, спесивый вид (dédaigneux, air dédaigneux)

Термин означает, что после ссоры хотят поднять себе цену и подержать достоинство пола. Этот вид имеет несколько других значений, объяснение которых мы предоставляем «Словарю мин».

Сплетни (saquet)

«Это только болтовня», говорится о волоките в переносном смысле, как поется в этой старой песенке:

*Не нравится мне твой любовник,
Он, Филис, хвалит прелести твои,
Вчера, сегодня, здесь и там и во все дни,
Но это только он всегда болтает,
Но дело сделать у него силенок не хватает.*

Ссора (brouillerie)

Ссоры обычны в любовном обращении. Давно уже было сказано,

*В любви – всё ссоры, да обиды, и примиренья,
Любовь при этом словно радость озаренья,*

*Любовникам поссориться, сердиться, помириться –
Всё для того, чтобы потом любовию острее насладиться.*

Кокетки и профессиональные волокиты находят удовольствие в обвинениях и оправданиях, вот в чем проходит их жизнь, отнимите у них такую возможность, и вы отнимете у них целую область их жизни.

Поскольку ни те, ни другие не отличаются большой верностью, они тем более не верят в нее по отношению к ним самим: отсюда все эти упреки, объяснения, примирения, разрывы, проявления ненависти.

Страстишка (amourette)

Хотя все виды любви предполагают обычно затмение здравого смысла, слово *страстишка* особенно употребляется для обозначения *любви сумасшедшей*, под которой понимают скрытую связь между лицами разного социального положения, как например, между маркизом и гризеткой.

*И брак, идущий вслед любовию такую,
Что добрая ночь пред дней плохих чредою.*

Судьба, рок, звезда и т. п. (destin, sort, étoile)

Слова – большие помощники молодой особы, которая хватается за все, чтобы прикрыть свои ошибки. Медея не последняя прибегла к своему оправданию при помощи слова «судьба», чтобы сделать глупость, много других после нее обвинили свою судьбу, свой рок. Одна фаталистка в любви так объясняется у одного из наших поэтов:

*Не думаю совсем, могу ль без порицанья,
Объявшему меня огню отдаться без сознанья.
Быть может, не нашла б защиту в отверженье,
Поскольку ведь в любви людей предназначенье,
И мне б тогда не избежать совсем страданья.
Так Купидон велел, как быть без подчиненья.*

Все это означает, что красавица отдалась нежной склонности, которая влечет ее, и без сопротивления плывет по воле волн, что она пользуется «роком», чтобы пристойно уступить страсти; слово это придает выразительности и речи, и письму.

Сумасшедший (fou)

«Вы с ума сошли! Да перестаньте же!» Часто это следует воспринимать как формулу сдачи, как если бы говорилось: «Крепость плохо защищается, малейшее усилие приведет к победе». Тон и вид, с которым это говорится, диктует поведение.

Счастье (bonheur)

Слово имеет разные смыслы, которые нужно воспринимать в переносном значении.

«Почему вы не осчастливите меня?!» Эта часто слышимая фраза обыкновенно значит: «Почему вы так осторожны, чтобы быть несчастной, поверив мне?» «Вы меня любите, какое счастье», означает: «До сих пор я был раб, теперь я буду более дерзок, мне больше не нужно быть слишком любезным, что было для меня тяжелой ношей».

Тет-а-тет (tête-à-tête)

Одна только мысль о нем услаждает сердца любовников: обычно слово по своей некоторой грубоватости избегается, и в любовных отношениях свидания добиваются обиняками. Обычно вначале этому свиданию наедине противятся, оно отвергается, любовник возражает, и, ничего не обещая точно, договариваются обо всем. Тет-а-тет представляет камень преткновения и соблазн для агнесс.

*Так шаг за шагом мы до нежной крайности доходим,
А не желали и не думали вначале, но нисходим.*

Туалет (toilette)

Красавица, принимающая своих любовников при своем туалете, когда она уверена в своих прелестях, и чувствующая это по всем взглядам. В таком случае позволить застать себя за своим туалетом — это как бы сказать: «Я хочу нанести вам удар наверняка, хотя по виду он кажется совсем неподготовленным».

*Вот дама фаворита принимает,
При туалете нежно занимает.
И долго здесь не нужно размышлять,
Какой убор для мужа надевать.*

Увы! (hélas!)

Галантное междометие, которым украшают жалобы или печаль. См. Ах! Когда хочется сказать «я люблю», сердце в нужном месте нам

доставляет «Увы!»

Узы (noeuds)

«Ничто никогда не сможет разбить такие прекрасные узы», означает то же самое, что: «Я всегда буду постоянен и верен».

Услужливость, рвение (empressement)

«Как вы плохо отвечаете на мое рвение!», означает: «Сильно желаю, чтобы вы сделали опасный шаг».

Фортуна, богатство (fortune)

Человек, имеющий успех у женщин, очень уверен в том, что такой, как он, не будет вздыхать в кредит, делая вывод от единственного случая к общему, и от интрижки с позолотчицей, заключает об успехе у всех женщин.

Их узнают по высокомерию, по самоуверенному тону, с которым они говорят, они с холодностью жалуются на отсутствие и минуты свободного времени, что они, к большому своему несчастью, нравятся женщинам. Люди, которые рассматривают в микроскоп свои мнимые достоинства, считают унижительным делать авансы женщинам.

Цепи (chaînes)

Поэтический термин. «Мое сердце не может разбить ее (его) цепи» ныне не означает «Я вас люблю», итак, в случае со старой богатой вдовой: «Я не смогу разбить мои цепи», означает: «Ваши золотые монеты очень красивы».

Шарм (charme)

Звучное слово, употребляют его без особого разбора, и значит только «прелести, приманки».

Щеголь-красавец (beau)

Слово ныне включает в свое значение мужчину-любезника, профессионального волокиту, он вышивает, вяжет бантики, изобретает моды, проводит за туалетом столько же времени, сколько кокетливая дама, не пропустит ни одного из бесполезных украшений, годных для женщины, как если бы он носил чепчик и серьги, говорит Лабрюйер.

Перевод с французского Николая Епишкина

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ РАСТЕНИЙ¹

Составитель **НИНА МАРКОВА**

РУССКИЙ	АНГЛИЙСКИЙ	ЛАТИНСКИЙ
Пп		
падуб	holly	Ilex L. (Aquifoliaceae)
пажитник	fenugreek	Trigonella L. (Leguminosae)
пазник	cat's-ear	Hypochoeris L. (Compositae)
палисандр (палисандровое дерево)	palisander	Jacaranda brasiliana
пальма арековая (пальма катеху)	betel-nut palm, betel palm	Areca catechu
пальма бразильская	carnauba palm	Copernicia cerifera L. (Palmae)
пальма веерная (трахи- карпус)	hemp palm	Trachycarpus H. Wendl. (Palmae)
пальма винная	wine palm	Mauritia Mart. (Palmae)
пальма восковая	wax palm	Ceroxylon Humb. Et Bonpl. (Palmae)
пальма «дум»	doum palm	Hyphaene Gaertn. (Palmae)
пальма кавказская (сам- шит)	box	Buxus L. (Buxaceae)
пальма капустная	cabbage palmetto	Sabal palmetto
пальма катеху	betel-nut palm, betel palm	Areca catechu
пальма кокосовая	coconut palm	Cocos nucifera L. (Palmae)
пальма масличная	oil palm	Elaeis Jacq. (Palmae)
пальма пальмирская	Palmyra palm	Borassus L. (Palmae)
пальма ротанговая	rattan palm	Calamus rotang L. (Palmae)
пальма саговая	sago palm, smooth sa- go palm	Metroxylon sagu Rottb. (Palmae)
пальма сахарная	sugar palm	Arenga Labill. (Palmae)
пальма тени	talipot palm	Corypha L. (Palmae)
пальма финиковая	date palm	Phoenix L. (Palmae)
пальма хамеропс	dwarf palm	Chamaerops L. (Palmae)

¹См. начало в журнале «Переводчик» № 9, 2009.

пальметто (пальма сабаль)	palmetto	Sabal
пандан (панданус)	screw-pine, pandanus	Pandanus Rumpf. (Pandanaceae)
панкрациум	sea daffodil, pancratium	Pancratium Dill. (Amaryllidaceae)
папайя (дынное дерево)	papaw, papaya	Carica papaya
папирус	papyrus, Egyptian reed	Cyperus papyrus L. (Papyrus antiquorum L. (Cyperaceae)
папоротник	brake	Pteris gen.
паприка (перец красный стручковый, перец стручковый однолетний, перец болгарский, перец испанский)	bell pepper, sweet pepper	Capsicum annuum
парадизея	Saint-Bruno-lily	Paradisea Mazzuc. (Liliaceae)
пармелия	parmelia	Parmelia Ach. (Parmeliaceae)
парнолистник	bean caper	Zygophyllum L. (Zygophyllaceae)
паслён	nightshade	Solanum L. (Solanaceae)
паспалум	Dallis-grass, joint-grass	Paspalum L. (Gramineae)
пассифлора (страстоцвет)	granadilla, passion-flower	Passiflora
пастернак	parsnip	Pastinaca L. (Umbelliferae)
пастушья сумка	shepherd's purse, blindweed, lady's purse, caseweed, wind-flower, shovelweed	Capsella bursa-pastoris Monch. (Cruciferae)
патиссон	scallop	Cucurbita pepo var.
патриния скабиозолистная	supple Jack	Patrinia scabiosifolia
пауллиния	supple Jack	Paullinia L. (Sapinadaceae)
пауловния (адамово дерево)	paulownia	Paulownia S. et Z. (Scrophulariaceae)
паучник (клеоме)	spider-plant	Cleome L. (Capparidaceae)
пахучка	wild basil	Clinopodium L. (Labiatae)
пачули	patchouli plant	Pogostemon patchouly Desf. (Labiatae)
педилантус	slipper-plant	Pedilanthus Neck. (Euphorbiaceae)

пекан (гикори)	hickory, pecan	<i>Carya pecan</i> Nutt. (Juglandaceae).
пеларгония (герань розовая)	stork's-bill, garden geranium, pelargonium	<i>Pelargonium</i> L'Herit. (Geraniaceae)
пелтария (шит)	shield-wort	<i>Peltaria</i> Jacq. (Cruciferae)
пеннисетум	Napier-grass, fountain-grass	<i>Pennisetum</i> Rich. (Gramineae)
пентстемон	beard-tongue	<i>Penstemon</i> Mitch. (Scrophulariaceae)
пеон (пион)	peony	<i>Paeonia</i> L. (Ranunculaceae)
пепельник (цинерария)	cineraria	<i>Cineraria</i> L. (Compositae)
пеперомия	pepper-elder	<i>Peperomia</i> Ruiz. et Pav. (Piperaceae)
пепино (дынная груша)	pepino	<i>Solanum muricatum</i>
первоцвет (примула)	1. primrose, cowslip, oxslip 2. bird's eye	1. <i>Primula elatior</i> L. (Primulaceae) 2. <i>Primula farinosa</i> <i>Gypsophila paniculata</i> L. (Caryophyllaceae).
перекати-поле (качим метельчатый)	baby's breath	<i>L. (Caryophyllaceae).</i>
перелеска (печёночница)	1. liverleaf 2. liver agaric, beefsteak fungus	1. <i>Hepatica</i> Mill. (Ranunculaceae) 2. <i>Fistulina hepatica</i> Fr. (Fistulinaceae)
переския	Barbados-gooseberry	<i>Pereskia</i> Plum. (Cactaceae)
переступень (бриония)	bryony	<i>Bryonia</i> L. (Cucurbitaceae)
перец белый	white pepper	<i>Piper albus</i>
перец болгарский (перец испанский, перец красный стручковый, перец однолетний, паприка)	bell pepper, sweet pepper	<i>Capsicum annum</i>
перец водяной (горец перечный)	water pepper	<i>Polygonum hydropiper</i> L. (Polygonaceae)
перец гвоздичный (пимента двудомная, перец ямайский)	allspice, pimenta, bayberry pimenta	<i>Pimenta</i> Lindl. (Myrtaceae)
перец длинный	long red pepper	<i>Piper longum</i>
перец кайенский красный	red pepper, Cayenne pepper, hot pepper	<i>Capsicum frutescens</i>
перец красный острый	chilli, red pepper	<i>Capsicum baccatum</i>

(перец стручковый)		
перец кубеба (кубеба, перец хвостатый)	cubeba, cubeb pepper	Piper cubeba
перец настоящий	pepper	Piper L. (Piperaceae)
перец опьяняющий (ава-перец, кава)	kava pepper	Piper methysticum
перец стручковый кайенский	cayenne	Capsicum annuum
перец узколистный (мати-ко)	matico, matico pepper, soldier's herb	Piper angustifolium
перечная трава (водяной перец, горец перечный)	water pepper, marsh-pepper smartweed, water-pepper smartweed, sickle weed, biting knotweed	Persicaria hydropiper (Polygonum hydropiper)
перечник зонтичный (иберийка)	candytuft	Iberis umbellata
перилла (судза)	perilla	Perilla L. (Labiatae)
перловник	melic-grass	Melica L. (Gramineae)
персея красная	red bay	Persea borbonia
персидская ромашка (пиж-ма красная, пиретрум розовый, пиретрум мясо-красный, кавказская ромашка)	Caucasian pyrethrum, Persian pyrethrum, florist's pyrethrum	Pyrethrum roseum (Pyrethrum carneum, Tanacetum coccineum, Tanacetum roseum)
персик	peach	Persica Mill. (Prunus persica (L.) Batsch.) (Rosaceae)
персиковое дерево	peach	Persica vulgaris
персиммон (хурма)	date-plum	Diospyros gen.
песколюб (аммофила, песчаный тростник)	beach-grass, sea sand-reed	Ammophila Host. (Gramineae)
песчанка	sandwort, arenaria, chickweed	Arenaria L. (Caryophyllaceae).
петров крест	toothwort	Lathraea L. (Orobanchaceae)
петрушка	parsley	Petroselinum Hoffm. (Umbelliferae)
петрушка горная (горичник горный)	spicknel, mountain parsley	Peucedanum oreoselinum (L.) Moench. (Athamanta oreoselinum L.) (Umbelliferae)
петрушка кудрявая	curly parsley	Petroselinum crispum
петрушка обыкновенная (петрушка огородная)	common garden parsley, garden parsley	Petroselinum sativum

петуния	petunia	Petunia Juss. (Solanaceae)
петуший гребешок (целозия гребенчатая)	cock's comb, cockscomb	Celosia L. (Amaranthaceae)
печёночная трава (печёночница благородная, печёночница обыкновенная)	liver-leaf hepatica, liverleaf	Anemone hepatica (Hepatica nobilis)
печёночник	liverwort	Hepatica
печёночница (перелеска)	liverleaf, beefsteak fungus, liver agaric	Fistulina hepatica Fr. (Fistulinaceae)
пижма	tansy	Tanacetum L. (Compositae)
пикнантемум	mountain-mint	Pycnanthemum Michx. (Labiatae)
пикрасма блестящая (пикрасма высокая)	Jamaica bitter-wood, Jamaica quassia, shining picrasma	Picrasma excelsa
пикульник	hemp nettle	Galeopsis L. (Labiatae)
пикульный корнишон (колючий огурец, вест-индский огурец)	bur cucumber	Cucumis anguria
пилея	artillery plant	Pilea Lindl. (Urticaceae)
пилокарпус ветвистый	branching pilocarpus	Pilocarpus racemosus
пилокарпус мелколистный	small-leaved pilocarpus	Pilocarpus microphyllus
пилюльница	pillwort	Pilularia L. (Marsileaceae)
пимелея	rice-flower	Pimelea Banks. et Soland. (Thymelaeaceae)
пинеллия тройчатая	ternate pinellia	Pinellia ternata
пион аптечный	medicinal peony, common peony	Paeonia officinalis
пион полукустарниковый	Chinese peony, tree peony	Paeonia suffruticosa
пиретрум девичий	virgin pyrethrum, feverfew, feverfew chrysanthemum	Pyrethrum parthenium (Tanacetum parthenium)
пиррозия языкообразная	tonguelike pyrtrosia	Pyrrosia lingua
писцидиевое дерево	piscidiac tree	Piscidia piscipula (Piscidia erythrina).
пихта	fir	Abies Mill. (Pinaceae)
пихта бальзамическая	balsam fir	Abies balsamea Mill. (Pinaceae)
пихта белая (пихта гребенчатая, пихта европейская)	silver fir, European pine	Abies alba
пихта благородная	l. noble fir	l. Abies nobilis

пихта дугласова	2. silver fir Douglas fir	2. <i>Abies alba</i> <i>Abies Douglasii</i> Lindl. (<i>Pseudotsuga Douglasii</i> Carr.) (Pinaceae)
пихта сибирская	Siberian fir	<i>Abies sibirica</i> Ledeb. (Pinaceae).
пихта цельнолистная	Manchurian fir, needle fir	<i>Abies holophylla</i>
плакун-трава (дербенник иволистный)	purple loose-strife	<i>Lythrum salicaria</i> L. (Lythraceae)
платан	plane-tree	<i>Platanus</i> L. (Platanaceae)
платан восточный (чинар)	Oriental plane	<i>Platanus orientalis</i> L. (Platanaceae)
платан западный	button-ball, button-wood, American plane-tree	<i>Platanus occidentalis</i> L. (Platanaceae)
платициериум	siaghorn-fern	<i>Platycerium alcornae</i> Gaud. (Polypodiaceae)
плаун (ликоподий)	club-moss, lycopodium, wolf's claw	<i>Lycopodium</i> L. (Lycopodiaceae)
плаун альпийский	Alpine club moss	<i>Lycopodium alpinum</i>
плаун-баранец (баранец обыкновенный)	fir club moss	<i>Lycopodium selago</i> (<i>Huperzia selago</i>)
плаун булавовидный	common club moss, toad's-tail, running pine, common wolf's-claws	<i>Lycopodium clavatum</i>
плаун годичный (плаун го- довалый)	interrupted club moss	<i>Lycopodium annotinum</i>
плевел	rye-grass, darnel	<i>Lolium</i> L. (Gramineae)
плюмерия	frangipani plant	<i>Plumeria</i> L. (Apocynaceae)
плющ	ivy	<i>Hedera</i> L. (Araliaceae)
повилика	dodder, devil's guts	<i>Cuscuta</i> L. (Convolvulaceae)
повилика тимьянная	lesser dodder	<i>Cuscuta epithymum</i>
повилика японская	Japan dodder, Japan strangleweed	<i>Cuscuta japonica</i>
повой заборный (вьюнок заборный, калистегия за- борная)	hedge glorybind, bearbind, woodbine	<i>Calystegia sepium</i> (<i>Convolvulus sepium</i>)
повойничек	waterwort	<i>Elatine</i> L. (Elatinaceae)
поганка (гриб)	pixy-stool	
погремок	1. rattle-box 2. rattle-pot	1. <i>Rhinanthus</i> L. (Scroph- ulariaceae) 2. <i>Alectrolophus</i> gen.
подбел	1. andromeda	1. <i>Andromeda</i> L. (Erica- ceae) 2. <i>Petasites</i> Mill.
1. (андромеда)	2. butter-bur	

2. (белокопытник)		(Compositae).
подбел многолистный (роз- мариновый вереск, лаван- довый вереск)	bog rosemary, bog- rosemary andromeda	Andromeda polifolia
подковник	horseshoe vetch	Hippocrepis L. (Leguminosae)
подладанник	cytinus	Cytinus L. (Cytinaceae)
подлесник	sanicle	Sanicula L. (Umbelliferae)
подлесник европейский	European sanicle, wood sanicle	Sanicula europaea
подмаренник	bedstraw, lady's bedstraw	Galium L. (Rubiaceae).
подокарпус	yacca-tree	Podocarpus Pers. (Taxaceae)
подорожник	plantain, rib-grass	Plantago L. (Plantaginaceae)
подофилл	may-apple, podophyllum	Podophyllum L. (Berberidaceae)
подсвекольник (щирица за- прокинутая)	beet root	Amaranthus retroflexus L. (Amaranthaceae)
подснежник	snowdrop	Galanthus L. (Amaryllidaceae)
подсолнечник	sunflower	Helianthus annuus L. (Compositae)
подъельник (вертляница)	Indian pipe	Monotropa L. (Monotropaceae)
полба	spelt, dinkel wheat	Triticum spelta L. (Gramineae)
полба волжская (эммер)	emmer	Triticum dicoccum Schränk. (Gramineae)
полевая вишня (пузырчатая вишня, физалис обыкно- венный)	husk tomato, alkekengi	Physalis alkekengi
полевая фиалка	lady's delight	
полевица	bent-grass, silk-grass, cloud-grass	Agrostis L. (Gramineae)
полевица	love-grass, teff	Eragrostis Host. (Gramineae)
полёвка	myagrum	Myagrum L. (Crucifera)
полевой вьюнок	field bindweed	Convolvulus arvensis
поленика (мамурс)	arctic bramble	Rubus arcticus L. (Rosaceae)
поллиния	sugar-grass	Pollinia Trin. (Gramineae)
полукустарник	forb, undershrub, subshrub, suffrutex	suffrutex
полумутовка	false whorl	pseudovorticillus,

полуница	hill strawberry	verticillaster <i>Fragaria viridis</i> Duch. (<i>Fragaria collina</i> Ehrh.) (Rosaceae)
полушник	quillwort	<i>Isoetes</i> L. (Isoëtaceae)
полынь	sage-brush, wormwood	<i>Artemisia</i> L. (Compositae)
померанец (бигарадия)	Seville orange, bitter orange	<i>Citrus aurantium</i> L. var. <i>amara</i> (<i>Citrus Bigaradia</i> Risso) (Rutaceae).
понтедерия	pickerel-weed, pickerel-plant	<i>Pontederia</i> L. (Pontederiaceae)
попкорн (кукуруза лопающаяся)	pop-corn	<i>Zea mays everta</i>
поповник (нивяник)	daisy	<i>Chrysanthemum leucanthemum</i>
порезник	libanotis	<i>Libanotis</i> L. (Umbelliferae)
1. поросль корневая	1. coppice shoot	1. soboles
2. поросль (подлесок)	2. springwood	
портулак	purslane	<i>Portulaka</i> L. (Portulacaceae)
портулакария	purslane-tree	<i>Portulakaria</i> Jacq. (Portulacaceae)
поручейник	water parsnip	<i>Sium</i> L. (Umbelliferae)
порфира (красная водоросль)	red laver	<i>Porphira</i> gen.
посконник	thoroughwort, boneset, rich-weed	<i>Eupatorium</i> L. (Compositae)
посконник обыкновенный (седач, седаш)	hemp-agrimony	<i>Eupatorium cannabinum</i>
постенница	pellitory	<i>Parietaria</i> L. (Urticaceae)
поташник (курай, зольник, солянка русская)	Russian thistle, saltwort	<i>Salsola ruthenica</i> Iljin (<i>Salsola kali</i> L.) (Chenopodiaceae)
1. початок (кукурузы)	1. ear	—
2. початок (форма соцветия)	2. spadix, spike	2. spadix
почка	bud, oculus	oculus
прангос кормовой (юган)	hay plant	<i>Prangos pabularia</i> Lindl. (Umbelliferae)
прибрежник	shoreweed	<i>Litorella</i> L. (Plantaginaceae)
приворот (репейничек, репешок)	agrimony	<i>Agrimonia</i> L. (Rosaceae)
прилистник	stipule, scale leaf	stipula
примула (первоцвет)	primrose, oxlip	<i>Primula elatior</i> L.

приноготовник	whitflow-wort, nailwort	(Primulaceae) Paronychia Adans.
прицепник	bur parsley	(Illecebraceae)
пробковый дуб	cork oak	Caucalis L. (Umbelliferae)
прозопис	screw bean	Quercus suber
		Prosopis L.
		(Leguminosae)
пролеска	squill	Scilla L. (Liliaceae)
пролеска многолетняя	dog's-mercury	Mercurialis perennis
пролесник	mercury	Mercurialis L.
		(Euphorbiaceae)
проломник	rock-jasmine	Androsace L.
		(Primulaceae)
просвирник (просвирняк, калачики, мальва)	mallow	Malva L. (Malvaceae)
просвирняк обыкновенный	cheese-flower	Malva neglecta Wallr.
		(Malvaceae)
просо	millet	Panicum L. (Gramineae)
прострел (сон-трава)	pasque-flower, pasqueflower	Pulsatilla (L.) Mill.
		(Ranunculaceae)
прострел даурский	Dahurian pasque-flower	Pulsatilla dahurica
прострел Турчанинова	Turchaninov pasque-flower	Pulsatilla turchaninovii
		Krylov & Ser (Ranunculaceae)
протея медоносная	sugar-bush	Protea mellifera L.
		(Proteaceae)
протококк (одноклеточная, шарообразная водоросль)	protococcus	protococcus
протофит (простейший растительный организм)	protophyte	protophyte
прутняк (кохия)	summer cypress	Kochia Roth.
		(Chenopodiaceae)
прыгун (недотрога жёлтая)	touch-me-not	Impatiens noli-tangere
		(Balsaminaceae)
прыщинец	lesser spearwort, banewort	Ranunculus
		flamula L.
		(Ranunculaceae)
пряность	vegetable herb	
псевдоакация	locust	Robinia pseudoacacia
псоралея	scurfy-pea	Psoralea L. (Leguminosae)
псоралея съедобная	bread root	Psoralea esculenta
птармика (чихотная трава, тысячелистник птармика)	sneezewort, sneezewort	Achillea ptarmica
	yarrow, bastard pellitory, European pellitory	(Compositae)
птелея	hop-tree, shrubby trefoil	Ptelea L. (Rutaceae)
птерис	brake	Pteris L. (Polypodiaceae)

птицемлечник	star-of-Bethlehem	Ornithogalum L. (Liliaceae)
пузатик	nit-grass	Gastridium Beauv. (Gramineae)
пузыреплодник (пузырчатник)	ninebark	Physocarpus Maxim. (Rosaceae)
пузыресемянник (вздулоплодник, даная ветвистая)	Alexandrian laurel	Danae racemosa Link. (Liliaceae)
пузырник	colutea	Colutea gen.
пузырчатка	bladderwort	Utricularia L. (Lentibulariaceae)
пузырчатник (пузыреплодник)	ninebark	Physocarpus Maxim. (Rosaceae).
пупавка	chamomile, camomile	Anthemis L. (Compositae)
пустоцвет	barren flower, sterile flower	flos inanis
пустынноколосник	desert-rod	Eremostachys Bge. (Labiatae)
пустырник	motherwort, cardiac motherwort	Leonurus L. (Labiatae)
пушица (пушница)	cotton-grass, canna	Eriophorum L. (Cyperaceae)
пшеница	wheat	Triticum L. (Gramineae)
пшеница белозёрная (пшеница белоколосая)	white wheat	
пшеница ветвистая	branched wheat	Triticum vulgare compositum Tum. (Triticum vavilovianum Jakubz.) (Gramineae)
пшеница мягкая	common wheat, soft wheat	Triticum vulgare Vill. (Gramineae), Triticum aestivum, Triticum sativum
пшеница однозернянка	einkorn	Triticum monococcum L. (Gramineae)
пшеница остистая (усатка)	awned wheat	Triticum vulgare aristata
пшеница польская	Polish wheat	Triticum polonicum L. (Gramineae).
пшеница твёрдая	durum wheat	Triticum durum Desf. (Gramineae)
пыльца	dust, pollen	pollen
пыльцеголовник	helleborine	Cephalanthera Rich. (Orchidaceae)
пырей	wheat-grass, couch-grass, quack-grass, quitch-grass	Agropyron Gaertn. (Gramineae)

НОВИНКИ

САЙТ ЕВГЕНИЯ ФЕЛЬДМАНА

На базе сайта Омской государственной областной научной библиотеки (ОГОНБ) имени А. С. Пушкина идет подготовка «Литературного сайта Евгения Фельдмана». Вход – <http://feldman.omsklib.ru/>

На данный момент – это бета-версия сайта, но размещено уже более 1.400 стихотворений. Сайт двуязычный, параллельно представлены оригинальные тексты и тексты переводов:

Адрес раздела «Из англо-шотландской поэзии»:

<http://feldman.omsklib.ru/index.php/perevody/iz-anglo-shotlandskoj-poezii>

Особый интерес представляет Артур Конан Дойль-поэт: как поэта его в России почти не знают. Адрес:

<http://feldman.omsklib.ru/index.php/perevody/iz-anglo-shotlandskoj-poezii/107-konan-dojl-artur-1859-1930>.

Книгу «Былые дни, былые времена. Страницы английской и шотландской поэзии в переводах Евгения Фельдмана», изданную Министерством культуры Омской области в конце лета 2012 года, можно скачать на сайте Министерства – <http://www.sibmincult.ru/content/gl2015/3/14.pdf>, а также по адресу http://omskmark.moy.su/publ/essayclub/noobiblion/2015_e_d_feldman_by_lye/111-1-0-2679. По этим двум адресам книга скачивается БЕСПЛАТНО.

Адрес страницы Евг. Фельдмана в интернет-магазине OZON.RU – <http://www.ozon.ru/person/356625/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛТАНХУЯГИЙН БАЯРСАЙХАН (Монголия)

Студент 2 курса факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Опыт переводческой деятельности – 5 лет.

БАЛДОРЖИЕВ ЦЫРЕН-ХАНДА (Виктор Балдоржиев) (с. Новая Заря, Заб. край)

Учился в Благовещенском госпедуниверситете и на историко-филологическом факультете Читинского госпединститута им. Н. Г. Чернышевского. Известный забайкальский русскоязычный писатель, журналист, член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР с 1982 г., член Совета Всебурятского Центра Развития Культуры. В 2005–2009 гг. возглавлял Читинскую писательскую организацию. В 2008 году стал Кавалером медали А. С. Пушкина. Работал трактористом, чабаном, пастухом, стригалем. Автор романов «Разные люди» (1991), «Последние войны волков» (2004); стихотворного сборника «Каторга» (1992) и др. Поэт-переводчик с бурятского и монгольского языков. Изданы книги авторизованных переводов с бурятского языка: «Свет родимых вершин» (1996), «Алханай – Шамбала моей души» (1999), Рассказы (1999), «Звезда над степью» (2000), «Между Алханаем и Ямато» (2002). Победитель (II место) открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013).

БЕРФОРД ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА (Великий Новгород)

Окончила Санкт-Петербургскую консерваторию им. Н. А. Римского-Корсакова. По специальности музыковед, кандидат искусствоведения, автор сотни научных статей, опубликованных в России и за рубежом. Её монографию о творчестве Н. Паганини авторитетная газета «Музыкальное обозрение» признала лучшей книгой-исследованием за 2011 г. В 2013 г. в Санкт-Петербурге при поддержке Благотворительного фонда имени Д. Ойстраха вышла её книга, посвящённая выдающемуся скрипачу Игорю Ойстраху. Заниматься поэтическим переводом начала случайно, наблюдая за работой будущих коллег в Интернете. Её переводы из Франсуа Коппе и Джованни Пасколи публиковались в различных периодических изданиях и в третьем выпуске антологии «Век перевода». Помимо итальянского, переводит с французского, английского, немецкого и испанского языков.

БРИЛЕВА ВАЛЕНТИНА РОДИОНОВНА (Чита)

Работает в городской библиотеке им. М. М. и Е. П. Нарышкиных. Автор поэтического сборника «Любовь» (2000). Переводит английскую классику

ческую поэзию. Автор четырех персональных фотовыставок: «Жизнь – диво в искристых красках...» (2007), «...Радость, прежде всего, пробуждать» (2008), «Жизни земное отраженье» (2009), «Чувствам предаться несуетным...» (2013).

БОБРОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА (Чита)

Окончила университет им. Гумбольдта в Берлине (Германия) и аспирантуру по германской филологии при ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кандидат философских наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Работает заместителем директора университетского предприятия ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Является одним из авторов учебного пособия для студентов немецкого отделения педагогических университетов «Мой край – Забайкалье» (2009). Действительный член Союза переводчиков России. Имеет публикации в разделах «Земля Даурская» и «Лексикография» журнала «Переводчик».

БУЛДЫГЕРОВА АННА НИКОЛАЕВНА (Чита)

Окончила факультет иностранных языков (китайское отделение) Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Работает старшим преподавателем кафедры китайского языка факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. Принимала участие в работе VIII Летней школе перевода (Крым, 2015 г.).

ВАСИЛЬЕВ ГЕННАДИЙ ГЕОРГИЕВИЧ (Чита)

Окончил высшую Краснознамённую школу КГБ СССР им. Ф. Э. Дзержинского. Работает помощником ректора по международным вопросам. Занимается переводами с монгольского языка.

ВОРОНЧЕНКО ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова по специальности «Русский язык и литература», Иркутский государственный педагогический институт иностранных языков им. Хо Ши Мина по специальности «Английский язык», аспирантуру и докторантуру при кафедре зарубежной литературы в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской. Доктор филологических наук, профессор. Член Союза переводчиков России с 2003 года. Учредитель журнала «Встречи» в ЗабГПУ, член редколлегии и автор поэтических публикаций. Интервью с Татьяной Воронченко и её стихи звучали в разные годы на Центральном и региональном радио и телевидении, в 2007 г. – публичное выступление в открытом эфире на национальном канале Мексики в программе Clemente Diaz de la Vega “Pulso Ciudadano”. Является автором переводов мексикано-американских поэтов: «На перекрёстке миров...» (Чита, 1998), «Рудольфо Анайя. Писательский пейзаж: Эпифания в пейзаже» (литературно-художественный журнал «Переводчик», № 1, 2001), «Интервью с Рудольфо

Анаия» (литературно-художественный журнал «Переводчик», № 2, 2001), «Рудольфо Анаия. Атлан: Отечество без границ» (литературно-художественный журнал «Переводчик», № 3, 2002). Автор вступительной статьи «Путешествие в осень» к поэтическому сборнику Ольги Эзрад (Стедьмак) «Волшебный мир любимых грёз» (2003). С 2011 года является сопредседателем Ассамблеи народов Забайкалья, входит в издательский Совет при губернаторе Забайкальского края, член редколлегии издания «Многонациональное Забайкалье» (Чита, 2015, в 2 томах), ответственный редактор тома 2 (Чита, 2015).

ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (Москва)

Окончил китайско-английское отделение Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук. Переводчик, член Союза переводчиков России, член Национальной лиги переводчиков. Научные интересы – методика преподавания китайского языка, переводоведение, лингвокультурология, психолингвистика. Автор учебных пособий и словарей (в том числе в соавторстве с Ма Тяньюй): Современный русско-китайский словарь (2012); Китайский язык. Три книги в одной. Грамматика, разговорник, словарь (2013); Самый простой самоучитель китайского языка «500 китайских слов» (2013); монография «Китайскоязычный прецедентикон» (2013), Учебник практической фонетики китайского языка (2014); По-китайски обо всём. 88 научно-популярных текстов-миниатюр на занятиях по китайскому языку (2014); Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая (2015); Китайский язык: четыре книги в одной. Разговорник, китайско-русский словарь, русско-китайский словарь, грамматика (2016). Персональный сайт: www.vokitai.ru

ГЕРАСИМОВА СВЕТЛАНА ВАЛЕНТИНОВНА (Москва)

Окончила Московский государственный университет им. Ломоносова. Переводчик, доцент кафедры истории литературы Московского государственного университета печати им. Ивана Федорова. В ее переводах вышли стихотворения Э. По, Л. Кэрролла, поэтическая драма-сказка Гоцци. Автор статей по творчеству русских и зарубежных писателей. Финалист конкурса «Писатель года – 2015» в номинации «Детская литература». Победитель открытого международного конкурса (II место) «Поэтическое определение перевода» (2016). Победитель открытого международного конкурса (II место) «Поэтическое определение перевода» (2016).

ГЛАДКИХ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА (Чита)

Окончила факультет иностранных языков (французско-английское отделение) Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского; аспирантуру при кафедре литературы ЗабГПУ «Литература стран зарубежья». Работает старшим преподавателем кафедры

европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ.

ДЕМИДОВА (КОВАШКИНА) НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА

(Исландия, Рейкьявик)

Окончила бакалавриат Государственного университета Исландии, переводчик. В настоящее время заканчивает обучение в магистратуре того же университета на отделении переводоведения. Переводы с исландского и статьи публиковались в журналах «Новая Юность», «LiteraruS» (Финляндия), «Milli mála» (Исландия), «Переводчик» (Россия).

ЕПИШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (Чита)

Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии, переводчик с французского. Составитель Краткого исторического словаря галлицизмов русского языка (Чита, 1999), Исторического словаря галлицизмов русского языка (Москва, 2010). Подготовлен к печати 3-х томный Исторический словарь французской моды в России. Опубликовано: хронологический словник «Французские ткани и их цвет» (2014), «Московитские письма» Ф. Локателли (перевод с французского, 2014). Вышел в свет Хронологический словник Исторического словаря французской моды в России: одежда, обувь, головные уборы, прически (Чита, 2015). Опубликовано перевод с французского книги Александра Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви» (СПб., 2015). В настоящее время осуществляется работа над переводом с французского Исторического словаря Любви 18 века, автором которого является Дрё дю Радье.

ИВАНОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА (Чита)

Студенка 4 курса китайского отделения факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета. Активная участница студенческих научных конференций «Филологическое образование и современный мир».

КОРЖОВА ЕКАТЕРИНА МАКСИМОВНА (Чита)

Окончила с отличием бакалавриат и магистратуру на факультете филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Поэт-переводчик с английского, немецкого и русского языков. Многократный победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков. Автор поэтического сборника «Трепет застенчивой души». Работает старшим методистом кинотеатра «Бригантина».

КРОТКОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Москва)

По окончании Московского государственного института культуры долгое время был государственным служащим в системе Госкомиздата СССР. Печататься начал в 1984 году. С середины 1990-х – профессиональный литератор и журналист, автор более 2000 публикаций. Поэтическим переводом интересовался с юности, однако публиковать ранние опыты не считал возможным. Зрелые переводческие работы печатал в 2000-х годах в журналах «Юность» и «Литературная учёба». Перевод цикла Томаса Элиота «Книга доподлинно известных котов» опубликован в антологии «Век перевода. Выпуск 3» (М.: Водолей Publishers, 2012). Книга переводов с французского «Уснувший в ложбине» вышла в Санкт-Петербурге в ноябре 2014 года.

МАКАРОВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ (с. Акша, Заб. край)

Известный забайкальский поэт-переводчик, журналист, заслуженный работник культуры РФ. Окончил историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. В 1972 г. стал членом Союза журналистов СССР, в 1978 г. – членом Союза писателей. Опубликованы книги стихов поэта: «Начало начал» (1975), «Возвращаются птицы» (1978), «ЦВЕТНЫЕ коромысла» (1983), «Узы» (1987), «На изломе времен» (2001). Более тридцати лет занимается переводом бурятской поэзии. В 2001 году вышли в свет три стихотворных сборника переводов с бурятского: «С родников начинаются реки большие...», «Вечный свет» и «Волшебные зеркала». В 2008 году появились еще два сборника переводов с бурятского – «Степные березы» и «Когда поет кукушка». В 2009 году к 70-летию со дня рождения поэта было опубликовано юбилейное 2-х томное издание «Стихи и поэмы» (Москва: Изд-во «Русь»). Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). Автор книг переводов с бурятского «Дороже всех богатств» (2014), «О чём молчит степная тишина» (2015).

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)

Окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук, специальность: скандинавская литература. Литературовед, с юных лет пишет собственные стихи и прозу. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (Пушкино, 2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора). Автор стихов и малой прозы в московских журналах «Юность», «Литературные незнакомцы», «Наша улица», альманахах «Складчина», «Остров», «Вышгород» (Таллинн), «Tímarit Máls og menningu» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова).

Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016).

МАРКОВА НИНА АЛЕКСЕЕВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является постоянным автором раздела «Лексикография», составитель Русско-английско-латинского словаря флоры и фауны в помощь переводчику.

РУСИНА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (Чита)

Студентка 3 курса китайского отделения (перевод и переводоведение) факультета филологии и массовых коммуникаций Забайкальского государственного университета.

САГРАТЯН АШОТ АРИСТАКЕСОВИЧ (1936 – 2015)

Окончил русское отделение филологического факультета университета им. Молотова, затем Литинститут им. А. М. Горького. Учился в аспирантуре Института мировой литературы. Писатель, поэт, художник. Воспитатель переводческих кадров: с 1969 по 1995 гг. руководил творческим семинаром в Литературном институте им. А. М. Горького, читал лекции по теории перевода и психологии творчества, в том числе и на Высших литературных курсах. С 1968 года журналист-международник. Перевел около 30 книг. За уникальные разработки в области этнопедагогики в 1998 г. был избран членкором Академии педагогических и социальных наук, а в 1999 г. – действительным членом АПСН. В 1999 г. был удостоен Золотой пушкинской медали. Автор книги «Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом» (2001), посвященной 1700-летию принятия христианства государственной религией Армении. В 2009 году награжден медалью В. Я. Брюсова за более чем полувековой вклад в науку о переводе и пропаганду шедевров армянской литературы на русском языке. В 2010 году выпустил поэтический сборник, посвященный 65-летию Великой Победы. Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). Автор поэтических переложений шекспировских трагедий: «Гамлет, Принц Душевной Смуги» (2013), «Джульетта и Ромео», «Отелло», «Ричард III», «Король Лир» (2014), «Антоний и Клеопатра», «Макбэт», «Венецианский купец», «Юлий Цезарь» (2015).

СЕМИБРАТОВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ (Киров)

В 1986 году окончил исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Работал в газете «Кировская правда», редактором «Вятского епархиального вестника». В настоящее

время – доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных дисциплин Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Является кандидатом культурологии. Публиковался в газете «Сельская новь» (с. Акша), в журнале «Слово Забайкалья» и других изданиях. Автор трёх поэтических сборников: «Калина из Медового Ключа» (2007), «Своя Россия» (2011), «С точки зрения Вечности» (2014), а также ряда научных и научно-популярных книг. Член Союза писателей России и Национального союза библиофилов. Лауреат литературной премии им. Н. А. Заболоцкого (2015). Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016).

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Москва)

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает литературным редактором журнала «ЧИП – детям» (приложение к журналу «Чудеса и приключения»). Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытых международных конкурсов: «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). «Поэтическое определение перевода».

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в Москве. Кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики факультета филологии и массовых коммуникаций ЗабГУ. Поэт-переводчик, действительный член Союза переводчиков России, руководитель Забайкальского регионального отделения СПР, главный редактор научно-художественного журнала «Переводчик», директор университетского предприятия ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Опубликованы англо-русские словари (поэтизмов, цветоименований, стихотворных терминов) в помощь переводчику; учебные пособия для студентов «Britain Is Never Distant», «Business English»; книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...» (1998, 2-е изд. 2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Переводы также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду...». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень ...» (2000), «Волшебный мир любимых грез» (2003), «Мой зачарованный мираж...» (2006); «Сладкой грусти наслаждение...» (интернет-издание на сайте «Стихи.ру», 2012). Опубликованы стихи в коллектив-

ных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники» (2012), «Российские поэты» (2012), Сборник стихов (2012), Любовная лирика (2013). Дипломант поэтического конкурса «Поэт 2012 года».

СТРУЧАЛИНА ГАЛИНА ВАЛЕРЬЕВНА (Белгород)

Окончила историко-филологический факультет педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»). Ассистент кафедры международных отношений ИМК и МО Белгородского государственного национального исследовательского университета, поэт-переводчик, колумнист коллективного Интернет-блога о Китае Sadpanda. Страничка с поэзией и переводами в Сети: <http://www.stihi.ru/avtor/kfbkby> Публиковалась в сборниках «Мост» (Санкт-Петербург), «Словенское поле-2013» (Псков), «Писатель и литературный процесс» (Белгород) и др. Лауреат конкурсов: Международного Молодежного конкурса перевода LITTERA SCRIPTA (2010, Екатеринбург), фестиваля-конкурса исторической поэзии «Словенское поле» (2013, Псков-Изборск). Участник международного исследовательского проекта «В. Я. Ерошенко и его время», посвященного жизни и творчеству многоязычного писателя и путешественника Василия Ерошенко. Автор книги стихов и переводов «Творчество». Пишет на русском, английском. Переводит с английского, китайского, украинского. Планируется создание «карманной антологии» китайской поэзии.

ФЕЛЬДМАН ЕВГЕНИЙ ДАВЫДОВИЧ (Омск)

Окончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Стаж творческой деятельности более 40 лет. Перевёл свыше 60.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов А. К. Дойля «Песни действия». Основные публикации: переводы в 3-хтомной антологии «Семь веков английской поэзии» (2007), Д. Китс «Эндимион» (2008), Р. Бернс «Былые времена» (2009, 2012), Р. Киплинг «Кабульский брод» (2010). В 2012 году в издательствах Москвы и Санкт-Петербурга опубликованы книги: Р. Бернс «Джон Ячменное зерно» (стихотворения, поэмы, песни, баллады); Р. Киплинг. «Бремя белых» (часть 2 в пер. автора); Блэкмор Р. Д. «Лорна Дун» (роман); Брэддон М. Э. «Тайна леди Одли» (роман); О. Уайльд. «Сфинкс» (стихотворения и поэмы). «Лауреат Бунинской премии 2010 года в номинации «Поэтический перевод». Награжден Всероссийской общественной организацией Героев, Кавалеров Государственных наград и Лауреатов Государственных премий «Трудовая доблесть России» Почетным знаком отличия «Трудовая доблесть. Россия» (2013). В ноябре 2013 г. стал лауреатом Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Литературные переводы».

ПЕРЕВОДЧИК

Выпуск 16

Главный редактор О.В. Стельмак

Печатается с оригинал-макета авторов

Подписано в печать 13.05.2016. Формат 60х84/16. Бумага офсетная.
Способ печати цифровой. Усл. печ. л. 14,8. Уч.-изд. л. 9,9.
Заказ № 16128. Тираж 300 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672007, г. Чита, ул. Алекзаводская, 30

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России

Контактный телефон 8-(302)2-32-02-44
E-Mail ovstelmak@mail.ru

